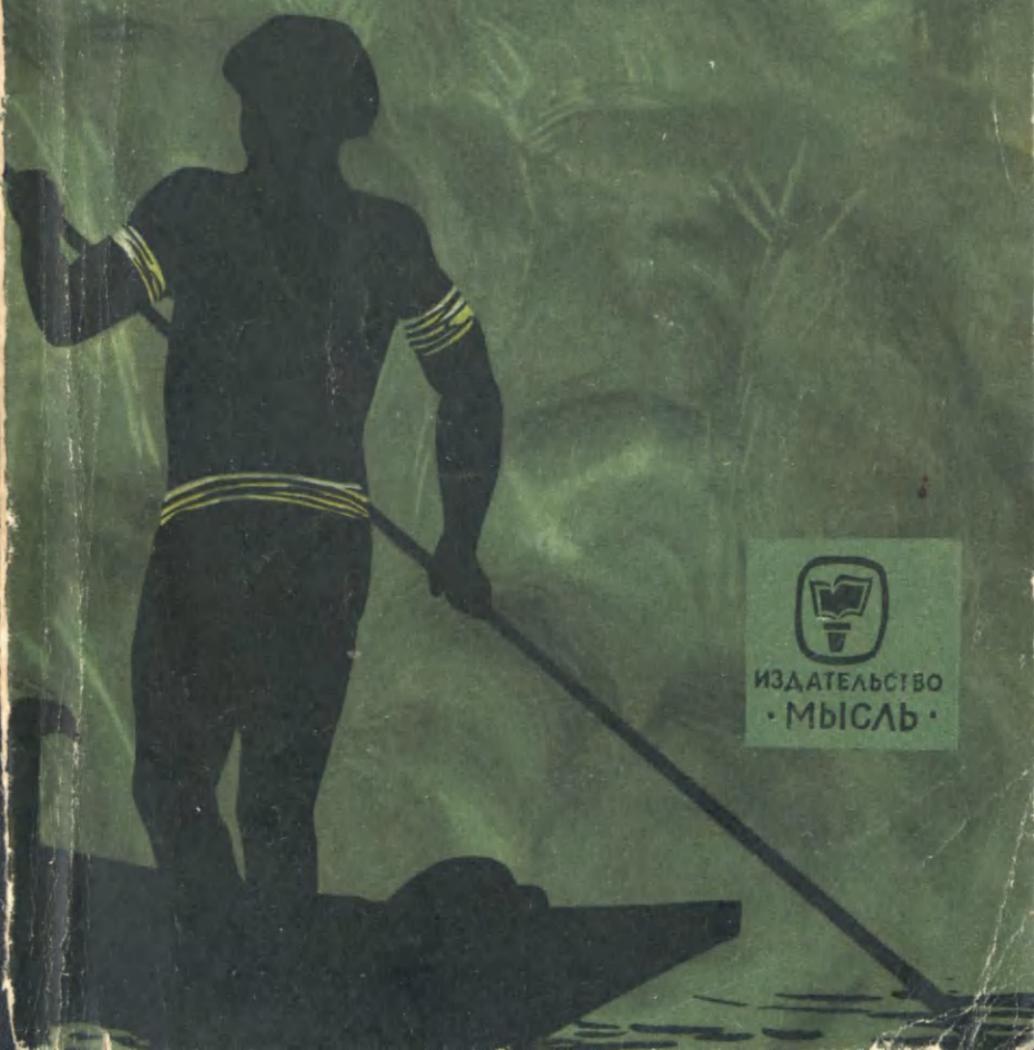

А. КАУЭЛЛ

В СЕРДЦЕ ЛЕСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• МЫСЛЬ •

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЫСЛЬ»**

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ
РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

А. КАУЭЛЛ

В СЕРДЦЕ ЛЕСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
«МЫСЛЬ»
Москва 1964

ADRIAN COWELL
THE HEART OF THE FOREST
London, 1960

Перевод с английского
Н. ВЫСОЦКОЙ и В. ЭПШТЕЙНА

Обширная область тропических лесов в северной части плато Мату-Гросу в Бразилии — одно из наименее исследованных мест на земном шаре. Об этой территории ходило много легенд, она манила к себе авантюристов и исследователей, однако побывать там и благополучно вернуться удавалось очень немногим...

Экспедиция, в которой участвовал автор этой книги Кауэлл, прошла по тем районам, где раньше не ступала нога путешественника. Около года провел Кауэлл в этих местах и написал увлекательную книгу, из которой читатель узнает многое о жизни, обычаях и нравах индейских племен.

Автор послесловия и примечаний канд. историч. наук
Л. А. Файнберг

Чтобы понять всего одну лишь мысль, высказанную индейцем племени тхукахаме — это первобытное племя лишь недавно вступило в контакт с внешним миром, — требуется не менее пяти минут. «Перо передай, когда болен. Другой. Там. Женщина делает ребенка. Убей индюка. Женщине больно, больно. Убей еще индюка. Мужчина. Индюк сильный. Ребенок умер». Таково одно из самых непонятных объяснений туземного обычая, которое я слышал от индейцев этого племени.

Разумеется, об этом первобытном языке можно было бы написать целую книгу. Я должен был подать разговор в удобочитаемом виде, но сколько-нибудь значительная редакция уничтожила бы последнюю возможность передавать настроения и характерные оттенки, присущие мышлению индейцев. А поскольку именно эти оттенки являются ключом ко всему, мне приходилось выбирать между удобочитаемым диалогом и такой подачей разговора, которая требует комментария. Так я пошел на компромисс. Неясные и бессмысленные отрывки я опускал, а остаток диалога оставлял в его подлинном необработанном виде. Получилось нечто ужасное, но соответствующее языку индейцев и дающее читателю возможность поразмыслить и сделать свои выводы.

Другую трудность представляет собой сверхъестественный непостижимый характер всего, что происходит в жизни индейцев. Многие события я объясняю на основании чистейших догадок и описываю исходя из своей личной точки зрения. Несмотря на то что это точка зрения неопытного, непрофессионального исследователя, она выражена с достаточной прямотой и в этом смысле может служить надежной основой.

В своем путешествии я всецело полагался на необычайную доброту бразильцев и индейцев, о которых я упоминаю, и хотя немногие из них умеют читать, им будет тем приятнее узнать, что благодарность им выражена в книге. Я также искренне признателен службе по охране индейцев, президенту и сотрудникам Центрального бразильского фонда, военно-воздушным силам Бразилии, господину Кальядо из «Коррейо-да-Манья», господину Жозе-де-Мейра-Пена из министерства иностранных дел Бразилии, британскому послу в Рио-де-Жанейро и мистеру Десмонду Коулу. Большинство выше-

перечисленных лиц — бразильцы, и они могут быть несколько задеты тем, что в этой книге их соотечественники и правительство не везде представлены в выгодном свете. Но, поскольку здесь говорится о выдающемся достижении Бразилии, было бы нечестным скрывать истину и тем самым преуменьшать трудности, которые приходилось преодолевать. Все рассказано так, как было; критические замечания приводятся в том виде, в каком их слышал автор. Все они принадлежат самим бразильцам и продиктованы лучшими побуждениями.

За ценную помощь, оказанную при подготовке рукописи этой книги, мне хотелось бы выразить свою признательность мистерам Джону Элсому и Патрику Аллену, мисс Элиноре Мерфи и участникам оксфордско-кембриджской экспедиции в Южную Америку. Большая часть фотографий — и все лучшие — сделана фотографом экспедиции Джоном Муром во время его двухнедельного визита в Капитан-Васконселос.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большинство путешествий, в частности и то, о котором рассказывается в этой книге, не ставит перед собой какую-то определенную цель. Правда, леса Амазонки издавна привлекали своими несуществующими богатствами всевозможные экспедиции. Четыреста лет назад конкистадоры начали искать золотые города Эльдорадо, которые были чистейшим вымыслом, однако и поныне люди странствуют по этим неисследованным местам в надежде обнаружить алмазные россыпи и затерянную цивилизацию Атлантиды. Со времен сэра Уолтера Рэли, сотворившего миф о «Гвианской империи», и до экспедиции полковника Перси Гаррисона Фосетта, который упоминал о «белокожих, рыжеволосых людях», Амазония была сказочной страной, безудержно манившей к себе людей. У людей, ступающих на эту землю, рождаются странные мысли и представления, а рассказы побывавших в Амазонии путешественников всегда кажутся невероятными — настолько они дивно красочны. Всех привлекают сами девственные леса — таинственная и непознанная земля. Поэтому большинство рассказов о путешествиях в Амазонию начинается не с цели путешествия, а с его маршрута и времени выступления.

В декабре 1957 года двое друзей — Джон Мур и Стенли Дживз — пригласили меня участвовать в путешествии по северной границе амазонских джунглей. И вот во время оксфордско-кембриджской экспедиции по Южной Америке они предложили мне отделиться на месяц от основной группы и отправиться вместе с ними к загадочной горе Рораима. Этот массив в лесах Амазонии впервые описал исследователь Роберт Шомбург. Он назвал его громадным ящиком — плато окружено пологими холмами. Впоследствии Карл Эппен и Беррингтон Браун описали скалы этого массива: высотой в

2000 футов и такие гладкие, что казалось, будто какой-то великан обтесал их ножом. Таким образом, Рораима, едва ее открыли, стала известна своей уединенностью и таинственностью: гигантская естественная крепость, окруженная труднопроходимыми джунглями и защищенная самыми высокими в мире стенами.

Во времена Эппена и Шомбурга — середина XIX века, — когда каждый год обогащал географию новыми открытиями, это неожиданно обнаруженное плато, с доисторических времен отрезанное от мира, поразило воображение исследователей. Зоологов, развивавших эволюционную теорию Дарвина, интересовало, не скрываются ли в районе Рораимы промежуточные виды животных или остановившиеся в своем развитии доисторические животные. Другие говорили об алмазах и исчезнувших городах, и, наконец, сэр Артур Конан-Дойль подытожил все эти домыслы в своем романе «Затерянный мир». У него профессор Челленджер обнаружил на Рораиме птеродактилей, динозавров и человекообразную обезьяну — всех сразу. Но самым поразительным в книге было описание самой горы, изображенной как последний естественный тайник, который природа окружила батареей всех своих оборонительных средств. Со страниц книги на читателя веет таинственностью и мощью. Само существование горы кажется зловещим.

Все мы, участники предстоящего путешествия, читали книгу Конан-Дойля, и каждый представлял себе Рораиму по-своему. «Не поверю, — говорил Джон, — чтобы гора могла быть такой всемогущей и зловещей. Горы состоят из камня, а камень не наделен страстями». Стенли же, участник восхождений на Альпы и Гималаи, мистически заявлял: «Горы еще своенравнее, чем люди. Взираясь на них, а сам слышишь, как они разговаривают с твоими ботинками».

Вряд ли это было достойной целью нашего путешествия, но оно должно было разрешить наш спор.

Мы отправились в путь из лавки, стоящей на границе и принадлежавшей симпатичному китайцу со звучным именем Нго-фук. Грузовик довез нас до городка скотопромышленников Боа-Виста. До алмазных россыпей Суапи нас доставил самолет, а затем мы добрались на волах до индейской хижины, откуда открывался вид

В первые дни Рораиму скрывали облака, принесенные ветром с Атлантического океана. Но однажды утром небо прояснилось, открыв взору все плоскогорье. Над нижней грядой высотой около 5000 футов на 2000 футов ввысь возносилась Рораима. И на протяжении всех восьми миль гору венчали скалы, поднимавшиеся еще на 2000 футов, так что вершина представляла собой поразительно ровную линию скалистых зубцов. На черном фоне скал выделялись красные и белые обнажения известняка. Гребень Рораимы прорезала долина шириной в полмили, которая делила гору на две неравные части.

По мере приближения к Рораиме почтение наше все возрастало. На пятый день начался последний этап восхождения. Это было на рассвете, облака не скрывали гору, и мы увидели единственный выступ, который, словно разводной мост, наклонился к вершине, и под нами, в расщелине, скопление облаков такой же причудливой формы, как и сама гора. Капризы ветра превращали облака в длинную, нескончаемую пелену тумана; словно язык ящерицы, она высовывалась из устья долины и вновь пряталась, периодически выдыхала клубы пара, как курильщик пускает колечки дыма. А когда мы стали приближаться к поясу белых древесных скелетов, окружающих гору, нас накрыл тошнотворный серый туман, похожий на ядовитый газ, сгустившийся над кладбищем павших воинов. Ключья тумана оседали на многочисленных остролистных растениях, именуемых «терновый венец Христа», и вокруг причудливых пауков, тянувших паутину от одного растения к другому.

Мы взбирались все выше. Моросил мелкий дождик. Еще через час мы были у подножия утесов в лесу, где никогда не прекращались дожди. Все вокруг покрывал густой уродливый мох; на каждом дереве гнездились безобразные грибы. Ямы наполняла черная вода. Там, где с поверхности скал сорвались камни, образовались пещеры, слишком сырые даже для змей, кругом росли бесформенные, скрюченные кусты и деревья. Через полтора часа мы с великой радостью уже взбирались на горный выступ.

Все было окутано туманом, и мы могли только разглядеть вертикальный утес справа и пологий склон слева. Однажды мы увидели огромный фонтан, который

бил прямо из скалы. В другой раз мы прошли под водопадом, который падал с такой высоты, что долетавшие до нас брызги были как мелкие капли дождя. Мы поднимались все выше и около полудня, миновав выступ, проследовали еще дальше, к самой вершине.

Ничего не было видно. Только черные скалы то появлялись, то вновь исчезали за облаками, и за стеной дождя гора скрылась из виду. Спустилась ночь, на нас обрушился холод и дождь. Мы поставили палатку, натянули свитеры и залезли в спальные мешки. Когда же рассвело, стало тепло, и мы не увидели на небе ни облачка.

Мы взобрались по скалам на самое высокое место. Рораима казалась отсюда высшей точкой всей Амазонии. «Мы словно в межпланетном путешествии какого-нибудь фантаста»,— сказал Джон. Мы обозревали окружающий нас «лунный» ландшафт, напоминавший гигантское блюдце, изборожденное безобразными, судорожно скрюченными черными грядками. На много миль вокруг простирались нагромождения изрезанных и иссеченных скал, будто миллионы злобных каменотесов соорудили камеру пыток, предназначенную для одного из титанов. Громадные скалы были искрошены ветрами, которые свирепствовали вокруг горы. Один утес напоминал орудие пыток — железный сапог, другой — искалеченного верблюда, там виднелась черепаха без головы, а дальше — свинья, и в спину ей вцепилась пиявка. В скале образовалась галерея с покатою крышей и колоннами, как в боковом приделе готической церкви, и подобием горгулий, еще более уродливых, чем на соборе Парижской богородицы. В средние века в таком месте вполне могли бы служить черную мессу. «Окажись все это в Англии,— заметил Стенли,— можно было бы брать по шестипенсовику за вход и нажить уйму денег». И в самом деле, сама природа создала здесь комнату ужасов. Громадные скалы, весь зловещий черный пейзаж словно обнажали душу Амазонии.

Позже мы установили, что оба потока, вытекающие из центрального блюдца в разные стороны, пропадают в руслах скал и сливаются друг с другом в центре. Они исчезают в глубоких пещерах, а затем снова выходят на поверхность — вероятно, в виде тех фонтанов, виденных нами на поверхности скал у подножия массива. Стенли, который в течение пятнадцати лет исследо-

вал пещеры Англии, утверждал, что если поверхность скал так сильно разрушена дождями и ветрами, то громадные массы воды, с незапамятных времен устремлявшиеся сквозь горную породу, должны были образовать в центре горы пустоты. Мы видели, что ручьи то появляются, то исчезают, и заключили из этого, что выходящие на поверхность скал скважины и есть пещеры с провалившимся потолком. Логично было предположить, что часть горы представляет собою лабиринт проходов, колодцев и похожих на храмы пещер. Один бразильский геолог сказал нам, что все алмазы, которые в течение столетий несут вниз по течению реки Британской Гвианы, Венесуэлы и Бразилии, попадают в эти реки откуда-то из сердцевины Рораимы. Возможно, полость внутри горы таит в себе разгадку «трубки с алмазами» и, добравшись туда, можно обнаружить то место, куда потоки воды снесли наиболее тяжелые камни.

Когда вокруг дрожит дымка этого жуткого «лунного» мира, рассудком неудержимо завладевает фантазия, и трудно не почувствовать, что и ты принадлежишь к числу искателей приключений, которые издавна стремились вырвать у лесов Амазонии их секреты и богатства. У нас не было ни снаряжения, ни запасов пищи, необходимых для настоящего исследования. Но впереди лежали открытия.

На другое утро мы стали обследовать местность, и Стенли, наш прославленный альпинист, оступился. Он упал на камни с высоты в 30 футов и получил перелом стопы. Мы подняли его и обсудили создавшееся положение. Оно было сложным. Обратный путь был чреват опасностью. Нам предстоял нелегкий спуск, продовольствие кончалось, на самолеты и медицинскую помощь можно было рассчитывать только через неделю. «Если ребята из английского клуба альпинистов узнали об этом, они бы засмеяли меня,— мрачно сказал Стенли.— От их смеха рухнули бы Йоркширские пещеры».

На следующий день Стенли, ползком и скользя на бедрах, преодолел 3000 футов и добрался до лагеря у подножия горы. Кругом громоздились острые скалы, со всех сторон нас плотно обступали джунгли, и нести его на носилках или на спине было невозможно. Спуск, на который в нормальных условиях ушло бы два с половиной часа, занял у Стенли десять часов; под конец он

от усталости уже ничего не видел и проехался руками и коленями по ядовитой змее, прежде чем мы ее заметили и убили. На любой другой горе мы бы оставили его на вершине отдыхать, а сами через неделю привели бы к лагерю лошадь. Но мы были на Рораиме, и никто из нас не мог прийти к определенному решению. «Уж такое негостеприимное место,— сказал Стенли,— кругом лишь острые, каменистые выступы. Ни деревьев, ни животных, только колючие, жесткие кусты, да черные насекомые, да дождь, да холод, и нигде ни огонька. Тут что-то есть...»

Потянулись голодные дни, мы сидели в лагере и следили за дымовыми сигналами, которые подавали нам индейцы, отправившиеся за продовольствием и лошадьми. В то утро, когда у нас кончились припасы, мы и впрямь почувствовали, что «тут что-то есть...» Хотя мы уже спустились с горы, она все еще тяготела над нами. Конечно, мы не связывали ее с духом Амазонии, и, разумеется, лес не мстил нам за попытку исследовать один из последних его тайников, но мощь и размеры Рораимы настолько подавляли наше сознание, что говорить о таких вещах было совсем не смешно. Мы сидели на северном склоне водораздела бассейна Амазонки и окидывали взором необозримые пространства первобытных лесов, тянувшиеся на две тысячи миль через всю Южную Америку. Размеры и мощь их казались всеподавляющими. «Если это лишь край леса,— сказал Стенли,— то в середине его должно быть что-то очень значительное». Мы задумались — что бы это могло быть? Алмазы? Или какое-нибудь неизвестное лекарственное растение? А может, лес, это чудовищное детище стихии, таил в себе какой-нибудь непостижимый дух? Мы решили, что когда-нибудь один из нас постарается узнать это. «Это, должно быть, очень интересный край,— заметил я,— нам, вероятно, предстоит найти сердце этого леса».

«Насчет сердца сказать ничего не могу,— ответил голодный Стенли,— скажу одно: там должна быть растительность. Набухшие от влаги растения. Вода капает с них, как с вынутой из кастрюли капусты»,— задумчиво добавил он.

Это была всего лишь догадка, но догадка поразительно верная.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КУЯБА ОРЛАНДО

Глава I

САМОЛЕТ ПРИЛЕТЕЛ

Как непривычно слышать шум самолета!

С тех пор как я вернулся на пост Капитан-Васконселос, прошло несколько недель. Самолет появился с востока. Мне он казался лишь крохотным пятнышком, которое двигалось над джунглями, но для моих товарищей это был, конечно, «наш самолет». Они были уверены, что после стольких дней ожидания он не может быть никаким другим. И впервые — а мне предстояло провести в джунглях много месяцев — мне подумалось, не скрываются ли за их уверенностью серьезные и злоеющие опасения.

Шум мотора усиливался. Жуан и Орландо выпрыгнули из гамаков.

Вскоре все мы — нас было трое — спешили к посадочной площадке.

Повсюду виднелись увядшие, иссушенные солнцем деревья. Землю покрывал густой слой пыли. Мы вздымали ногами тучи этой пыли, и зной казался еще нестерпимее. Солнце стояло в зените; бразильское лето было в разгаре.

Первым, продираясь сквозь листву, бежал невысокий, коренастый Орландо; на нем были лишь бутылочного цвета шорты, грубо сшитые из маскировочного парашютного шелка.

— Я же говорил, — бросил он через плечо, — надо ждать, и самолеты прилетят.

За Орlando следовал Жуан. Его одежда была не столь экзотической — брюки и рубашка цвета хаки.

— К нам и раньше прилетали самолеты,— пробормотал он.

Я прикрывал тыл и глубокомысленно молчал.

Когда мы выбежали из-за деревьев, самолет делал крутой вираж, почти касаясь крылом посадочной площадки, словно желая убедиться, что он действительно добрался до места назначения. Прилетел он в сердце Южной Америки из Рио-де-Жанейро, покрыв расстояние в тысячу миль, и с каждым часом пути лес становился все гуще, все реже встречались селения. Последние два часа летчик не видел ничего, кроме бескрайних зарослей. Но вот в джунглях мелькнула посадочная площадка. Самолет стал кружить над нею, постепенно снижаясь, пока не приземлился, подняв к небу облако красной пыли.

Мы подошли к машине. Это была старая «дакота» военного образца, на фюзеляже мы прочли надпись: «Форса Аэреа ду Бразил»². Задняя дверь внезапно распахнулась, и показался кто-то из экипажа.

В кабину пахло палящим жаром, и резкий свет на мгновение ослепил летчика. Он стал всматриваться в пыльное облако, оседавшее на раскаленную взлетную дорожку. Его глаза, защищенные козырьком, скользнули по запыленной пожухлой траве, потом вдоль плотной стены леса и наконец остановились на нас — захавшихся, покрытых пылью людях. Ни слова не говоря, он привалился к боковине дверного проема, отстегнул болтавшийся на поясе фотоаппарат, щелкнул и небрежно перевел кадр.

— Я привез груз для поста Капитан-Васконселос,— сказал он.

Жуан, обернувшись, многозначительно посмотрел на меня, а Орlando подошел к грузовому отделению и заглянул внутрь. Вдруг плечи его опустились, словно он внезапно ослабел от жары.

— Продовольствие,— с горечью сказал он,— а бензина нет.

Летчик с интересом посмотрел на Орlando.

— Вы что, пьете его? — спросил он.— В прошлый раз мы прислали целый бак.

— Да,— ответил Орландо,— тогда был бензин, но не было продовольствия. Мне пришлось отправить вниз по реке лодки за рыбой. А теперь есть продовольствие, но нет бензина.— Он посмотрел на самолет.— Такое случается уже не впервые.

Действительно, насколько мне было известно, так продолжалось уже семь месяцев, с января 1958 года, когда оба мои спутника — Жуан и Орландо — принялись ожидать, когда доставят припасы для экспедиции. Каждую неделю они ходили к посадочной площадке справляться о продовольствии, когда был бензин, и о бензине, когда было продовольствие. Всякий раз они надеялись через неделю тронуться в путь.

Орландо отправился переговорить с пилотом и выяснить, не сможет ли он забросить необходимые припасы на обратном пути. Я помогал перетаскивать груз, доставленный самолетом для поста.

Когда мы с треском опустили на землю последний ящик, один из членов экипажа предложил мне сигарету и полюбопытствовал, что делает англичанин в сердце бразильских джунглей. Ах вот как, мне тоже пришлось отправиться в экспедицию? В его голосе слышались покровительственные нотки.

— Все будет хорошо, можете не сомневаться. Сидите и ждите. При первой возможности забросим припасы.— Затем, как видно, ему в голову пришла какая-то мысль, и, бросив взгляд на раскаленную посадочную площадку, окруженную поникшими деревьями, он добавил: — Вы могли бы здесь как-нибудь развлечься. От чего бы вам не придумать что-нибудь интересное?

Дав нам этот мудрый совет, летчик влез в кабину и захлопнул дверцу.

Через несколько минут самолет поднялся в воздух, а мы с Жуаном и Орландо поплелись обратно на пост. Следующий самолет мог прилететь лишь через неделю, а мог и не прилететь вовсе.

Жуан шел рядом со мной.

— У меня в голове все кругом идет,— проговорил он.— Крутится все.

Веки его нервно вздрагивали; он то и дело поглаживал усы и маленькую козлиную бородку. Это был ушлый и педантичный южноамериканский аристократ, но его нервы начали сдавать.

— Кружится голова,— повторил он,— с трудом могу говорить.

Мы шли рядом, и я размышлял, что мне предстоит испытать в джунглях и сколько времени я здесь пробуду. На некоторых эта превосходная перспектива в киплинговском духе могла бы повлиять облагораживающе, но со мной все иначе. Сердце у меня ныло от тоски, и, казалось, все мое существо было пронизано чувством мрачной безнадежности.

Орlando, шлепая голыми ногами по пыли, тащился поодаль и поглядывал на нас.

— На будущей неделе прилетит еще самолет,— уверенно сказал он.— Вот увидишь, Адриано, обязательно прилетит.

Должно быть, мы выглядели странно и смешно: спорили и думали только об одном — об этой «дакоте», хотя каждый на свой лад. Лес не давал поднятой пыли рассеяться, и она облаком висела над нашей процессией. Это движущееся облако желтой пыли, которое, словно фантастическое амебовидное чудовище, катилось вдоль тропки на Капитан-Васконселос, издавало слова, всевозможные звуки и оживленно жестикулировало.

Лишь низкорослые деревья росли у самой тропинки на почти свободной полосе земли. Своим видом они немногим отличались от заброшенного фруктового сада в Англии, но за ними возвышался «настоящий лес» — мощные мачты стволов, увенчанные шапками густой листвы и лиан. Европейцу трудно себе представить эти деревья. Они растут повсюду, куда ни обратишь взор, и все собой закрывают. Подобно мачтам линии высокого напряжения близ промышленного города, они производят впечатление незримой мощи. И каждый из нас сознавал, что за этими деревьями стоят миллионы других, и все вместе они олицетворяют силу, враждебную человеку. Нас окружали бескрайние просторы джунглей, среди которых там и сям попадались клочки бесплодной, поросшей кустарником земли.

— Чертово место! — выругался Жуан.— Ни жратвы, ни крова, ни транспорта, ни людей. Почти нет животных. Одни мы.

Единственную пешую экспедицию, которая прошла до нас по этим местам, возглавлял Орlando Вильяс Боас, который, жестикулируя, шел рядом со мной.

— Если вы не верите в самолеты,— сказал он,— во что же вы тогда верите, Адриано? Лес можно победить только с помощью самолета. Вы же не станете этого отрицать?

Я был самым рослым и шел, слегка подавшись вперед, расслабленной походкой. На голове у меня была широкополая ковбойская шляпа, на подбородке уже начала отрастать борода. Орlando критически поглядывал на эти атрибуты, словно обозревал шляпу и усы укротителя львов, приклеенные к голове новорожденного младенца. Это его, очевидно, не вдохновляло. Он заговорил желчно и энергично, выразительно жестикулируя одной рукой, а другой поддерживая свои зеленые шорты, готовые ежесекундно соскочить.

— Четыреста лет назад,— начал он драматическим тоном,— племена индейцев начали спасаться от белого человека. Вам это следует помнить, Адриано. Забыть об этом — значит быть несправедливым по отношению к самолету. Индейцы со всей Южной Америки стекались в наш лес, пока не добрались до того места, где я основал свой пост. А потом племена воевали между собой. К востоку жили шаванты. Это страшно воинственное племя!

К северу жили кайяпо. А к западу жили кайяби. О них ходит немало легенд. Индейца племени кайяби называли человек-кошка. Взяв в плен человека, кайяби рисовал у себя на лице черный ус. Вы не должны забывать, что до того, как сюда стали прилетать самолеты, это место было чем-то вроде крепости...

Жуан продолжал бормотать: «Кружится голова, ничего не возьму в толк». Он слушал Орlando через силу; было ясно, что он слышал все это уже не раз.

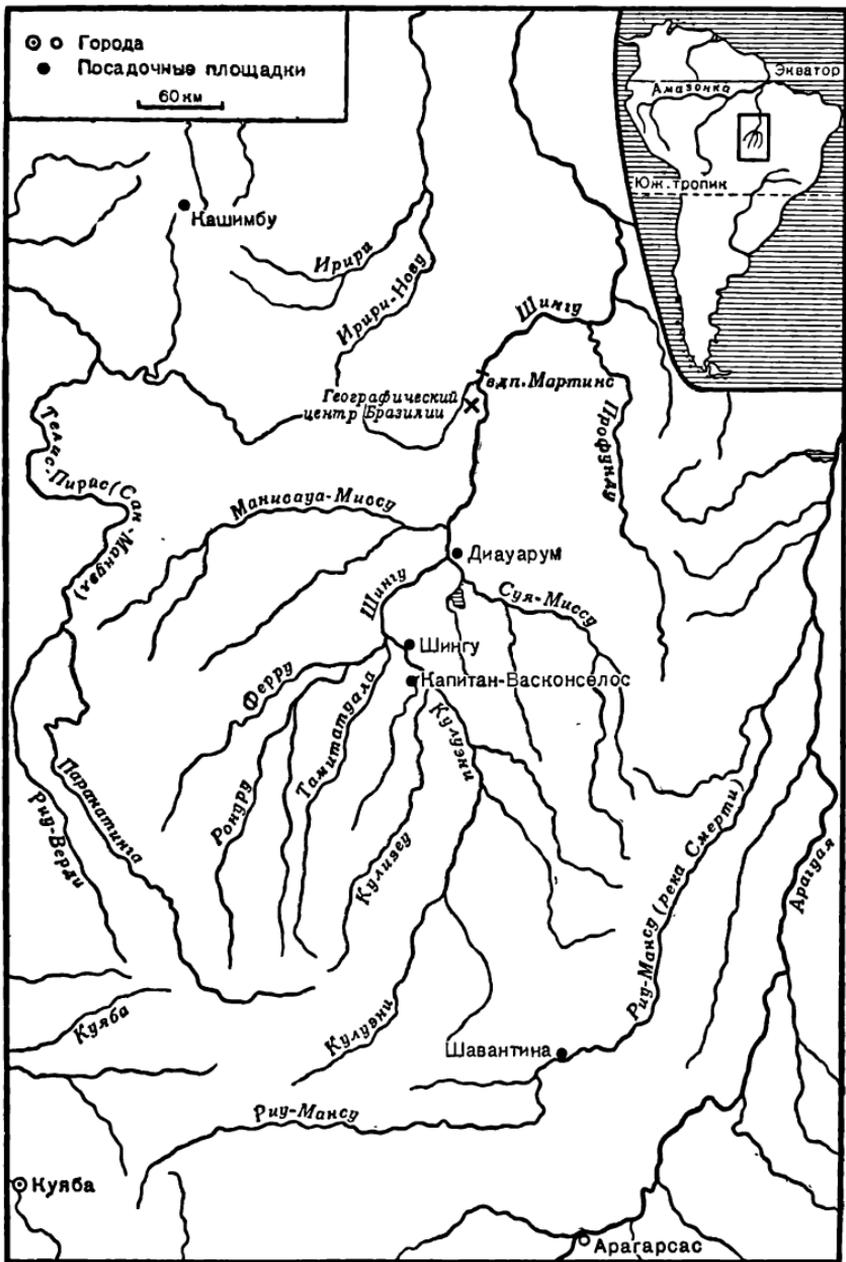
И в самом деле, общеизвестно, что по мере того как исследовался бассейн Амазонки, этот очаг сопротивления туземцев постепенно, в течение столетий, приобретал на карте все более четкие контуры. Он находится на плато на высоте примерно двух тысяч футов. Его восточная граница — река Смерти, западная — река Сан-Мануэл, южная — горный хребет, северная — спуск к наносным равнинам бассейна Амазонки. В центре этой области протекает река Шингу с притоками, она, как костяк, объединяет всю область в одно целое, именуемое просто Шингу.

Мы знали, что до Орландо многие исследователи пытались проникнуть в эти края. В 1941 году семь человек из группы, возглавляемой Пименталем Барбоса, были найдены мертвыми; до них было убито двое миссионеров.

Следуя в глубь веков, этот список жертв можно было бы продолжить. Хотя люди и путешествовали по реке Смерти, проникнуть в сердце этой страны было невозможно. Несколько групп спустилось с юга по реке Шингу. Так, еще в 1885 году это проделал известный немецкий ученый фон ден Штейнен. За ним последовали Дайотт и другие исследователи, однако они в основном ограничивались исследованиями верховьев реки. Из них вернулась примерно половина. Возвратившимся удалось собрать кое-какие сведения о реках, но никто не сумел, хотя бы ненадолго, проникнуть в глубину джунглей. Они, так сказать, обрисовали контуры цитадели, но никто не знал, что в ней таилось.

Как священный город или затерянный мир, территория между рекой Смерти и рекой Сан-Мануэл оставалась окутанной покровом легендарной тайны. Английский исследователь полковник Фосетт указывал, что, хотя в других районах Амазонки жили не менее воинственные племена, именно здесь они в явно организованном порядке держали неприступную оборону. Он полагал, что индейские племена, наподобие заслона, прикрывали цивилизацию городского типа, из которой вышли инки и которая первоначально родилась на исчезнувшем материке Атлантиды. Никто не мог опровергнуть эту гипотезу, потому что никто не знал, что таится в глубине этой территории. В 1925 году эти края оставались единственной на земном шаре неисследованной областью, достаточно обширной, чтобы в ней могла укрываться целая цивилизация. Фосетт и его спутники, отправившиеся в эти края, пропали без вести. Одну из групп, вышедших на их поиски, возглавлял Альберт де Винтон. Она тоже исчезла, равно как и итальянская экспедиция. Все великие открытия, сделанные со времен Колумба вплоть до 1943 года, лишь подчеркивали загадочность и неприступность этой таинственной лесной цитадели.

— Но вот,—громовым голосом продолжал Орландо,—самолет доставил сюда нас; правительство осно-

Север Мату-Гросу

вало Центральный бразильский фонд. Начались исследования. Мы построили базу на юго-востоке этого лесного района. Снаряжение доставили по воздуху. Был выслан отряд, чтобы выжечь в лесу посадочную полосу для самолета. Джунгли были почти покорены. Но не забывайте, Адриано,— покорены самолетом.

Самолет дал возможность послать сюда экспедицию на длительный срок. Джунгли, сопротивлявшиеся так долго, были почти покорены, и в авангарде победоносных исследовательских экспедиций стояли три брата — Орландо, Клаудио и Леонардо Вильяс Боас.

За пятнадцать лет, прошедших со времени первого почина, правительственная кампания по освоению девственных земель стала фактически личным делом братьев Вильяс Боас; начиная с 1946 года все экспедиции возглавлял кто-нибудь из них. Сейчас Клаудио заканчивал подготовку последней запасной посадочной площадки в Куруру. В джунглях было еще шесть таких площадок. Они тянулись по диагонали — с юго-востока на северо-запад.

Представьте себе, что Британские острова вдруг превратились в девственные джунгли и посадочные площадки имеются в Дувре, Лондоне, Бирмингеме, Глазго, Абердине и Белфасте, а ближайшим цивилизованным поселением является Париж. По всем остальным районам Англии, Ирландии, Уэльса и Шотландии разбросано свыше двух десятков племен, половина из которых настроена дружелюбно по отношению к братьям Вильяс, но убивает всех других цивилизаций — цивилизованных людей, которых застаёт на своих границах, а другая, еще не умиротворенная половина убивает всех без разбору — и цивилизаций, и индейцев.

В центре этого края расположен пост Капитан-Васконселос, нечто вроде столицы джунглей, основанной братьями Вильяс Боас, и теперь эта столица, к которой мы направлялись, все больше занимала наши мысли, вытесняя гул удалявшегося самолета.

— Эти «дакоты» — словно голуби, — с воодушевлением рассуждал Орландо. — Если им понравиться, они всегда возвращаются.

Мы с Жуаном молча слушали Орландо и шли дальше.

Мало-помалу слой пыли становился тоньше; вскоре по обе стороны тропинки деревья расступились. Впереди показалось открытое место. Это и был Капитан-Васконселос. На этом унылом, безлюдном посту нам предстояло жить не один месяц.

По первому впечатлению тут было просторно. Лес, который рос повсюду сплошную, здесь был вырублен, и на росчисти росли лишь отдельные деревья. Хотя пейзаж этот, возможно, и нравился бразильцам, англичанина, воспитанного в духе «Зеленых дворцов» Хадсона и роскоши тропического рая, он разочаровывал. Кусты не пестрели яркими цветами, трава была бурой и пожухлой. Черные и голые стволы деревьев так и остались лежать там, где они были срублены, огонь обглодал их кору и сжег листья. Правда, некоторые стволы оттащили к опушке леса, и немало пней было спилено почти под самый корень, но в остальном пост напоминал место аварийно-спасательных работ. Стволы деревьев резко выделялись на голой земле и гнили под палящими лучами солнца. Казалось, в джунглях разорвалась бомба.

С трех сторон росчисти длинной стеной возвышался лес, словно мрачная безжалостная ограда концентрационного лагеря. Правда, на несколько миль к югу тянулось открытое болотистое пространство. Но и тут джунгли не давали обозреть местность: длинная полоска растительности закрывала горизонт — стены тюрьмы смыкались.

— Друзья,— пробормотал Орландо,— вот мы и дома.

С ним поздоровалось несколько голых индейцев, направлявшихся к западному краю росчисти в свою хижину. Стройные и тугие, как их шестифутовые луки, они еще больше подчеркивали неподвижность окружающего пейзажа. Большинство их племени погибло от рук дикарей тхикао, до которых можно было добраться на самолете за пять минут, а оставшиеся в живых сбежали сюда, под защиту Орландо.

Впереди, на клочке голой земли, виднелся пост, словно прыщ на запяленной лысой голове. С полдюжины хижин окружало хижину побольше. Бревенчатый часток служил ей стенами, а пальмовые ветки — крышей. И только складские помещения сделали уступку цивилизации — они были крыты рифленным железом.

Солнце палило немилосердно. Пост был не чем иным, как кучкой хижин, наспех построенных на рощисте в глухом лесу. Он давал приют нескольким десяткам домашних животных. Они здесь дрались, добывали себе пропитание, спали и здесь же мочились.

Мы уже хотели войти в главную хижину, как вдруг сбоку от нее показалась небольшая свинья. Осторожно оглядевшись по сторонам, она прошмыгнула у нас между ног и бросилась наутек. Через несколько секунд откуда ни возьмись вылетела свора собак. Они кувыркались друг через друга, стараясь протиснуться в дверь, потом пробежали по нашим ногам и с кровожадным лаем пустились за свиньей.

Мы задумчиво смотрели собакам вслед, пока они не скрылись в джунглях.

— В один прекрасный день собаки расправятся с этой свиньей,— сказал Жуан и, лениво пожав плечами, переступил порог.

Войдя внутрь, мы попали во мрак. Снаружи в глаза бил яркий солнечный свет, а здесь было темно и сыро, как в логове зверя. Окон не было, но широкие промежутки между бревнами частотола пропускали свет. Крыша из пальмовых ветвей держалась на трех гигантских стволах, высоко над головой, в таинственном полумраке маячили стропила. Пол был глинобитный. Тут, словно в доме какого-нибудь английского аристократа, царил полумрак, который, казалось, заполнял все помещение.

— Роскошный дворец,— сказал Орландо, сделав выразительный жест. Подойдя к южной стене хижины, он улегся в гамак и испустил блаженный вздох.— Ах, как хорошо!

Мы с Жуаном направились к противоположной стене.

— Залезайте в гамак,— сказал Жуан,— теперь торопиться некуда.

Место у северной стены, где я обычно спал, было на сей раз занято прирученными лесными птицами — дятлом и лесной куропаткой. Я вежливо согнал их, встряхнул гамак и лег. Как сказал Жуан, торопиться было некуда.

Воцарилась тишина. Дятел вернулся и уснул под самым моим носом.

Я принялся рассматривать желобки, протертые в столбах веревкой гамака, и мрачно размышлять о том, не упадут ли столбы, не потечет ли крыша во время дождя, если дождь вообще когда-нибудь пойдет. Гадал, что будет сегодня на обед. Две недели подряд мы ели рис и бобы, и все вариации нашего меню были весьма ограниченны. Может быть, сегодня будет рис, может, бобы. А может, то и другое вместе. Этот элемент случайности чудовищно облегчал наше однообразное существование в джунглях.

Во мраке хижины, вперив взгляд в потолок, медленно раскачивался в гамаке Орландо. Одна нога его, которой он время от времени отталкивался, волочилась по полу. Для меня все это означало на худой конец несколько недель задержки. Ведь я не имел в джунглях никаких важных дел. Но Орландо не мог сидеть сложа руки, зная, что его ждут дела. Даже в Бразилии семь месяцев ожидания — срок немалый.

От нечего делать я стал раздумывать о причинах нашей задержки. Теоретически экспедиция была несложной.

Пока мы торчали в джунглях, президент Бразилии³ рисковал собственной карьерой и истощал государственную казну, стремясь построить в глубине страны новую столицу. Бразилиа, как он ее назвал, должна была изменить будущее страны. Столице предстояло переместиться в стратегический центр государства, в место, открывающее доступ к громадным природным ресурсам Бразилии. Новая столица должна была переключить внимание нации от Рио-де-Жанейро и атлантического побережья к той великой судьбе, которую сулит ей освоение нетронутых лесов Амазонки, и наша экспедиция была частью этой программы. Нам предстояло спуститься в лодке по реке Шингу и выжечь посадочную площадку для самолетов точно в географическом центре Бразилии.

Было известно, что это место находится в сердце легендарной цитадели леса, где Орландо провел последние пятнадцать лет. В этом краю было построено шесть постов, но местность между ними и окраины этой области оставались почти неисследованными, и наша экспедиция должна была в какой-то мере завершить труды братьев Вильяс Боас. В течение многих лет они пыта-

лись нанести лесу окончательное поражение, но, так как область эта не имела точных границ и здесь не было ни магнитного полюса, ни вершины, подобной Эвересту, где можно было бы водрузить флаг победы, посторонним трудно было оценить их усилия. Поэтому правительственным чиновникам пришла в голову мысль — выжечь в географическом центре Бразилии посадочную площадку для самолетов. Видимо, они рассуждали так: если экспедиция сможет добраться до точки, выбранной по расчетам географов, это будет свидетельствовать о том, что бразильцы могут пройти к любому пункту, произвольно выбранному в самом опасном районе Амазонки. А если экспедиция сумеет построить площадку для самолета и на ней сможет приземлиться президент Кубичек, это будет символизировать победу человека над силами природы и означать, что Бразилия победила величайшие лесные пространства земли.

Таков был план. Но, ожидая на посту Капитан-Васконселос начала экспедиции, я с грустью осознал, что конкретное его осуществление и выбор участников экспедиции выглядят в действительности куда сложнее.

Вероятно, проще всех обстояло дело со мной. Окончив Кембриджский университет, я отправился в дальневосточную экспедицию, снаряженную Оксфордским и Кембриджским университетами, которая длилась год. Затем я участвовал в такой же экспедиции в Южную Америку. Это заняло еще год. Последний этап нашего путешествия привел нас в Капитан-Васконселос, и я попросил Орландо принять меня в его группу. Стоя перед ним, я нервничал и уповал на то, что борода придаст мне вид заправского исследователя.

— Вы знаете что-нибудь о джунглях? — спросил он.

— Очень мало.

— А стреляете вы хорошо? Охотиться умеете?

— Нет.

— Вам что-нибудь известно об индейцах, о технике исследований, о плавании на каноэ, речных порогах и геодезической съемке?

— Нет.

— Раз так, — неожиданно заключил Орландо, — можете присоединиться к нам. Если мы берем с собой остальных индейцев, уж с англичанином мы как-нибудь справимся.

Я стал членом экспедиции. Мне нравились бразильцы и очень хотелось посмотреть их леса.

Что касается Жуана, то он, как мне казалось, руководствовался более сложными побуждениями. Это был добрый, симпатичный человек, который не жалел времени, помогая Орландо в его работе. Но, к сожалению, здоровье его было подорвано.

— Только лекарствами и держусь,— не раз говорил он мне.— Может показаться, что мне тепло, Адриано, но на самом деле меня трясет малярийный озноб. Вы не можете себе представить что это такое. Я с трудом соображаю...

— Вот здесь ломит, Адриано,— доверительно говорил он в другой раз, сжимая рукой бок.— Если здесь не выдержит, тогда мне конец.

По причине слабого здоровья Жуан сопровождал меня незадолго до этого в краткосрочной поездке из Васконселоса в Рио-де-Жанейро. Я отправился за ружьями и одеждой, а Жуан — к врачу. Мы вылетели на одном из самолетов, время от времени прилетающих на пост, и в пути я узнал об экспедиции нечто такое, о чем никогда не упоминалось в наших спокойных и даже несколько сдержанных разговорах в Васконселосе.

Произошел любопытный эпизод, который многое разъяснил.

Все началось с аллигаторов. Самолет поднялся в воздух. Мы с Жуаном уселись на жесткую металлическую скамью. На коленях он держал большую жестянку из-под печенья, в крышке которой были пробиты дырки. Из банки шел резкий запах.

— Что там у вас? — спросил, проходя мимо, один из летчиков.

— Аллигаторы,— ответил Жуан.

Он слегка приоткрыл крышку, и мы увидели скользкие существа, извивающиеся в зеленой пенистой воде.

— Новорожденные аллигаторы для пруда у моего дома,— пояснил он.

— Ах так, аллигаторы для вашего дома в Рио? — отозвался летчик и скрылся за дверцей с надписью: «Посторонним вход воспрещен».

Через несколько минут он вернулся и передал нам от имени майора, командира корабля, что аллигаторы не

имеют права летать на самолетах военно-воздушных сил Бразилии. Жуан был к этому подготовлен. Сначала он разыграл недоверие и изумление, потом прибег к дипломатии, затем всем своим видом выразил возмущение и презрение. Наконец он выложил главный козырь.

— Если нельзя возить аллигаторов, то почему среди грузов есть ящик с наклейкой «гремучая змея»?

Летчик снова исчез за дверью «Посторонним вход воспрещен» и вернулся через несколько минут. Оказывается, согласно инструкции, змей возить можно, а аллигаторов нет.

Я уже было решил, что на следующей остановке придется высадить наших безбилетных пассажиров; затем летчик как бы между прочим заметил, что если бы у майора был собственный аллигатор, он вряд ли стал бы возражать против перевозки их пассажирами. Это был шуточный намек на то, что следует дать взятку. Сунь в лапу аллигатора — все будет в порядке!

Когда летчик ушел, Жуан взорвался.

— Вы, англичане, никогда не поверите, что такое вообще возможно. Майор военно-воздушных сил! Знаю я его, это все потому, что он член другой партии. Как вы думаете, почему так трудно было сегодня сесть в самолет? Почему на прошлой неделе самолет, которому было приказано взять нас, пролетел мимо, не сделав посадки?

Я недоуменно ответил, что не знаю.

— Потому, что они не любят Орландо.

— Кто это они?

— Враждебная нам партия*, конечно! Они настроены и против меня, и против Орландо, и против тех офицеров военно-воздушных сил, которые делают посадки в Васконселосе. А почему, по-твоему, мы целый месяц ели одни только бобы? Да потому, что летчики состоят в партии президента. Они разоряют страну, лишь бы построить эту новую столицу. А зачем она нам? Рио-де-Жанейро — красивейшая столица в мире. Если уж мы хотим развивать внутренние ресурсы, надо вкладывать

* В то время строительство новой столицы было предметом резких политических разногласий, и трудно сказать, какая из сторон была права.— *Прим. автора.*

деньги в строительство дорог, а вместо этого мы строим посреди джунглей новую столицу. Где еще такое видно? Ну, скажите мне, где?

Глядя на Жуана, я старался скрыть свое удивление. Разве не ради новой столицы и затеяна экспедиция к географическому центру страны? Экспедиция, участником которой я только что стал?

— Экспедиция в центр страны! — В голосе Жуана зазвучали гневно-саркастические нотки. — Рисковать людьми ради строительства посадочной площадки у черта на куличках! И что это за прогресс? Это лишь прогресс для бизнеса. Воротилы в палате депутатов толкуют о триумфальном шествии Бразилии в величественное будущее. Да тут еще пятьдесят, а то и все сто лет никто не станет покупать землю. Ее лишь продают и покупают в разных агентствах, спекулирующих земельными участками, и богатеют от этого только богачи.

Как-то раз Клаудио привез к президенту нескольких индейцев, раненных пулями цивилизацио. И президент сказал: все знают, что он, президент, друг индейцев, и он пошлет по поводу этого случая меморандум в палату депутатов. Индейцы гибнут, а он шлет меморандумы! Вот так президент! Это удивительная экспедиция, Адриано. Она будет делать нечто совершенно бессмысленное и, возможно, будет стоить жизни многим индейцам, тогда как спасать их — единственное дело, ради которого стоит стараться. Одна надежда, что она никогда не состоится, — добавил он, немного успокоившись.

Тогда мне подумалось, что Жуан говорит все это лишь в порыве раздражительности, свойственной больному человеку, а в намеках майора я увидел всего-навсего шутку. Три наших безбилетных пассажира благополучно добрались, фыркая друг на друга, до аэропорта Сент-Дюмон в Рио-де-Жанейро. Но прошло уже несколько недель, как я вернулся в Васконселос, и слова Жуана как будто подтвердились. Мы были столь же далеки от выступления в джунгли, как и в тот день, когда я стал членом экспедиции.

И все-таки, размышляя я, лежа в гамаке, как бы ни был мне симпатичен Жуан, он с его взглядами не в состоянии дать правильное толкование проблеме. Из первоначального состава экспедиции, если не принимать в

расчет индейцев, один человек заболел одновременно дизентерией и малярией, а другому пришлось вернуться к прежней работе. Возможно, придется уйти и Жуану. Лучше всего обратиться мыслями к Орландо — единственному неизменному руководителю всего начинания.

Я взглянул на него. Он спал в гамаке. Когда я впервые услышал о Вильяс Боас, воображение нарисовало мне традиционный тип исследователя. Он представлялся мне человеком с огромными крепкими руками и орлиным носом над косматой бородой. На деле же он оказался невысокого роста — всего 5 футов 6 дюймов, босой, без рубашки, внушительное брюшко выступало над темно-зелеными шортами. Он напоминал служителя из турецкой бани или музыканта из парижского салона. Замечательным было его лицо — ястребиное, с густой бородой, испещренное множеством морщин, говоривших о перенесенных лишениях. Таким могло быть лицо у пирата или святого, который посвятил долгие годы умерщвлению плоти. Но внешность Орландо не раскрывала его внутреннего облика, столь же загадочного, как и его репутация.

В городах Бразилии имя его пленяло воображение людей, как в XIX веке имя Ливингстона. «Он провел в джунглях пятнадцать лет, — говорили о нем, — и для индейцев он все равно что святой». Когда я заговорил об этом с Жуаном, он рассказал мне, как однажды в Васконселос прилетели три молодых антрополога — два швейцарца и немец. Всякий раз, когда Орландо обращался к немцу, тот, к изумлению Жуана, вскакивал, щелкал каблуками и вытягивался по стойке «смирно». Немцу сказали, что в лесу это ни к чему, но он остался непреклонен. «В моей стране, разговаривая с таким человеком, мы всегда стоим только так», — ответил он. «А ведь Орландо совсем не такой», — заключил Жуан.

Кроме того, я знал, что среди старателей и авантюристов в пограничных районах Бразилии ходили всевозможные легенды о трех братьях-исследователях, которых они называли просто Вильяс. В дымном угаре дешевых баров имя это нередко приобретало зловещий смысл и звучание. «Место это называется Шингу, — таинственно шептал тебе собеседник, когда ты подносил

ему второй стакан.— Вот где дьяволу сподручно держать своих черногрудых любовниц. Туда можно добраться только по воздуху. А с тех пор как Вильяс построили свои посадочные площадки, сам дьявол не может показаться там без разрешения правительства. А нашему брату,— следовало излишнее пояснение,— правительство таких бумаг не дает. Те, кто побогаче, наняли как-то теку-текус (небольшой частный самолет), но военные летчики гнались за ними по всему небу и накрыли их. Теперь у нас больше нет самолетов. Другие устраивались работать на какой-нибудь из шести постов, и только Вильяс рискуют путешествовать по джунглям, они умеют обращаться с индейцами. Шингу — вроде их королевства. Там,— голос рассказчика становился хриплым от возбуждения,— тянутся горы Страдания. Золото! О, друг мой! Сколько золота! Его хватило бы, чтобы скупить всю вашу крохотную Британскую империю. Бартоломеу Буэно открыл его там сотни лет назад, а когда по указанному им пути в джунгли отправился его внук, экспедицию настигли индейцы. Всех уничтожили. С тех пор секрет потерян. А теперь,— вино кончалось, наступал печальный конец рассказа,— теперь Вильяс ищут золото сами».

За несколько месяцев жизни в Бразилии я вдоволь насыщался басен об исследователях джунглей, поэтому и эту историю было нетрудно приписать буйному воображению авантюристов, которое по-своему преломляло весьма сомнительные факты. Бартоломеу Буэно, несомненно, нашел золото, но нет убедительных доказательств того, что он бывал в Шингу. И было общеизвестно, что Орландо меньше всего интересовали деньги. Он неоднократно отказывался от высоких правительственных должностей и свой небольшой доход обращал на благо индейцев.

Меня, человека нового, гораздо больше занимала противоречивость целей, поставленных перед основателем Васконселоса. Вильяс Боас являлся сотрудником Центрального бразильского фонда, он получал жалованье и должен был осваивать джунгли во имя национального прогресса. Но с недавнего времени он стал подчиняться Службе охраны индейцев, в обязанность которой входила помощь индейцам. Ежегодно с лозунгом: «Если нужно, умри, но не отстреливайся» — сотрудники

Службы пытались войти в контакт с воинственными племенами, и по духу своему эта организация должна была охранять коренное население от натиска цивилизации.

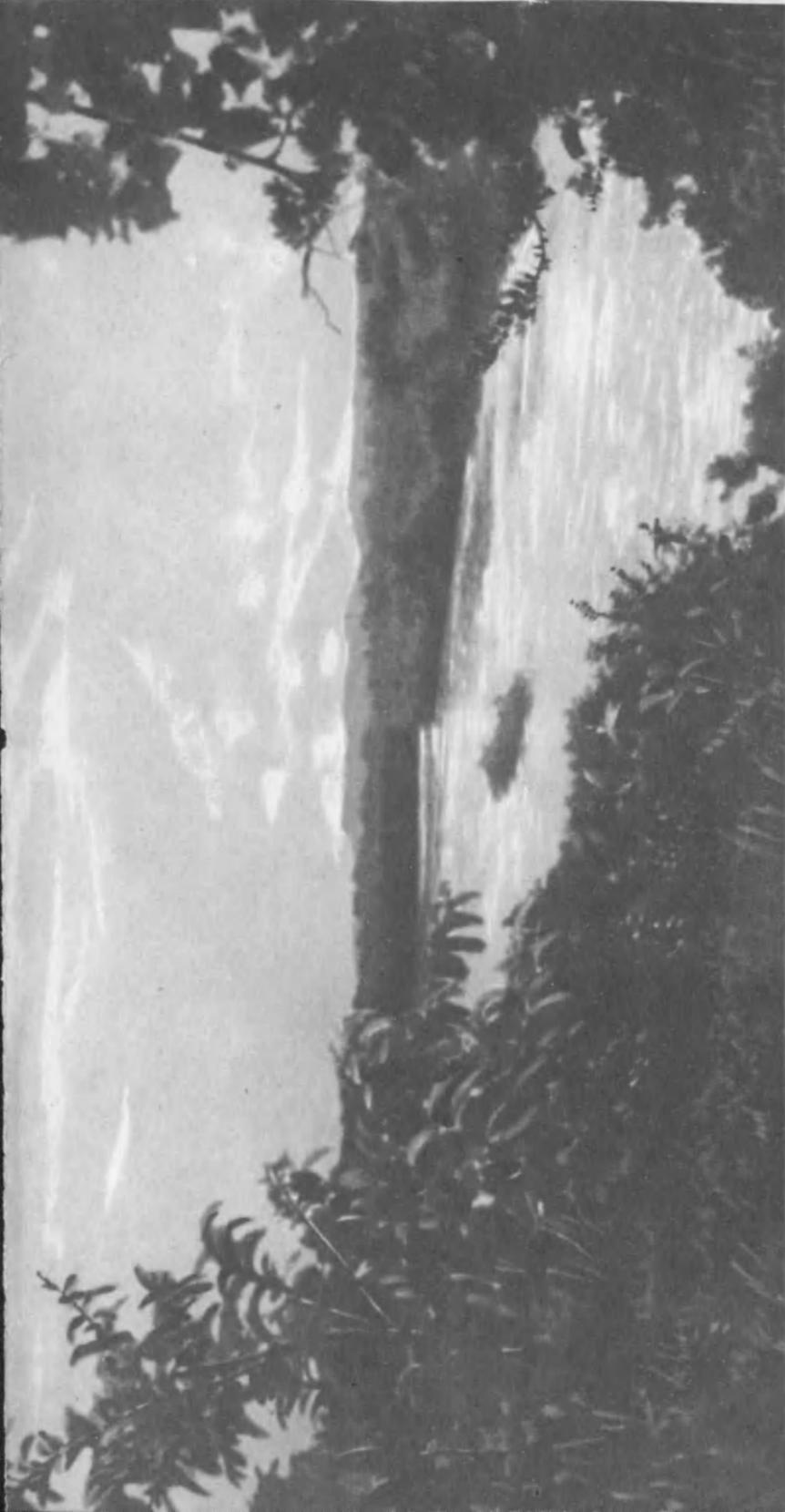
Создавалось впечатление, что исследователь пришел в джунгли выполнять цивилизаторскую миссию, а затем его задачей стало препятствовать прогрессу, который был его первоначальной целью.

Работу Орландо с индейцами тоже трудно было определить и понять. История свидетельствует, что, как правило, контакты между нашей цивилизацией и первобытными людьми быстро приводят к гибели и вымиранию последних. В отдельных случаях после двухсот лет ожесточенной борьбы положение индейцев постепенно улучшалось, но и те немногие, которым удавалось выжить, обычно растворялись в более мощной общественной среде. В конкретных исторических условиях в Бразилии к началу нашего века после систематического истребления уцелело 230 племен. К 1957 году половина их вымерла, а численность остальных резко сократилась. В лесах же северного Мату-Гросу, где существовали совершенно особые условия, удалось умиротворить многочисленное индейское племя бороро. Его опекали самые способные и гуманные представители охраны индейцев. И тем не менее численность этого племени сократилась с 3500 в 1900 году до 150 в 1958 году. Племя вымирает.

Странно было то, что Орландо знал все это и сам признавал, что шансы его в борьбе за спасение индейцев ничтожны. Он полагал, что его собственный приезд в Шингу, как и следовало ожидать, нарушил естественный ход жизни индейских племен, и смертность среди индейцев возросла.

Если все обстояло так и если единственным верным средством предотвратить вымирание индейцев было дать им возможность жить в лесах, вне любых контактов с пришельцами, то почему тогда Орландо так старался сойтись с туземцами и установить с ними добрые отношения? Как в «Алисе в стране чудес», все в Шингу стояло вверх ногами и было вывернуто наизнанку.

Лежа весь день в гамаке, я размышлял об этом, пока в сумятице мыслей собственные впечатления от Васконселоса и услышанное о Шингу не стали как-то странно

Знаменитая граница цивилизации — река Смерти

Орландо Вильяс Боас
с женщиной из
племени шеренте
и мальчиком
из племени авети

Бebкуче толчет рис

колыхаться в моем мозгу. Места эти стали рисоваться мне непостижимой, жуткой страной, где в первобытных джунглях индейцы сражались друг с другом, а на окраинах уничтожали белых. Страна эта тщательно оберегалась от внешнего мира, и Вильяс Боас поддерживали в ней сложные и загадочные отношения с индейскими племенами. Бразильское государство одновременно и брало под свою защиту и наступало на эти места,— в этом я еще не мог разобраться,— а цели и методы всесильных братьев Вильяс Боас были окутаны тайной.

И где-то, когда-то благодаря всему этому должна была состояться экспедиция. Ей предстояло достичь географического центра Бразилии, но я знал, что у нее были и другие, гораздо менее четкие и определенные цели. Орландо сказал однажды, что он надеется завязать отношения с группой диких индейцев, которые были настолько малоизвестны, что мирные индейцы называли их «люди, имени которых мы даже не знаем». Он согласился взять с собой геолога. Как ни странно, этот геолог не собирался искать в Шингу золото, нефть, уран или алмазы.

К концу дня моя голова шла кругом — казалось, еще немного, и у меня будет то же расстройство мозгового аппарата, что и у Жуана, страдавшего от головокружений.

В жизни каждого бывает момент, когда он чувствует себя на грани сумасшествия, и в тот день, когда меня окружил могучий, безмолвный лес, мне показалось, что момент этот для меня наступил. Надо было что-то предпринять.

Мало-помалу я заставил себя осознать, что сюда, в один из самых неизведанных и недоступных уголков земного шара, я приехал из совершенно другого мира и что такое смятение ума вполне объяснимо. Шотландскому священнику не по себе в каирском притоне, а эскимос поразился бы, увидев, как играют в крикет у Лорда*.

Здесь все было не только чуждо англичанину, но и неразрывно связано с загадочным первобытным существованием индейцев, отделенных от современной цивилизации тремя тысячами лет. Я словно очутился в поло-

* Крупнейший английский крокетный клуб, названный по имени его основателя Томаса Лорда.— *Прим. перев.*

жении человека, попавшего на один из тех крошечных атоллов в Южных морях, которые представляют собой вершины подводных гор, поднимающихся с самого дна. Время от времени землетрясение колеблет океанское дно, и толчки, передаваясь через пик, сложенный из вулканических пород, швыряют человека на землю. Если бы он мыслил так, как я, он стал бы искать в кустах и среди пальм неведомого противника, который свалил его с ног и скрылся из виду. Но мудрый человек лег бы на землю, чтобы почувствовать толчки, передающиеся его телу. Он не пытался бы понять таинственные глубинные силы, но, покорясь им и чувствуя, как они сотрясают его, смог бы по крайней мере хоть немного оценить их масштабы и сущность.

Индийская проблема напоминала мне сотрясения океанического дна. Самолет, поднявшись в воздух, всколыхнул целую тучу сомнений, и никакие умозрения не могли их разрешить. Их могла разрешить только жизнь в джунглях. Надо было привыкнуть к джунглям и забыть, что ты — пришелец. Так знойным бразильским днем у меня явилась мысль — научиться по-настоящему жить жизнью джунглей. Припасть к земле и познать ее всеми своими чувствами и инстинктами. Все это не очень меня вдохновляло. В самом деле, кто я такой? Мне двадцать четыре года, квалификации никакой, жизненного опыта нет, и я решаю надолго поселиться в джунглях лишь потому, что у меня нет иного выбора. Очевидно, надо было подавить в себе, насколько возможно, все косвенные влияния, идущие от предвзятых идей, образования, эмоций и личных убеждений; в джунгли Амазонки следовало прийти не цивилизованным человеком, а наивным ребенком с ничем не искаженным восприятием. Сначала нужно увидеть все собственными глазами и лишь потом делать выводы. Орlando подобная идея заставила бы фыркнуть, этнограф затрясся бы от смеха, но в тот момент для меня, человека, словно высадившегося на необитаемом острове, в джунглях Центральной Бразилии, это было ключом к спасению. Если бы даже экспедиция не состоялась, у меня уже был готов план действий на много месяцев вперед.

В тот день обед был подан перед заходом солнца, и, войдя в хижину-столовую, я увидел, что, пока мы валялись в гамаках, здесь времени не теряли. Блюда в Вас-

конселосе могли варьироваться, но я уже знал, что они варьируются в весьма ограниченных пределах.

— На обед сегодня будут бобы,— с вызовом сказал Жуан и выжидающе посмотрел на меня.

— Ошибаетесь,— отозвался я,— на обед будет рис.

Это была забавная игра. Один из нас наверняка оказывался прав,

Глава II

ОХОТА

Каждый день на пост к Орландо приходили небольшие группы индейцев из восьми мирных селений, расположенных в южном Шингу. К этим селениям ведут тропинки, которые пересекают джунгли, словно спицы, расходящиеся от ступицы колеса. До некоторых из этих селений можно добраться за три-четыре часа, до других — не одни сутки пути. Иногда индейцы приплывают в каноэ. Нередко здесь появляются женщины с детьми, но обычно приходят мужчины. Они поднимаются по крутому берегу реки или неслышно выходят из-за деревьев. Они — охотники, очень гибки и двигаются бесшумно, подобно кошке.

Вскоре по приезде в Капитан-Васконселос я задумался над тем, нельзя ли уговорить индейцев научить меня, белого, жить в джунглях так же, как живут они, и на другой день после прибытия самолета я решил попытаться. Я подходил к воинам индейцам, сидевшим на поваленных стволах, и осторожно заводил разговор об охоте и о том, каково в этих местах новичку.

— В лесу водятся олени и тапиры⁴, — неуверенно начинал я.

— Да, — следовал ответ. — В этих краях много жирных оленей и тапиров.

Смуглые, величавые лица индейцев обращались в сторону лесного массива Кулуэни, от которого нас отделяла полоса болот. Разговор обрывался. Я пробовал закинуть удочку с другого конца — результат был прежним. В конце концов я без обиняков признавался, что мне нужен человек, который научил бы меня жить в джунглях. Воины вежливо выслушивали меня; иные

даже одобрительно улыбались, но стоило мне обратиться к ним со своей просьбой, они отводили взгляд от темных, зловещих джунглей и смотрели мне в лицо. После сумрака леса лицо мое казалось им особенно бледным и нетерпеливым. Выражение их лиц ясно говорило, что ни за какие блага на свете не возьмет индеец такого вот новичка в страну змей и пум.

Пришлось прибегнуть к хитрости.

Несколько раз по утрам я отправлялся на виду у индейцев в болотистую, с озерцами низину, лежавшую между постом и лесным массивом Кулуэни. Я садился под деревом и выжидал, пока птицы не рассядутся на ветвях. Таким образом мне удавалось подстрелить три-четыре голубя за день. Я ощипывал их у всех на виду, расположившись на обрывистом берегу речки Туатуари.

Прошла неделя, и вот, навещая пост, ко мне стали подходить молодой воин из племени камайюра, старик из племени ваура и вождь племени мехинаку. Их заинтересовало мое ружье — одностволка 20-го калибра производства Бирмингемской оружейной компании. Она была значительно больше, чем ружья 20-го и 24-го калибров, которые им время от времени вручал в качестве особой награды Орландо. Ружье произвело на индейцев сильное впечатление. Такое большое ружье, чтобы стрелять по таким маленьким птицам! Быть может, я замышляю что-нибудь особенное?

Наконец, однажды утром, когда я принес только двух птиц и принялся их ощипывать, ко мне подошел Калуана, индеец из племени авети. Он был невысок ростом и не так массивен, как некоторые воины-борцы этого племени, скорее даже гибок и хорошо сложен. Лет ему было около двадцати.

— Красивый голубь, — одобрительно сказал он, рассеянно взяв птицу в руки и легким движением отделил ее голову от туловища. Затем он помолчал, размышляя, и сказал: — Завтра я могу взять тебя в лес к реке Кулуэни. Там водятся индюки⁵, олени и голуби.

Глядя на его серьезное, задумчивое лицо, повернутое ко мне в профиль, и размышляя, с чего это он вдруг проявил ко мне такую доброту, я с беспокойством заметил в его внешности что-то необычное. Внезапно мне все стало ясно. Обычные серьги из красных, белых и черных

перьев тукана⁶, бросавшие косые тени на скулы война, не свисали больше с его ушей.

— В лесу водятся туканы,— сказал я наобум.

Они там действительно водились.

Мы условились, что Калуана разбудит меня «с первым криком петуха». Часа в четыре утра он просунул руку сквозь отверстие в бревенчатой стене хижины и дернул за веревку моего гамака. В то же мгновение снаружи донесся пронзительный вскрик.

Дело в том, что несколькими днями раньше побывавший на посту индеец оставил у нас аиста. Аист пополнил наш зверинец. В нем уже имелось два лесных индюка, дятел, пара попугаев и другие животные. Они жили вместе с нами в хижине, ели с нами из одной тарелки, сидели нам на плечи и недолго думая осыпали нас пометом. Но аисту освоиться было нелегко. Два дня стоял он как вкопанный возле моего гамака на своих длинных голых ногах, словно лондонский извозчик, который соображает, не отморозил ли он пальцы ног, но не может двинуть одеревеневшей шеей, чтобы взглянуть себе на ноги. На кончике его клюва появилось красное пятнышко — признак недовольства, и он без конца чихал. Последней каплей, очевидно переполнившей чашу его терпения, был ночной визит Калуаны. Проворная рука индейца оказалась великолепной мишенью, и аист долбанул ее клювом. Калуана вскрикнул, я проснулся. Птица шипела и била крыльями.

Выйдя из хижины, я увидел, что индеец невозмутимо высасывает кровь из раны. «Злющий аист»,— бросил он. Через несколько минут мы уже были у реки и переправлялись через нее с ружьями и одеждой. Луны не было, и ночь была темна, но индеец знал местность. Два часа мы шли по лесу и на рассвете оказались глубоко в заболоченном лесу близ реки Кулуэни. Калуана легко лавировал меж кустов и деревьев, я неуклюже продирался за ним. Огромные стволы деревьев уходили ввысь; во все стороны сквозь кустарник и молодую поросль вели таинственные ходы и ложные тропки. Это походило на кошмарный сон, и мне вспомнилось, как я много раз с удовольствием предвкушал момент, когда наконец вступлю под сень великолепного леса Шингу. Я всегда представлял себе, как стоят стеной деревья, а сам я во главе горстки храбрецов проникаю в джунг-

ли, скользя меж сучковатыми стволами деревьев. Индейцы показывают мне орхидеи, ползучие растения, всевозможные кустарники, описывают целебные корни и листья. Таким образом, передо мной все яснее выявляется картина джунглей, и я чувствую себя хозяином положения. А вместо этого мы вошли в лес темной ночью. Все здесь было необычно, все поражало белого пришельца. Густая растительность скрывала деревья не хуже, чем туман дома на улицах Лондона. Я ни на шаг не отставал от Калуаны, он один был моим проводником в этом неведомом мире.

Через час мы остановились у высокого дерева.

— Это дерево туканов,— широко улыбаясь, сказал индеец и, присев на корточки, несколько раз дунул между двумя листьями, зажатыми в больших пальцах. Раздался резкий звук. Он свистнул два-три раза, и вскоре, прямо как на известной рекламе пивоваренной компании Гиннес, над головами у нас появились три птицы.

— Пушка,— зашипел Калуана, нетерпеливо показывая на мое мощное ружье, и, кровожадно предвкушая убийство, пояснил: — Убивай тукана!

Из нашей засады эти три птицы, словно одетые в жилетки, казались мне епископами в гетрах, любезно раскланивающимися друг с другом в лондонском клубе.

— Вкусные,— уверял меня Калуана. Затем, видя мою нерешительность, добавил: — И перья хорошие.

Я вскинул ружье.

Бах! — на лице Калуаны отразился выстрел. Три рассерженных тукана вспорхнули и улетели в чащу леса. Моя первая попытка стать охотником окончилась неудачей.

Попозже, когда уже совсем рассвело, Калуана снова издал свист (он почему-то привлекал птиц), и я подстрелил тукана, сидевшего высоко на дереве. Важный, черно-красный, с шумом рассекая воздух, упал он на землю, и ловкий индеец подхватил его. Обернув листом перья, он протянул их мне — у Калуаны не было карманов, он был гол. Внезапно, ничего не объяснив, он выхватил у меня ружье и мгновенно скрылся в зарослях, а затем вернулся с лесным индюком. Индюк — для поста, тукан — для самого Калуаны. Мы ударили по рукам, и я приобрел в лице Калуаны наставника, который

обещал научить меня охотиться. Оказалось, что «пушка» у меня очень страшная и, как всякое тягловое животное, меня следовало научить таскать ее и пользоваться ею.

Две недели мы регулярно, через день, ходили в лес, причем каждый раз наша вылазка длилась с четырех часов утра до двух-четырёх часов пополудни. Обычно, несмотря на горячие протесты со стороны «тяглового животного», вплоть до возвращения на пост, то есть целых двенадцать часов, мы ничего не пили и не ели. Затем следовал день отдыха. На следующий день после обеда Калуана потихоньку вызывал меня на поляну, где нас никто не мог подслушать (всякое деловое свидание индейцы обставляют секретностью, словно заговор). На правах закадычного друга аветиец обследовал мои карманы, интересуясь, не принес ли я чего новенького. Затем обсуждались подробности охоты.

Время шло. Я начал все ближе узнавать лес.

Первое время я с опаской приближался к темной полосе растительности. Ведь здесь начинался величайший на земле лес; писатели называли его зеленым адом, врагом рода человеческого. Лес окаймляла полоса мягкой, приятной на вид болотной травы, но сами джунгли, казалось, населены были всякой нечистью. Когда я проскальзывал меж изогнутых, скрюченных стволов и вступал в мир мрака, меня охватывало беспокойство. Свет просачивался сверху меж листьями, и от этого лесные прогалины казались таинственными и жуткими! Обманчивая игра теней перед глазами, шелест листвы, убегающие мелкие животные. Руки старались не касаться усиков ядовитых лиан, ружье в испуге вздрагивало, когда пумы и змеи бросались на меня из воображаемой засады. Но вскоре я уже начал ощущать лес как индеец. Он становился для меня привычной средой. Как городской житель не обращает внимания на кирпичи, так индеец не замечает деревьев. Молодые деревца служат материалом для луков, из жатобы делают каноэ, животные любят сидеть на определенных ветках, но чувств восхищения, ужаса, удивления деревья у индейцев не вызывают. Вся жизнь их протекает в лесу, и они не подходят к нему с меркой авторов книг о путешествиях.

С другой стороны, взгляд у индейца более зоркий, чем у городского жителя с развитым воображением. Индеец, например, знает, что в джунглях все распола-

гается по вертикали, а не по горизонтали. Мы, цивилизованные эгоцентристы, полагаем, что все живое существует в горизонтальной плоскости, ибо так протекает наша собственная жизнь, но в лесу почти все живое стремится вверх, к солнцу, и лишь погибнув, падает на землю. Таков ритм жизни леса. Деревья борются друг с другом за клочок неба, ползучие растения, извиваясь, тянутся ввысь, потом пускают ростки к земле и, наконец, посылают к солнцу еще один упрямый побег. Победу лесных гигантов венчает смерть. Уже сгнив, такое дерево еще стоит много лет, а потом с треском валится на землю, которая здесь является кладбищем. В сущности, лес — это деревья, а совсем не земля, в которую они уходят корнями. Гораздо правильнее считать, что обитатели джунглей живут в небоскребах, а не на заросшей кустарником почве. В каждом ярусе леса свои виды пищи, поэтому не только птицы, пчелы и летающие насекомые, но и анаконды, оцелоты и муравьи питаются и охотятся, передвигаясь вверх и вниз. В лесу индеец мыслит по вертикали.

Если попросить городского жителя описать тапира или пуму, он опишет их такими, какими видел в зоопарке. А индеец Шингу поступит иначе. Он непременно изобразит голос животного. Голос пумы передаст так: «мумммм, муууммм». Вскоре я понял, что в лесу, где видимость ограничена пятью ярдами, охотник может ходить часами, не видя добычи, пока не пошлет пулю в нечто похожее на часть тела животного, еле заметную за кустарником и ветвями. Джунгли — мир, который слышишь. Поэтому немногие воспоминания, оставшиеся от зоопарка, скорее мешали мне, чем помогали: воображение все время стремилось связать звук со зрительным образом. Однажды я стал уверять Калуану, что в кустах рычит пума, но он ответил мне, что это квакает лягушка. Невероятно, но факт: голоса съедобных птиц я принимал за треск ломаемых ветром деревьев, а крики других небольших птичек, вроде фазанов, казались мне насмешливым хохотом гиены. Как ни странно, звук, похожий на тихий автомобильный гудок, выдавал рассерженную громадную анаконду, а когда кричала стая маленьких обезьян-ревунов⁷, казалось, что два дракона в разных концах джунглей вызывают друг друга на бой.

Однако мало-помалу Калуана ввел меня в этот вертикальный мир джунглей с его причудливым оркестром амазонских звуков. Когда мы крадучись подбирались к жертве, он хватал мое ружье, шептал: «Стой здесь, Адриано» — и собственноручно разделялся с ней. Ведь ружье дано, чтобы убивать. А я был лишь жалким оруженосцем, без которого нельзя обойтись.

После того как Калуана несколько раз внезапно исчезал в чаще в самую решительную минуту урока, я взбунтовался. Когда на следующее утро он пришел будить меня, я остался лежать в гамаке.

— Я не могу пойти, Калуана, — прошептал я. — Я заболел.

— Чем заболел? — недоверчиво спросил он сквозь бревно.

— Это трудно объяснить. Ведь я иностранец. И не знаю, как это по-португальски.

— Гм... — отвечивал Калуана. В темноте уже пропел петух. Калуана отправился восвояси, а после полудня я впервые пошел на охоту один. Я доплыл на лодке до подходящего участка леса, а когда спустились сумерки, расположился на ночлег.

Луна осветила дерево, к которому был привязан мой гамак, когда я услышал какой-то слабый звук. Мне показалось, что это жужжит комар. Высунув голову из гамака, я минут пять, не шевелясь, вслушивался.

До рассвета оставалось около часа. Снова долетел тот же слабый звук.

Откинувшись, я дотянулся до патронов, которые лежали в башмаках, привязанных шнурками к веревкам гамака. На бревне, которое лежало около моего гамака, я нащупал ствол ружья. Я положил его там накануне вечером, когда выбрался в сумерках на берег реки, отыскав среди бескрайнего леса место, где было удобно остановиться. Теперь предмет моих желаний подавал голос.

Раздуть костер возле гамака не составило большого труда, и в ярком пламене затрещали обглоданные кости птицы, которые я, по обычаю индейцев, с вечера положил на потухший костер; я все еще помнил вкус жесткой пригорелой корки, которой была покрыта сочная, с кровью внутри мякоть. На дуле ружья играли блики огня, и, пока я проверял спусковой механизм, из ствола

упала на землю пролежавшая в нем всю ночь сороконожка. Вскоре я отправился на охоту. Я вообразил, что уже всему научился у индейцев. Пробираясь в чаще леса, я чувствовал себя не менее опасным хищником, чем тигр.

Свет луны и занимавшаяся заря позволяли различать силуэты деревьев и едва заметные впадины на земле — следы индейцев. Идти по ним было необычайно легко. При дневном свете узорчатые листья отбрасывают на землю зыбкие пятна света, которые скорее маскируют, нежели освещают тропинку. Сейчас, при тусклом освещении, на фоне нетронутой земли тропинка бросалась в глаза. Я шел по ней, чувствуя сквозь резиновые подошвы утоптанную почву, а если отклонялся в сторону и наступал на ветки или листья, ноги сами собой снова отыскивали тропинку.

Я двигался медленно, глядя прямо перед собой и все время чувствуя, что из тьмы на меня глядят загадочные существа. Но я принуждал себя не думать об этом. Когда воображение разыгрывается, трудно заставить себя не смотреть по сторонам. Я уже знал, что в лесу, если пристально следить за тем, что делается вокруг, вообще перестаешь что-либо видеть. Когда напрягаешь зрение, чтобы разглядеть предметы, находящиеся на различных расстояниях между лианами, в лабиринте стволов и ветвей, только болит голова. Лучше ходить «беспечно», как индейцы, которые смотрят либо в землю, либо вообще в пространство, не интересуясь ни окраской, ни формой окружающих предметов, но мгновенно замечают малейшее движение в диапазоне 250°. Так как индеец не «глядит» вперед, то кажется, что он видит происходящее за его спиной. Вначале я приписывал это шестому чувству, но позже мне стало ясно, что это — мгновенная реакция на нечто такое, к чему обращены все его чувства. Реакция на движение. В лесу выдает движение.

При ограниченной видимости уши служили мне во время охоты радиолокатором. Сделав шаг, я на долю секунды замирал и, ловя мгновение тишины, за шумом моих шагов старался расслышать другие звуки. Когда я впервые увидел, как индейцы, сосредоточенно вслушиваясь в лесную тишину, открывают рот, я решил, что от напряжения у них расслабляются мышцы лица, но сейчас, напрягая слух, я тоже открыл рот, чтобы шум воз-

духа, проходящего при дыхании через нос, не мешал мне слушать.

Наконец-то! Вдалеке словно послышался гул подвешенного мотора. То был крик моей жертвы. Он не был похож на отчетливый звук, исходящий из определенного места. Чтобы уловить это неясное мурлыканье, я медленно и осторожно поворачивал голову — хруст шейных позвонков искажил бы звук.

В воздухе снова что-то дрогнуло. Самец звал самку. Я сошел с тропы и направился на зов.

Неподалеку было большое озеро, поэтому я мог спокойно идти по следам тапира до самой воды, а дальше свернуть и направиться по топкому руслу ручья. Приближаясь к цели, я полагал, что индюк сидит высоко на дереве над мелким болотцем, и рассчитывал бесшумно подобраться к нему по воде. Я ступал медленно и осторожно, старясь подражать походке Калуаны, который всегда сохранял равновесие и, если нога его попадала на ветку, мог замереть и переставить ногу на другое место. Действовать надо было бесшумно. В этой части леса часто охотились индейцы — мой противник, конечно, прислушивался и был начеку. Малейшая опасность заставила бы его смолкнуть, и в лабиринте джунглей я оказался бы совершенно беспомощным, как моряк без компаса.

К счастью, ветер дул в мою сторону, и я рывками то двигался вперед, выжидая, используя шум листвы в качестве «дымовой завесы». Постепенно зов птицы превратился в густой храп — наступил решающий момент. Между нами было не более ста ярдов.

Впереди лежало крохотное болотце, посеребренное лунным светом и первыми проблесками зари. Я ступил в это болотце. Ветерок стряхивал с деревьев веточки, по воде расходилась рябь. Плескались рыбы, и мой противник не мог слышать моих шагов. Сверху меня прикрывали кроны небольших деревьев. Пузырьки газа, выскакивавшие из грязи при каждом моем шаге, издавали запах гнили. В болотце лежало огромное дерево; я прополз по его стволу, держа в зубах три патрона, чтобы не замочить их, а потом снова пошел по зловонной воде.

Теперь храп раздавался над самой моей головой — густые булькающие звуки, словно старый дядюшка дре-

мал после обеда. Я знал, что моя жертва сидит по крайней мере ярдах в тридцати от земли на каком-нибудь гигантском дереве, и мне надо расположиться у самого ствола, чтобы достать его пулей. Придется ползти между деревцами и найти просвет в листве, чтобы разглядеть грудь или голову птицы. Я продвигался шаг за шагом и так старался не шуметь, что ноги у меня занемели, суставы хрустели.

Я пытался на слух определить, где же среди спутанных ветвей скрывается моя жертва, и, казалось, уши мои так и тянутся кверху. Стоит индюку учуять опасность — и он умолкнет, а мне придется припасть к земле и замереть, пока зов не возобновится. Если же индюк сильно встревожится, он закричит. Сначала вскочит на лапы, потом испуганно возвестит об опасности — по этому пронзительному звуку его будет легче обнаружить. Затем последует еще один сигнал, второй шаг — и он бросится прочь. Между сигналом тревоги и бегством пройдет всего секунды две-три.

Жизнь животного зависит от его зрения. Мне надо убить его и принести на пост к обеду. Для этого я должен заранее увидеть его, чтобы иметь возможность осторожно поднять ружье и прицелиться. В лесу нельзя медлить.

И вот, стоя в воде, я разглядывал сквозной узор листвы. Передо мной было дерево, и я мысленно прикидывал, в каких скрытых листвою местах могла прятаться моя жертва. Луна еще была видна, но первые лучи солнца уже высветлили верхушки деревьев. Если самка не явится на зов до восхода солнца, самец отправится завтракать.

Вдруг внимание мое привлек колеблющийся лист. Он вздрагивал всякий раз, когда раздавался храп. Я медленно повернулся. Как бы получше прицелиться сквозь ветви? Но вот я увидел тот же лист под другим углом, а за ним — хвост, а за хвостом — царя всех птиц. У него был поистине царственный клюв, совсем малиновый на фоне пурпурной головы. Грудь, коричневая с золотым отливом, была больше, чем у лебедя. Это был каштановый индюк, самый крупный из лесных индюков. В воздухе он кажется величиной с гуся. Когда такой индюк ступает по сухим листьям, кажется, будто идет человек. Размах крыльев у него от трех до шести футов.

Я осторожно просунул дуло между ветками. Внезапно, словно свисток судьбы во время футбольного матча, раздался пронзительный крик. Он перешел в шипение. Птица заметила меня. Прыжок — и она повернулась ко мне задом. Когда я приложил приклад к плечу, она присела для прыжка. Еще раз послышалось шипение — заряд угодил ей в хвост и в бок.

Готово!

Только что птица сидела в тридцати-сорока ярдах над землей, а теперь с глухим стуком упала на землю. Но вдруг, к моему ужасу, мой «обед» встал на лапы и ринулся в кусты. Какой позор!

С боевым кличем индейцев я бросился за первой собственноручно подстреленной птицей, грозившей мне полным посрамлением. С такого расстояния выстрел в крестец мог всего лишь ранить ее. Я мчался сломя голову через кусты. Индюк убежал от меня какой-то странной, в развалку, походкой, в которой было и достоинство и униженность. Он напоминал Генриха VIII, преследующего строптивую любовницу⁸.

Индюк бежал медленнее меня, зато ветви, лианы и колючки не срывали с его спины рубашку и не царапали ему кожу. Через минуту я понял, что он ускользает от меня, но тут еще одно болотце заставило его повернуть и пуститься вдоль берега. Я бросился наискосок и в несколько прыжков настиг его. Хлоп! Мы барахтались в грязи, среди опавших листьев и перьев, пока охота не завершилась. Я был весь исцарапан и изодран, словно не на жизнь, а на смерть боролся с пумой.

Как бы там ни было, через пять минут 15—20 фунтов дичины уже болталось на лиане в пяти футах от земли. Я прикрыл ее ветками от взоров хищных ястребов.

С гордым видом, перезарядив ружье, я отправился на поиски самки. В джунглях для охотника с ружьем лесной индюк — самая легкая добыча. Это был мой первый и самый важный урок, которым я обязан индейцам. Теперь я знал: даже не усвоив ничего другого, я бы не погиб в джунглях Шингу. Я бы прокормился. А это решало все.

Глава III

КУЯБА ОРЛАНДО

В Капитан-Васконселос я возвращался на исходе дня. Моя первая добыча была привязана к ружью, которое я нес на плече. Длинные пурпурно-черные крылья индюка свисали до земли; на стволе болтались еще две птицы, которые я подстрелил на обратном пути. Их красно-коричневые перья развевались, как победные флаги на мачте пиратского корабля.

Когда я стал взбираться по крутому обрыву к посту, с полдюжины индейцев встретили меня традиционными приветствиями возвращающемуся охотнику. Они, несомненно, были голодны. Я оставил птиц в надежном месте — на кухне — и спустился к речке Туатуари, которая протекает под сенью деревьев неподалеку от поста. На берегу можно было посидеть на стволе срубленного дерева; прозрачная, как хрусталь, вода сверкала на солнце, а песок был такой чистый, что им можно было пользоваться вместо мыла. Вдоволь поплавав, я развалился в гамаке, глядя на лучи вечернего солнца, которые пробивались сквозь щели в бревенчатых стенах хижины и освещали посыпанный песком пол. После разочарования с самолетом Васконселос показался мне скопищем убогих лачуг, но в глазах человека, вернувшегося из джунглей, он был чуть ли не современным комфортабельным отелем.

На следующее утро дел было мало — только залатать одежду, изорванную во время погони за индюком. Жуан пошел в «больницу», которая помещалась в отдельном сарае, раздать лекарства нескольким пришедшим на пост воинам. Индейцы, постоянно жившие на посту, занимались готовкой и другими домашними делами. Орландо сидел в своем углу и беседовал с индейцами из племени, обитавшем в восьмидесяти милях от Васконселоса.

Здесь, в южной части Шингу, осталось лишь одно дикое племя, а остальные восемь, слившись воедино, образовали группу, известную под названием шингуано. Васконселос, или, как индейцы называли его, «Куяба Орландо», служил для них местом встреч. Когда утром

пришли новые посетители, по селению стали распространяться свежие вести. Орландо ко всему прислушивался, шутил и сообщал известные ему новости о других племенах. В остальном же в Васконселосе, столице территории, своими размерами превосходящей Британские острова, было удивительно тихо. На других постах, населенных индейцами, всегда были миссионеры; они преподавали в школах, проповедовали в церквях и учили индейцев, как при помощи современной техники и орудий труда лучше вести хозяйство. Здесь же Орландо просто-напросто сидел и пересказывал слухи и легенды разных племен. Школы и религия, как-то сказал он, могут оказаться для индейцев столь же губительными, как и пули первых пришельцев из Европы. Между сознанием человека цивилизованного и человека первобытного лежит пропасть, и то, что представляется нам благами цивилизации, для индейцев может оказаться роковым.

Часа через два гости из дальних племен распрощались, и в хижину вошел маленький мальчик по имени Клаудио, названный так в честь брата Орландо. Он был некрасив лицом, очень полный и низкорослый, как и его родители из племени шеренте, но Орландо любил его. Мальчик захотел покачаться и прицепился к гамаку своего покровителя, Орландо сунул руку в карман и чем-то заманчиво зашуршал.

— Хочешь, Клаудио, получить конфетку из кармана дедушки?

Клаудио ответил утвердительно.

— Тогда ты должен сказать дедушке, где живут шеренте. По-моему, шеренте живут вон там,— и Орландо нарочно показал в противоположную сторону.

— Нет, они живут вон там.— Клаудио знал эту игру и показал на восток.

— Вот ты и попался, ты не знаешь, где живут шеренте. Значит, ты не из племени сильных шеренте, а из племени слабых каража.

Отец Клаудио был «цивилизованным» шеренте из штата Гояс. Он пришел работать на пост. Назвать человека каража — значило оскорбить его.

— Я не каража.— Клаудио топнул ногой.— Я шеренте, шеренте, шеренте!

— Ты любишь дедушку?

Клаудио ответил, что любит, получил конфету и ушел.

— Слишком уж ты возишься с этим мальчонкой,— донесся из другого угла хижины голос Жуана.— Ты испортишь его. По правде говоря, уже испортил,— убежденно заключил Жуан.

Орландо промолчал. Развалившись в гамаке, с ручным попугаем макао, что-то бормотавшим у него на плече, он выглядел довольно нелепо. Быть может, Орландо и в самом деле правитель огромной страны Шингу? Только трудно понять, как он ею правил и почему.

— Адриано,— лениво протянул он,— как ты поохотился вчера?

Я подсел к нему. Подробно рассказав Орландо об охоте, я спросил о приходивших к нему индейцах. Он ответил мне, и мало-помалу в полуденной тиши Васконселоса завязался разговор, который вскоре перешел на случай Фосетта.

За несколько дней до этого я повстречал индейца, руки которого украшали браслеты, соединенные через грудь лентой. Он сказал, что принадлежит к племени калапало, и я похвалил его за хорошее знание португальского языка. Узнав, что я «инглезе», он сказал, что когда-то несколько англичан посетило его деревню.

— Это не те трое, что пришли к вам давным-давно? — спросил я.

— Да, еще до моего рождения. (Ему было лет двадцать.) Один из них был старый.

— И с ним еще двое?

— Да, высокие мужчины.

— Моего возраста?

— Да.

— А как они пришли?

— Они пришли пешком,— ответил он.— Потом они спали. А потом уехали на каноэ. А потом опять шли пешком.

— Они умерли?

— Да, сказал он,— около озера.

Уже в самом начале разговора я заподозрил, что мой собеседник принадлежит к племени индейцев, которые, как полагают, убили полковника Фосетта, его сына и друга сына Рэли Раймела. Это произошло тридцать три года тому назад. Я не стал спрашивать, как они умерли.

— А как называет его Орландо Вильяс Боас? Не Фосетт? — осведомился я.

— Нет,— последовал ответ,— Форсетти.

Потом я услышал эту историю из уст самого Орландо. Поскольку она — одна из наиболее захватывающих тайн джунглей, мы снова заговорили о ней. Я сказал, что в Англии по-прежнему гадают, что же случилось с исследователем, который исчез в Шингу, куда он отправился в надежде отыскать затерянные города Атлантиды, и попросил рассказать мне все еще раз как можно подробнее.

Раскачиваясь в гамаке, Орландо ответил, что за все эти годы об участии полковника удалось разузнать очень немного, потому что никому не удалось прожить среди индейцев достаточно долго, чтобы осторожно порасспросить об этом.

— Двенадцать лет назад, когда я впервые пришел сюда, все племена Шингу знали, что калапало убили трех англичан. Но мне пришлось прожить среди индейцев целый год, прежде чем мне показали их могилу. В то время, Адриано, вождем был Изерари, он обещал показать мне могилу, когда кончатся дожди. Но он умер до конца сезона дождей, а новый вождь Якума побоялся сделать это. Я больше об этом не заговаривал, и Якума тоже умер. Тогда я поговорил с Коматси, который тогда еще не был вождем, и он показал мне могилу.

Рассказывал Орландо задумчиво, старательно вспоминая одну деталь за другой.

— Все калапало подошли к краю обрыва у озера и уселись полукругом. Я пообещал, что больше ни один самолет не прилетит, и лишь тогда они рассказали, как было дело. Через три часа Коматси указал на холмик прямо у моих ног. «Это могила»,— сказал он. «Но она слишком мала,— возразил я.— Англичане ведь народ рослый». Тогда Коматси начертил на земле букву V и сказал, что труп похоронили, прижав колени к груди. «Тут голова»,— показал он. Я раскопал землю и нашел череп.

Затем я попросил Орландо повторить мне рассказ индейца, и он передал мне его, стараясь сохранить выражения и манеру рассказчика.

— Из этих трех карайба один был старый и двое молодых. Они несли вещи на спине, имели ружья, один хромал. Они пришли с запада, с вождем племени нахуква Алоике и его сыном, которые провели их от своей деревни к реке Кулизеу.

В то время все калапало находились в своем рыбацьем селении к востоку от реки Кулуэни. В главной деревне остался только Кавукире с сыном. Эти двое и согласились провести англичан в рыбацье селение и показать им, как пройти дальше на восток.

Они отправились в путь на рассвете — двое нахуква, двое калапало и трое англичан. Они шли день и еще полдня, и старик англичанин стал ругать Кавукире — почему он сказал, что идти придется всего лишь от восхода солнца до полудня. Ему было под шестьдесят, а жара была страшная.

Позже старик, которого индейцы сочли за вождя, подстрелил утку, и Кавукире сбегал за ней. Когда он ощупывал и разглядывал утку, старик вырвал ее у него из рук, словно Кавукире собирался ее украсть. Потом они подошли к небольшой лагуне Кулуэни, и вождь англичан стал снова браниться, потому что каноэ, которое им обещал Кавукире, оказалось на другом берегу.

Тут уж Кавукире разозлился. Но, услышав, как в мешках у англичан позвякивают бусы, он смолчал, решив, что получит вознаграждение, как принято у индейцев. Они дошли до деревни, а он так ничего и не получил, но снова промолчал, надеясь, что англичане будут делать подарки на следующий день при прощании.

Ночью полковник выпотрошил утку ножом и, когда сын Кавукире стал играть рукояткой ножа, грубо отстранил его руку. («Если ты не знаешь, насколько это серьезно, — заметил Орландо, — ударь кого-нибудь из мальчиков в аветийской хижине. Его родители не убьют тебя лишь потому, что ты в Васконселосе, но навсегда перестанут с тобой разговаривать».)

На другой день на берегу маленькой лагуны попроситься с белыми собрались все жители селения. Но никто не получил подарка.

Кавукире потребовал смерти англичан. Каяби, вождь, согласился. Он был человек осторожный и сказал, что это нужно сделать за лагуной, чтобы не увидели нахуква.

Кавукире, Кулуэле и еще один индеец побежали устраивать засаду, а мальчик Туэнди перевез англичан через лагуну в лодке. На том берегу была небольшая отвесная скала, и вождь англичан вскарабкался на вершину первым. Молодые тащили за ним наверх поклажу.

Добравшись до вершины, он обернулся, чтобы посмотреть на своих людей. Из-за дерева вышел Кавукире с только что срезанной дубиной в руках. Он ударил ею старика по затылку. Старик с криком покатился вниз, потом ухватился за ствол дерева и стал медленно оседать. Кавукире ударил старика еще раз по правому плечу, и тело его, согнувшись пополам, рухнуло на землю.

Услыхав крик, молодые англичане побросали поклажу и начали карабкаться на скалу. Из кустов тотчас выскочили оба калапало. Они стали бить чужеземцев по шее и по голове. Трупы бросили в воду.

Когда Кавукире, Кулуэле и остальные вернулись в селение, Каяби сказал, что трупы нужно похоронить. Он был осторожный человек и боялся, что нахуква расскажут обо всем индейцам, которые дружили с цивилизадо.

Каяби сразу же поговорил с Кавукире, но тот ничего не сделал; на другой день он поговорил с ним снова, но Кавукире опять ничего не сделал; тогда на третий день Каяби пошел туда с другими индейцами. Заткнув себе нос листьями, они вырыли неглубокую яму возле трупа старика, потом подняли его за ноги и за голову и опустили в яму примерно в таком же положении, в каком он лежал. Они сняли с него все, оставили только нож, который убитый сжимал в руке («Индейцы не любят до трагиваться до трупов и даже выбрасывают дубинку, после того как убили ею человека,— сказал Орландо.— Удалось установить, что этот нож был изготовлен одной немецкой фирмой, которая продавала такие вещи в Англии в 20-х годах».)

Трупы двух молодых инглезе все еще лежали внизу, разбухшие от воды. Поэтому их подцепили с каноэ багром и отвезли на середину озера. Одежду и все снаряжение индейцы, испугавшись, побросали в Кулуэни.

Когда Орlando кончил свой рассказ, я спросил, какова же разгадка таинственной истории с Фосеттом. Во время моего кратковременного визита в Рио-де-Жанейро один бразильский антрополог сказал мне, что кости, высланные Орlando, не могут принадлежать Фосетту: они слишком коротки. С другой стороны, Орlando сказал, что почти все авторитеты Мату-Гросу согласны с заключением Дайотта, руководителя официальной спасательной экспедиции 1928 года. Один из проводников Фосетта привел Дайотта в деревню нахуква, и там Дайотт обнаружил чемодан Фосетта. Вождь деревни сказал ему, что трое исследователей ходили к калапало, до которых полтора дня ходьбы, и хотя сам Дайотт и не смог добраться до селения калапало, открытие Орlando, казалось, завершало все поиски. Была лишь одна неувязка: кости принадлежали не Фосетту, а кому-то другому. Казалось, логическая цепочка доказательств приводила к полнейшей бессмыслице, и я сказал Орlando, что, возможно, индейцы рассказали ему все как было, но из страха или суеверия спрятали настоящие кости Фосетта в другом месте.

Наша беседа прервалась: был подан завтрак — индюк с рисом. Я чувствовал, что самое интересное в рассказанном не судьба Фосетта — ведь с тех пор прошло тридцать лет и его уже не спасешь, — а то, как самый рассказ побуждал Орlando оторваться от того настроения, с каким он рассказывал посетителям из цивилизованного мира о своей деятельности. Он не пользовался такими словами, как «справедливость», «благо индейцев», «благополучие», и, казалось, описывал все с позиций индейца, а не с точки зрения цивилизованного человека, который разыскивает другого цивилизованного. Этим как бы раскрывались его методы и цели. Фосетт прошел через безлюдные пространства, преследуя великую цель. Орlando же, казалось, бродил по джунглям без особой цели, хотя у него было официальное поручение. Фосетт переночевал в деревне племени калапало и устремился дальше. Орlando же пробыл с ними целый год, видимо потому, что ему там нравилось. Он вел себя совсем не как исследователь, и мне подумалось, что, может быть,

именно эта необычная черта его характера и импонировала индейцам. У Фосетта был немалый опыт, и тем не менее похоже на то, что за несколько дней он совершил не одну ошибку. У Орландо, должно быть, их было не так уж много, судя по тому, что калапало часто приплывали на каное за сто миль, чтобы поговорить с ним.

Ближе к вечеру по прозрачным водам Туатуари скользнуло и ткнулось в прибрежный песок сделанное из коры каное размером не больше листа картона, загнутого с концов. Со дна суденышка, которое легко, как перышко, качалось на воде, поднялась, изящно балансируя, бронзовая фигура. Человек вынул из лодки гамак, высадил жену и ребенка, извлек горшок. Затем стал постепенно подниматься по крутому обрыву к хижине.

Я спросил одного из индейцев, который постоянно жил в Васконселосе, зачем приехал этот человек.

— Да просто провести здесь время,— услышал я в ответ.— Ему тоже, как и нам, хочется поразвлечься.

Иными словами, индейцы не занимаются грязными сплетнями в нашем смысле слова, но когда кто-нибудь из них может рассказать интересную историю, он садится с женой в каное и едет в Васконселос к Орландо.

Теперь я начал понимать, что именно на этой приветливости и внимании к индейцам в Васконселосе и зиждилось «королевство» Шингу. Идея приказа и наказания индейцам недоступна, поэтому как-либо улучшить их жизнь можно, лишь умело воздействуя на отдельные личности и учитывая отношения между индейцами внутри племен. Возможно, все те праздные разговоры, которые Орландо вел с индейцами, служили достижению какой-то более важной цели. В чем она состоит, мне еще было неясно, но, по всей видимости, традиционное миссионерское триединство — религия, образование и санитария — было тут ни при чем. У проблемы, казалось, была та же изнанка, что и у моего отношения к посту Капитан-Васконселос. Когда вылезает из самолета, отягощенный критериями цивилизованного человека, пост кажется никому не нужным грязным свинарником. Когда же возвращаешься из джунглей, Васконселос предстает перед тобой прекрасным оазисом в пустыне. Быть может, Орландо пытается сделать нечто большее, чем заметно на первый взгляд?

Глава IV

ЛОВЛЯ РЫБЫ ПРИ ПОМОЩИ ЯДА

С едой в Васконселосе всегда туго, и в один из особенно голодных дней я заглянул в свой рюкзак. Под носками и свертками с предметами, предназначенными для меновой торговли, я обнаружил ласты, маску и дешевое ружьишко для подводной охоты.

Что ж, попробуем заняться промыслом рыбы!

Спускаясь к реке, я старался показать индейцам, которые пришли на пост из окружающих деревень, что я рыбаку не в первый раз. На одном из самых высоких деревьев сидел воин из племени камайюра. Натянув тетиву лука, он подстерегал добычу. Индеец наблюдал за рекой, которая была так прозрачна, что на десятифутовой глубине можно было различить поблескивающие серебристые черточки. В реке плескались две женщины племени мехинаку. Их гибкие спины были раскрашены краской уруку⁹. Я надел ласты и маску с дыхательной трубкой. Ничего не сказав индейцам,—они тоже ни о чем меня не спросили,—я вошел в реку и поплыл по течению.

В воде было шумно. Подводный мир всегда представлялся мне безмолвным, но сейчас каждые 30—40 секунд мимо меня, спасаясь от погони, проносились рыбы, они пробивали водную гладь и тут же падали обратно, вздымая фонтаны брызг. Когда я учился охотиться, я всегда, заслышав всплеск, подходил к воде. Мне казалось, что в реку прыгнул по меньшей мере олень или кабан. Когда плывешь под водой, чувствуешь эти всплески гораздо сильнее. Кажется, будто вокруг тебя рвутся глубинные бомбы.

Нырнув на дно, я с удивлением обнаружил, что на упавших в реку деревьях сохраняется листва, отчего в речных глубинах было как в сумрачном лесу. Рыбы покрупнее — вроде туканаре¹⁰, — быстрые и сильные, словно крейсера, подкарауливали здесь добычу. Я задержался около этих темных гротов гниющей листвы, высматривая, не блеснут ли глаза, не шевельнется ли еле приметно хвост одного из этих чудовищ, которые стоят неподвижно против течения.

В том месте, где дно было песчаное и вода прозрачна, индейцы мыли свои горшки; тут ходили дозором пираний¹¹, которых часто описывали путешественники по Амазонии. Об этих рыбах-людоедах пишут много страшного, часто преувеличивая, потому что в таких городках, как Куяба и Манаус, иностранцам среди прочих достопримечательностей показывают места реки ниже боен, где обезумевшие от крови пирании могут буквально за минуту начисто обглодать человека или корову. В других условиях они тоже опасны, но, конечно, явным преувеличением следует считать утверждение одного автора, будто «кроме новичков, нет людей, настолько безумных, чтобы купаться в бразильской реке». Однако интендант оксфордско-кембриджской экспедиции, в которой я раньше участвовал, снабдил каждого из нас толстыми резиновыми сапогами, полностью закрывавшими бедра. Я прожил год в джунглях и часто наблюдал, как пирании острыми зубами жадно обглаживали отбросы, плававшие на поверхности воды. Но я ни разу не видел, чтобы пирании нападали на живые существа, разве что на пойманных на удочку рыб. В таких случаях рыбу иногда извлекали из воды с оторванным хвостом. В этой маленькой речке пирании выглядели как бездумные роботы, курсирующие вверх и вниз по реке, пока малейший беспорядок, словно электрический разряд, не привлечет к себе всех сразу. Они были в непрерывном движении, и стрелы индейцев поражали немногих. Но из ружья подстрелить их нетрудно, думал я, осторожно продвигаясь вперед. Сбоку тела их казались шириной с суповую тарелку, и если приблизиться к ним под прикрытием мути, поднятой купающимися индейцами, то весь их косяк пройдет в каких-нибудь двух-трех футах от меня. Казалось, поразить их было так же легко, как и колющих скатов¹², сидевших в прибрежной грязи буквально друг на друге. Несколько дней назад один неосторожный мальчик, наступив на такого ската, сильно поранил ногу.

После первого краткого ознакомления с рекой и ее обитателями я решил заняться подводной охотой, чтобы снабжать Васконселос рыбой. Казалось, в этой речушке обитали тысячи самых разнообразных рыб. И не только рыб. Ниже по течению водились черепахи. Они высывали из воды головы, сверкая бусинками глаз и словно возмущаясь шумом подвесного мотора. Подплывали они

так близко, что, нырнув, индейцы ловили их за лапы. Жили здесь и новорожденные крокодилы, которые всегда кажутся спящими, но стоит подплыть к ним, и ты сразу убедишься, что они вовсе не спят. Маленькая восьмифутовая анаконда всегда плавала в затоне неподалеку от поста. Иногда, глядя вверх сквозь кристально прозрачную воду, я видел, как речку переплывала змея; туловище ее извивалось, а голова всегда оставалась над водой, как у собаки. А однажды я наблюдал, как о дно терся электрический угорь¹³, которого индеец подстрелил в воде неподалеку от меня. Каждый раз, когда стрелу, торчащую в его теле, шевелили, угорь — вероятно, через влагу песка — посылал электрические заряды в сторону человека, стоявшего в полуярде от него. И я вспоминал, как Гумбольдт в порядке эксперимента загнал в водоем нескольких лошадей. Угри терлись об их животы, испуская электрические разряды, и парализованные, задыхающиеся лошади через пять минут утонули.

За несколько недель я изучил некоторые привычки речных обитателей. Туда, где у берега возникала суматоха, автоматически устремлялись пирайи, зато коричневые рыбки, называемые пиау, всегда прятались под корягами, в ямках на дне. Изредка с громкими всплесками выскакивали из своих тайников туканаре и кидались на добычу. Колющие скаты рывками двигались, то замедляя свое движение, то стремительно бросаясь вперед. Анаконды, похоже, жили всегда в одних и тех же местах, где у них, по всей вероятности, были гнезда, и они упорно игнорировали мои попытки заинтересовать их новыми формами жизни. В книгах тех, кто путешествуют по Амазонии, почему-то всегда случается так, что анаконда нападает на автора из засады и тут весьма кстати мимо проходит его друг. Он непременно вооружен заряженным фотоаппаратом и почему-то снимает лишь под таким углом, что наиболее существенные детали обстановки не могут уместиться на снимке, где запечатлена смертельная схватка змеи с человеком, в которую друг автора не делает ни малейшей попытки вмешаться. Автору одной недавно вышедшей книжки удалось даже придушить двадцатипятифутовую анаконду и запихнуть ее в деревянный ящик. К сожалению, человек, которого он попросил сохранить анаконду в качестве вещественного доказательства, не отвечает на письма автора этой книги.

Орландо Вильяс Боас, однако, рассказал мне позже, что поведение анаконды в высшей степени рефлекторно. Когда великанша переварит проглоченную добычу, она выползает из своего логова и набрасывается на первое крупное животное, попавшееся ей на пути. Он был свидетелем двухдневной борьбы между анакондой и крокодилом, которого невозможно переварить и очень трудно убить. Враги двое суток барахтались в воде, сцепившись в почти беззвучной схватке. Они лишь стонали. Анаконда все туже сжимала свои толстые кольца, а крокодил пытался вырваться, норовя укусить ее. Но змея настолько расслабила кольцо возле самых челюстей крокодила, что ему не во что было вцепиться. И я подумал: если даже королева реки настолько глупа, что напала на крокодила и, скованная рефлексом, не в силах была от него отделаться, то уж разумное-то существо, подстегиваемое голодом и оснащенное ружьем, пусть дрянным и с плохой пружиной, наверняка способно убить куда более глупую маленькую рыбку.

Такова была теория. Я охотился две недели. Каждый раз я выходил на берег с пустыми руками и смотрел на индейцев, которые хранили молчание, как и два часа тому назад, когда я входил в воду.

Но однажды вечером к нам в гости пришло племя камайюра. Вокруг поста ярко горели костры, на которых гости готовили пищу. Я отправился поговорить с их вождем Такуманом. По всему было видно, что велись какие-то приготовления. Женщины заворачивали маниоковые лепешки в нечто вроде бамбуковых циновок, а мужчины поглядывали на свои шестифутовые стрелы и выпрямляли над огнем луки. Такуман задумчиво ворошил угли концом стрелы.

— Адриано,— заметил он словно между прочим,— как ребенок, только играет в рыбную ловлю. Он думает, что он рыба, но он не рыба.

Помолчав, он спросил, не желаю ли я посмотреть, как индейцам, да и мужчинам вообще следует ловить рыбу.

За несколько часов до этого была устроена ловушка, чтобы отравлять в ней рыбу.

Через час мы спустились в темноте к воде. Позади сквозь щели в бревнах хижины Васконселоса бил яркий свет горевших внутри свечей. Когда мы тронулись в путь,

бескрайняя глушь вокруг поста огласилась скрипучими звуками граммофона.

Мы пристали к берегу, где пониже, и цепочкой побрели в ночном мраке. Нас было двенадцать человек. Шли мы не спеша, при малейшем шорохе просвечивая лесную чашу моим фонарем. Через полчаса мы снова вышли к воде, и тут опять были спрятаны каноэ.

На носу и на корме сели по два индейца с веслами. Они делали несколько резких гребков, заставляя каноэ стремглав лететь по воде, потом клали весла на колени и прислушивались, не заметил ли лес, простирающийся от реки на сотни миль, как каноэ с легким шипением скользят мимо.

Один раз мы налетели на мель. Мой фонарь вспыхнул. Изогнувшаяся фигура индейца с натянутым луком в руке склонилась над рекой. Стрела мелькнула, задрожала, заплясала в воде.

— Туканаре,— прошептал Такуман, и я услышал хруст — он впился зубами в жабры. Снова вспыхнул фонарь. Снова задрожала стрела. Еще одна рыба. На этот раз он осторожно выплюнул чешую и живое мясо. Через пять минут у нас было вдоволь съестного на ночь, и мы продолжали свое путешествие к западне для рыбы, летя по водной глади через темные туннели растительности, пересекая широкие болотца и узкие, заросшие тростником протоки. Наконец, часа два-три спустя индейцы перестали грести, и один из них шепнул, чтобы мы сидели совсем тихо. Мы замерли, и наше каноэ еле слышно коснулось дна. Столь же бесшумно индейцы поставили загородку из тростника и веток поперек входа в ловушку и закрыли ее.

Все тотчас заговорили, засмеялись, стали подвешивать к деревьям гамаки и разжигать костер. Рыбу мы ловили в мелкой заводи, которую индейцы перегородили еще утром. Теперь, когда вход был закрыт, стало слышно, как рыбы запрыгали в ловушке.

— Много рыбы,— сказал Такуман. Как бы в подтверждение его слов мы услышали, как в каноэ плюхнулась рыба. Каноэ поставили с наружной стороны западни, чтобы крупные рыбы, пытаясь выскочить из ловушки, падали в него; там они бились о его изогнутые бока и засыпали.

Индейцы, обратившись к лесу, свистели и издавали протяжные глухие звуки, приветствуя наступление нового дня. Такуман мочалил о камень связку палок. Палки эти были из тимбо¹⁴ — зеленых лиан, которые в лесах Амазонки можно найти повсюду. Они были совершенно сухими и такими же коричневыми, как и рука, которая колотила ими по камню. Когда измочаленные волокна опустили в воду, стала выделяться пена, как от мыла, а Такуман принялся подпрыгивать, звучно шлепая по воде ногами. Глядя на расходившуюся от него рябь и облако взбаламученного ила, можно было вообразить, что по болотцу, как на поле боя, распространяется отравляющий газ.

Почти час восемь индейцев мочалили тимбо, причем каждый извел не один пучок. И вот стали выскакивать рыбы — по одной каждые несколько секунд. Половина из них перепрыгивала через каноэ и уходила, половина умирала на дне лодки. У меня, англичанина, душа болела при виде такой низкой производительности. Когда в ловушке так много рыбы, зачем же ее выпускать? Ведь сделать загородку повыше ничего не стоит. Я заметил, что только мальчики стреляли по рыбам, которые, задыхаясь, подплывали к поверхности, готовясь к прыжку.

Один маленький мальчик, который едва мог держать лук, делал свое дело явно без всякого интереса, мужчины кричали на него и бросали тимбо в воду к его ногам. Такуман стоял возле мальчика постарше, показывая ему, куда стрелять, и наблюдал за результатами стрельбы. Попав в цель, стрела начинала ходить ходуном, а при промахе оставалась неподвижно лежать на воде. Но ведь возле Такумана лежали луки и стрелы, и, насколько я знал, он стрелял без промаха. В чем же дело?

Несколько минут спустя, когда рыба, из которой вытащили стрелу, стала биться и прыжками подвигаться к воде, я получил ответ на мой вопрос. Чтобы задержать рыбу, я выставил ногу, но Такуман бросился ко мне и оттащил меня назад.

— Только мальчикам можно охотиться за рыбой, — сказал он. Позже я узнал, что он имел в виду мужчин, еще не познавших женщину.

Целый час мы наблюдали за этой охотой, меж тем как две птицы, похожие на чаек, с криками носились над

водой и ныряли за рыбой, а в вышине парили два огромных коршуна. Ночью из лесу выйдут пумы и лапами выловят из воды оставшуюся рыбу. Но сейчас вода кишела темными тушами рыб; они всплывали на поверхность, часто и тяжело дыша, переворачивались вверх брюхом и издыхали.

За час до полудня Такуман, как полагалось вождю, вошел в воду, поднял над головой стрелу и пронзил ею рыбу. Этим он, как сын умершего вождя, открывал длинный период охоты на рыб и празднеств, которые завершатся куарупом, когда после ночи непрерывных танцев первый луч солнца возвестит о наступлении праздника Мавутсинима¹⁵, сотворившего индейцев. Тогда в деревню явится душа вождя; все станут поклоняться богу, и умершие предки будут вместе со своими потомками расхаживать по хижинам. Индейцы восьми племен группы Шингу соберутся в деревне камайюра на праздник пляски и борьбы, самый большой со времени последнего куарупа, справлявшегося много лет назад.

То был волнующий момент. Индейцы следили за Такуманом затаив дыхание, и едва зазубренный наконечник стрелы пронзил голову рыбы, они направили каноэ в заводь и стали бить рыбу стрелами и стряхивать ее на дно. Процедура эта была малопривлекательной и напоминала работу мусорщика в лондонском парке. Несколько часов спустя вся добыча была нанизана на свеже-срубленные лианы, и каноэ пустились в обратный путь.

В тот вечер над кострами индейцев камайюра в Ваконселесе на длинных шестах коптились пиау, пирайи, туканаре, колющие скаты, бикуды и три огромных трирао. Приготовленная таким способом рыба могла храниться три дня—до праздника, когда ее всю съедят.

Такуман старался не смотреть на мое подводное снаряжение для рыбной ловли.

— Много рыбы поймали мы сегодня? — спросил он.

— Много, — ответил я. — Штук пятьсот-семьсот.

Он не умел считать, и для него это должно было прозвучать как большая похвала.

Такуман снял с огня рыбу и с аппетитом стал ее есть.

Глава V

МАЛЫЙ КУАРУП

На другой день, рано поутру, камайюра отправились обратно в свою деревню, а через двое суток я последовал за ними по извилистой тропе, пролежавшей через посадочную площадку и тянувшейся дальше по скудной земле, покрытой низкорослыми деревьями. Трава имела золотисто-коричневый оттенок, кора деревьев отливала серебром, в их тени паслись олени — индейцы никогда их не убивали. Я вышел на рассвете, зная, что после возвращения Такумана племя начало готовиться к празднику «приглашения» — малому куарупу.

Мне вспомнилось, как я впервые шел по этой тропе и как у самой деревни мой провожатый, два часа шедший впереди меня, внезапно исчез. Дойдя до селения, я увидел пять хижин. Похожие на стога сена, они обступали большую пустынную площадь. Я остановился на ее краю, словно бежавший от суда и следствия гангстер, собирающийся вступить в незнакомый, затерявшийся среди прерий городок. В прошлом камайюра убивали цивилизованных пришельцев. Смущенно покашливая, я устремился в зияющий мрак ближайшей от меня хижины.

Пока глаза мои привыкали к темноте, я услышал какой-то странный шум. Он все усиливался, и в низкую дверь, пригнувшись, стремглав вбежали два голых дикаря. Они выпрямились, и я был ослеплен разноцветными узорами — они раскрасились для исполнения танца уруа. Индейцы замерли как вкопанные — эбеново-черные, блестящие от пота тела, твердые, как мрамор, мускулы, лица — словно маски умерших инков.

— Добрый день,— выпалил я и, почувствовав, что сказанного в данной ситуации недостаточно, добавил: — Перикох.

Это было единственное известное мне камайюрское слово, которое, насколько я знал, означало нечто вроде: «Здравствуйте, я желаю вам добра и, надеюсь, вы мне тоже».

— День добрый,— отвечал один из дикарей на превосходном португальском языке.— Как дела в Васконселосе? Что нового в Рио?

Он отложил в сторону свою флейту, а я, ошеломленный, медленно опустился на скамеечку. Это прозвучало как отрывок из Горация в устах эскимоса, обитающего на Северном полюсе.

Так я впервые встретился с Такуманом. Я узнал, что за десять лет, прошедшие после появления в джунглях Орlando, Такуман научился говорить по-португальски и однажды даже летал в Рио-де-Жанейро лечиться. Он был сыном умершего вождя, самым лучшим в деревне борцом и человеком, наиболее способным вести дела с чужеземцами. Поэтому он в конце концов возобладал над всеми своими конкурентами и стал вождем племени. Такуман не только владел традиционными для индейцев навыками, но и был знаком с обычаями чужеземцев, и это шло на пользу всему племени.

В то июльское утро, когда я появился в деревне вторично, повсюду можно было видеть мужчин, которые раскрашивали тела для состязаний в борьбе. Одни из них стояли, другие сидели на площадке размером в половину футбольного поля, вокруг которой находилось пять хижин, каждая вместимостью человек на двадцать, крытые пальмовыми листьями, побуревшими на солнце. Площадка была покрыта желтой, утопанной пылью, видневшийся за строениями лес был уныл и неинтересен. Индейцы посыпали свои бронзовые тела серой золой и накладывали поверх яркие краски, красную (уруку) и черную (женипапо), которые добывали из растений. Краски эти хранились в небольших сосудах из высушенной тыквы; индейцы макали в них два пальца и по очереди раскрашивали друг друга, выводя узоры, пятна и красочные портреты, кому что вздумается.

Почти одновременно с моим приходом из одной хижины донеслись какие-то странные звуки, напоминавшие автомобильный гудок, и восторженно удивленный крик «Ааииеее!». В темном входном отверстии хижины опускались и поднимались два таинственных предмета. Они то появлялись, то исчезали, словно змеиные головы перед заклинателем змей. Громко притопнув, индейцы начали свой танец. Вначале, словно призыв анаконды, зазвучала десятифутовая бамбуковая флейта; затем человек, который стоял, согнувшись, в темном отверстии хижины, вдруг стремительно выскочил на яркий свет, распрямился, и солнце озарило его роскошный головной

убор из желтых перьев араара; нагое тело его было выкрашено в красный цвет соком ягод уруку и расписано пятнами под змеиную кожу. За ним, положив руку ему на плечо и повторяя каждый его шаг, следовала женщина. На ней не было никаких одежд и украшений, кроме хвоста из пучка соломы; по бархатистой коже ее смуглых бедер стекала кровь из обрядовых царапин. Вступила еще одна флейта, на ней играл столь же великолепно разукрашенный мужчина, только на спину ему ниспадал змеиный хвост; затем появилась вторая женщина, в таком же наряде, что и первая. Переходя от хижины к хижине, они исполняли свой счастливый танец, чем-то напомилавший движения анаконды.

Танец этот не мешал мужчинам раскрашивать друг друга; как гостю мне поднесли в тыквенном сосуде напиток из маниока, после чего я уселся на бревне и стал разглядывать деревню — пять хижин, большую площадку и нагих индейцев, расхаживавших по ней. Селение напоминало кольцо из стогов сена вокруг клочка иссушенной земли, и, не будь тут нескольких ружей и рубашек, трудно было бы поверить, что эти люди уже более десятка лет назад вошли в соприкосновение с цивилизацией. Братья Вильяс не спешили и действовали очень осторожно, стремясь смягчить ее шок. Лишь основным орудиям ее, да и то немногим, дали войти в быт индейцев.

Я повернул голову и посмотрел на озеро, сверкавшее между хижинами к северу от деревни. Называлось оно Ипаву. Четыреста лет назад камайюра жили, как говорилось в легенде, у «бурного озера» — почти наверняка у моря, и там стали жертвами первого натиска португальских авантюристов и первооткрывателей. Как и многие другие жившие на побережье племени, камайюра бежали в джунгли. Одно из таких племен в отчаянных поисках индейского рая Маран-им прошло за десять лет две тысячи миль — от восточного побережья Бразилии до Перу; камайюра передвигались гораздо медленнее, и путь их был более кровопролитным. Они сражались и с белыми, и с индейцами, когда проходили по занимаемым ими землям. Судя по преданиям камайюра, в районе Ильяду-Бананал они наткнулись на земли, занятые индейцами каража, отступили, спустились на юг по западному притоку Арагуаи, пройдя водораздел, добрались до од-

ного из притоков Шингу. Здесь их странствие завершилось. Они достигли неприступного бастиона Южной Америки.

— Мы жили у реки,— объяснял мне один индеец камайюра,— и все время сражались с племенем журуна. Потом наше племя дошло до места под названием Жакаре, журуна тоже пришли туда, и мы опять сражались. Наконец мы отправились к озеру Ипаву, где у нас было четыре деревни, но там было много болезней, и туда тоже пришли журуна. Но на этот раз у нас было десять винчестеров 44-го калибра, и мы убили десять журуна, и они больше не приходили. Но болезни губили нас, и вот у нас осталась только одна деревня, и мы перебрались на эту сторону озера, потому что на той стороне москиты.

Озеру Ипаву было последним их прибежищем от цивилизаторов и войн с другими племенами, разгоревшихся из-за натиска белых.

Когда я впервые посетил эти края и прожил несколько дней в хижине Такумана, я обнаружил у реки высокое дерево, на стволе которого была нарисована черной краской необычная фигура. Потом я заметил еще два-три дерева с такими же рисунками и заинтересовался, что это означает.

— Кто изображен на дереве? — спросил я.

— Это человек, который открыл Ипаву.

— А других своих соплеменников вы тоже рисуете?

— Нет.

— Значит, это вождь?

— Нет.

— Стало быть, он потом стал вождем или отцом многих людей?

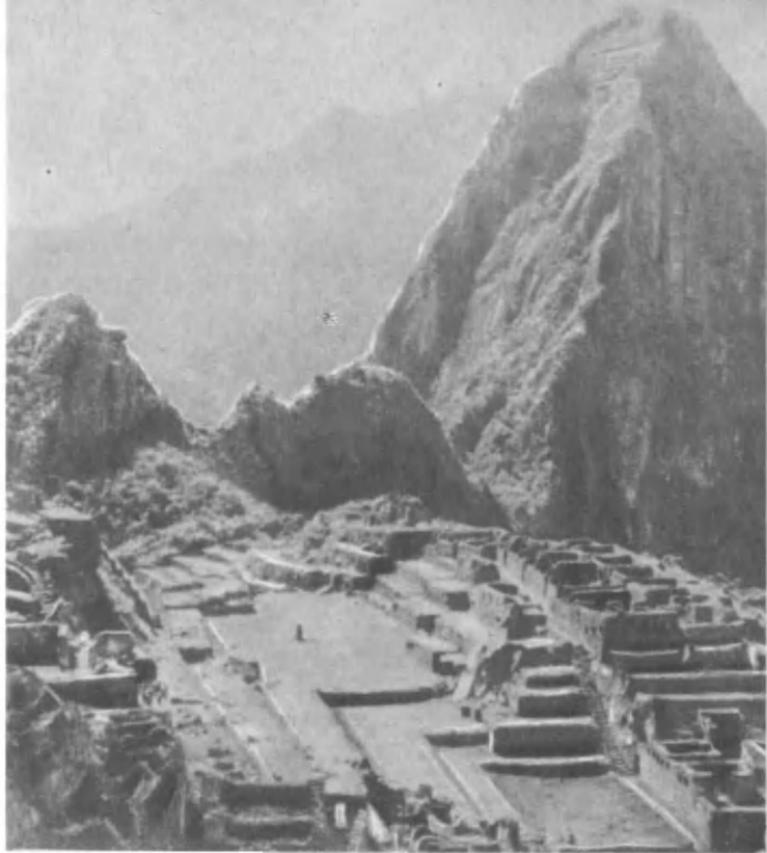
— Нет.

— Что же он сделал?

— Он открыл Ипаву.

Любой, кто провел хотя бы день с этим племенем, не мог бы переоценить важность этого события.

«Ипаву!» — кричат камайюра в холодный предрассветный час, когда слышна возня собак, которые дерутся за теплое местечко около угасших за ночь костров. «Ипаву! Ипаву!» — слышатся крики индейцев, идущих к озеру; все тише и тише звучат они, пока внезапно не сменяются восторженными, исступленными воплями. Ни один из возгласов, которые способен издавать человек, не выра-

Затерянный город
инков Мачу-Гикчу,
открытый
в 1911 году

„Семь городов“ —
выветрившиеся скалы,
вероятно, побудившие
Фосетта поверить
в затерянный мир
Атлантиды, скрытый
в джунглях Шингу

Молодой воин племени калапало

жает столько радости и изумления всего лишь перед одним из чудес природы. Индейцы достигли воды. Под открытым небом холодно, голые тела индейцев окоченели — ведь они спят, ничем не укрываясь, в гамаках из древесных волокон, — но в это время суток вода в Ипаву теплая, и камайюра с разбегу бросаются в реку и резвятся, словно дельфины. Клубится и растекается под лучами солнца туман, и камайюра садятся в выдолбленные из дерева каноэ. На телах их красиво переливаются краски зари. Стоя на невидимом дне лодок, они медленно улывают из виду. Одни отправляются ловить рыбу, другие — охотиться, третьи едут на плантации маниока, скрывающиеся за стеной леса, но все они начинают свой день с того, что пересекают свое собственное прекрасное озеро.

Утренние часы они проводят около Ипаву. На берегу озера играют дети, в мелких заводях женщины омывают бедра и полощут свои длинные волосы, а затем быстрой семенящей походкой вереницей выходят из воды. «Хорошая вода, — говорят они незнакомцу. — Красивое озеро». И даже ночью, когда индейцы камайюра сидят на бревнах на деревенской площади, тихо беседуя и глядя на звезды, они, насколько я понял, называют одно лишь созвездие. «Вон Рыбак», — говорят они, показывая на Большую Медведицу, которая склоняет свой ковш над водами их озера.

Эти воспоминания о моем первом посещении деревни нахлынули на меня, когда я сообразил, что Такуман собирается использовать праздничное утро, чтобы завести роковой разговор о подарках. Подсев ко мне, он заметил, что я, конечно, помню друзей и привез из Рио подарки. Вероятно, я жду лишь подходящего случая, чтобы вручить их.

Я рассказал ему, что я привез.

— У тебя есть красные гребешки со сверкающими стеклышками, — задумчиво, с одобрением произнес Такуман.

— А еще зеркала и бусы, — добавил я.

— У тебя есть длинные лески с крючками для рыбной ловли, — неторопливо промолвил он и вдруг без всякого логического перехода сказал: — Камайюра больше не любят Орландю.

— Почему? Ведь он друг индейцев.

— Орlando не дает больше подарков.

— Может быть, ему просто нечего вам дать,— вступился я за Орlando.— Он работает для правительства, которое находится в Рио-де-Жанейро, и к нам давно уже не прилетали самолеты.

— Орlando богатый,— решительно заявил Такуман.— У него целые сундуки с ружьями, брюками и яркими рубашками, которые правительство прислало для нас. А он отдает все это диким индейцам. Не нам.

— Орlando — друг индейцев,— не сдавался я.— Многие бразильцы хотят украсть у вас землю, а Орlando защищает вас.

— Мы предпочитаем американо Рикки,— твердо сказал Такуман. (Рикки приезжал в деревню несколько лет назад, чтобы снять антропологический фильм, и имя это всплыло в разговоре совершенно случайно.) Когда приехал Рикки, он подарил нам много бус, крючков и лески.

— Но ведь и Орlando не против этого,— сказал я, просеивая сквозь пальцы набранную с площадки пыль.

— А Рикки дал нам это,— возразил Такуман, коснувшись голубого ожерелья, которым он был перепоясан.

Бусы за землю, а потом нищета, упадок и смерть. Конечно, не мое дело вмешиваться в решение индейской проблемы, но я сказал Такуману, что все это старая-престарая история. Я рассказал ему о людях, захватывавших чужую землю, о судьбе североамериканских индейцев, об австралийцах и аборигенах Австралии, о бурах и бушменах Южной Африки. Мой рассказ не слишком заинтересовал Такумана, но он сказал, что подумает над всем этим. Я переменял тему разговора.

— А индейцы вашего племени придут сегодня с поста Шингу?

— Кое-кто придет,— ответил Такуман. Мысль об этом, как видно, не доставляла ему удовольствия.

— Почему же только кое-кто? Ведь все камайюра должны быть здесь на празднике малого куарупа. Почему они оторвались от вас, Такуман?

— Они уходят потому, что карамба (служащие военно-воздушных сил на посту Шингу) дают им бусы, леску и пули за то, чтобы они работали у них.

— Почему же ты не удерживаешь их?

Такуман помрачнел и больше ничего не сказал о том, что расколело племя на тех, кто держались старого, и тех, кто тянулись к новому. Раскол этот не только подрывал основы племенных обрядов и верований, но и вел к тому, что жещины и дети, чьи мужья и отцы ушли из селения, испытывали недостаток в мясе и рыбе. Последняя эпидемия кори, от которой умерло 114 индейцев, была результатом одного из таких визитов камайюра к белым.

«Хука! Хука! Хука! Хука!» — Воздух внезапно потрясли низкие, ворчащие звуки. Их издавали мужчины, которые принялись обхаживать друг друга, сильно притопывая ногами. Затем началась борьба. Темные тела индейцев закачались над землей, сверкая на солнце красными, желтыми и синими поясами из хлопка.

Как просто, думал я, выглядит индейская деревня, когда в нее приезжаешь — кучка хижин из пальмовых листьев, голые люди и немного очень простых вещей. Описать одну только комнату европейца гораздо труднее, чем целую деревню шингуано. Но стоит хоть немного побыть здесь — и поймешь, какой сложной и непонятной может быть жизнь в этой деревне, где каждое действие имеет особый, глубокий, а иногда и жестокий смысл. Почему, например, в хижине Такумана живет девочка, которой целый год нельзя видеть солнце? Почему охотникам нельзя убивать оленей и почему только старикам можно есть мясо черных обезьян? Вот у этого мужчины было две жены — они были сестрами, а вот та женщина могла выйти замуж лишь после куарупа. Почему? Каким образом первобытные люди, полагаясь лишь на вкусовые ощущения, могли узнать, что смертельно ядовитые корни маниока, если их почистить, растолочь, десять раз промыть, высушить и испечь, станут съедобными? И почему те, кто так верно определили свойства маниока, не научились ткать из хлопка одеяла, чтобы укрываться ими ночью, когда холодно? Ведь выращивают же индейцы хлопок для того, чтобы делать себе пояса для борьбы. Подобные вопросы можно задавать без конца, блуждая по лабиринту обычаев и предрассудков индейцев.

Когда я впервые увидел борьбу, из хижины вождя к центру деревенской площади вывели здорового воина из племени калапало. Тело его было раскрашено. Он

встал, пригнувшись, над местом схватки. Воин этот напоминал быка в кольце врагов, зверя, окруженного толпой, но чувствующего свою силу и готового на бой. Две минуты он стоял спокойно и недвижимо. Затем вперед вышел воин камайюра и небрежным жестом зачерпнул ладонью пыль у ног калапало; калапало сделал то же самое. Вызов был принят. Прозвучал сигнал к бою. Твердые пятки колотили по земле, грудь у обоих борцов угрожающе вздымалась, но, в сущности, схватка была пустяковой, и камайюра вскоре победил. Калапало дали минутную передышку, затем другой камайюра быстро нанес ему новое поражение. Один за другим выходили воины камайюра, и калапало все больше слабел, потом стал задыхаться, все ниже склоняя голову посреди залитой солнцем враждебной деревенской площади. В конце концов он не принял один вызов, потом другой, потом третий. Тогда в центр площади вышел «друид» камайюра и стал тонким голосом, нараспев дразнить врага. В знак унижения калапало вываляли в пыли, но не было пролито ни капли крови, и в остальном деревня оказала ему радушный прием.

У племен группы шингуано некогда кровопролитные войны уступили место таким бескровным состязаниям, а сегодня, во время первого большого праздника, за которым должен был последовать куаруп, борьба имела и другое значение. Дело в том, что за час до начала состязаний в деревню явился вождь племени мехинаку. На голове у него красовался роскошный убор из желтых перьев араара, его сопровождали женщины, обвешанные синими и белыми бусами, ярко выделявшимися на их раскрашенных красных телах. Вождь занялся «легкой борьбой», демонстрируя дружбу между своим племенем и племенем Такумана. Его предшественник, умерший год назад, был выходцем из племени камайюра, а жена его была мехинаку, и поэтому обоим племенам предстояло быть хозяевами на празднике куаруп. Они должны были угощать другие племена и в состязаниях с ними выступать совместно.

После борьбы на шесть плетеных ковриков положили шесть кучек рыбы — все делалось под наблюдением ответственного за все церемонии воина — распорядителя куарупа. Угощение принесли из дома Такумана, а в центре площади, залитой ярким солнцем, старый «друид»

тянул заунывную песню, опустив голову и палкой вздымая вокруг себя пыль.

— Смотрите все! Смотрите, как гостеприимны камайюра! Туканаре, колющие скаты, пирайи, приготовленные над дымящимся костром! Лучший хлеб из маниока! Смотрите! Женщины даже сейчас колют орехи пеки и ссыпают их в корзины.

Перед вождем мехинаку поставили рыбу и хлеб; вождь отведал напитка из маниока; тем временем пригласили на пир его соплеменников.

Ту же пищу и напиток предложили старику и старухе из деревни индейцев ваура. Их племя тоже было приглашено на праздник.

Затем воин-распорядитель стал выкрикивать: «Кто отправится к калапало? Кто, охотясь, дойдет до куйкуру? Кто из воинов пойдет к явалапити?» и так далее, до тех пор, пока ко всем племенам группы шингуано не отрядили гонцов. Им предстояло идти без воды и пищи, без всякого оснащения и без одежды, чтобы как можно быстрее добраться до нужной деревни. Там они должны сидеть на солнцепеке, ожидая, пока вождь не вернется с охоты. Он, разумеется, вначале не обратит на них внимания, поест и лишь после этого выйдет к ним. Состоится степенная беседа, и они передадут ему приглашение.

За праздником малого куарупа следует несколько выходов на рыбную ловлю в область Морена, где реки Ронуру, Батови и Кулуэни, сливаясь, образуют реку Шингу. Именно здесь Солнце — брат Луны и дитя пумы — сотворило индейцев. Солнце вырезало из тростника пять женщин и дышало на них, пока они не ожили, и Морена стала местом сотворения племен. Затем начнутся нескончаемые пляски, и наконец все племена соберутся вместе. Ликующие индейцы с раскрашенными телами и цветастыми поясами будут гордо шеголять во всем великолепии своих уборов из перьев.

На рассвете в самый день празднества восемь племен Шингу отметят появление своего творца, и к ним снизойдут душа покойного вождя и души всех умерших со времени последнего куарупа. Мертвых будут согревать костры, им будет выставлена пища, чтобы они смогли утолить свой голод, и ночью, когда повсюду духи, никто не осмелится выйти из хижин. Затем одна душа умершего отправится на небеса, а другая останется жить

среди людей, под водой, потому что у шингуано две души — одна в глазах, другая — в ушах. Вдовы вымоются, раскрасятся соком ягод уруку и будут принимать ухаживания других мужчин. Этим обрядом индейцы отпускают на волю мертвых и раскрывают свое понимание человека и Вселенной.

Праздник малого куарупа — одно из самых значительных событий года, потому что в эту долину, затерянную в джунглях Амазонки, собираются племена со всех концов Шингу. Лишь немногие из них связаны узами традиционной дружбы или общности языка и культуры. Куйкуру говорят по-карибски, авети — на языке тупи, ваура — на аравакском, а язык племени трумаи до сих пор не отнесен ни к одной языковой группе. Мехинаку пришли с юга, из района Куябы; имеются свидетельства, что в XVIII веке калапало жили на реке Смерти, а камайюра пришли с востока. Первое побуждение индейцев при появлении незнакомцев — убивать их, и названные восемь племен сначала воевали друг с другом в течение многих десятилетий. Но постепенно среди них воцарился своеобразный мир, породивший однородную культуру. К тому времени, когда братья Вильяс пришли в Шингу, все племена носили одинаковые серьги, одинаково стриглись, пользовались одинаковыми красками. У них была одинаковая пища, хижины у всех племен строились на один лад — в форме стога сена, у всех были одинаково легкие каноэ. И, самое главное, праздник куаруп стал выражением общности всей этой группы племен.

По мере того как церемония празднования малого куарупа подвигалась вперед, даже мне, чужеземцу, становилось ясно, что если единение племен когда-либо нарушится и этот их праздник исчезнет, для индейцев это будет иметь гораздо более серьезные последствия, чем для англичан отмена монархии, парламента, церковной службы и последнего причастия. Причем иронией судьбы вышло так, что вся эта важная и сложная обрядовая надстройка ведет свое начало от одного-единственного предмета торговли!

Однажды я спросил Орландо о союзе племен Шингу — ведь в Бразилии существует всего одна или две подобных схожих по культуре группы, — и он сказал мне, что на этот счет у его брата Клаудио есть особая теория,

основанная на ваурском горшке. Из всех восьми племен только ваура, живущие в двух днях ходьбы западнее Васконселоса, владеют секретом гончарного ремесла. Без горшков невозможно приготовить маниоковый хлеб и многие индейские мясные и рыбные блюда, и если почти все необходимое для жизни индейцы находят в лесу, горшков они там найти не могут. Поэтому гончарное искусство стало среди шингуано синонимом богатства, и каждое вновь приходящее в Шингу племя стремилось овладеть этим ремеслом. В конце концов ваура добились исключительного влияния в этих местах и даже стали выступать в качестве посредников-дипломатов по всему Шингу. Перед приездом братьев Вильяс последним миротворческим актом ваура было установление опеки над племенем трумаи и прекращение войны между камайюра и трумаи. Трумаи последними влились в группу племен шингуано. Таким образом, горшок послужил краеугольным камнем шингуанской цивилизации.

Перед заходом солнца я подошел к Такуману попрощаться.

— А среди твоих подарков,— задумчиво произнес он,— среди твоих подарков есть кастрюли? Сейчас,— добавил он,— нам нужна новая кастрюля для приготовления пищи.

Я спросил, разве у Такумана нет собственного ваурского горшка.

— Да, у камайюра есть ваурские горшки. Но горшки караиба (на языке индейцев это означает: «цивилизованных людей») лучше. Они не бьются. Когда у всех нас будут горшки караиба, ваурские нам больше не понадобятся.

Я шел обратно в прохладе леса, и печальный смысл его слов был мне совершенно ясен.

Глава VI

КАЛУАНА

Жизнь индейца немислима без охоты. Индеец не охотится, лишь когда он болеет или если объявлена война.

В дни, предшествовавшие малому куарупу, я вновь стал охотиться с аветийским воином Калуаной. Нас те-

перь связывала своеобразная дружба, продолжавшаяся до конца моего пребывания в Васконселосе. Мы уходили на два-три дня, взяв с собой лишь соль, гамаки и коробку спичек. В джунглях мы жили привольно, как кочевники, спали там, где нас заставляла ночь, обследовали все новые и новые озера и леса и самозабвенно предавались охоте. Однажды мы несколько часов шли по следам кабана. По пути Калуана показал мне следы пум — они охотились, как и мы, останавливались, ображая, куда ведут следы. Мы ловили рыбу в водах Кулуэни, каждые пять минут вытаскивая четырехфунтовую пирайю, стреляли из лука по туканаре, которые прятались в прибрежной тени. Иногда мы убивали по шесть-семь индюков, заставляя врасплох кричащих, ошеломленных птиц.

Калуана старался сделать так, чтобы в лесу его цивилизованный «оруженосец» возможно меньше мешал охоте. Когда в кустах пересвистывались две макуку, он учил меня осторожно проползать между птицами и, подражая их свисту, привлекать к себе обеих. Мне это совершенно не удавалось. Калуана показывал, как трудно угнаться за стаей обезьян, перепрыгивающих с дерева на дерево, и демонстрировал, как индейцы, определив, в каком направлении движутся обезьяны, совершают быстрый обходный маневр, заходят спереди и стреляют по ним из засады. Птицы жакубим¹⁶ почти всегда сидели над водой в тех местах, откуда открывался чудесный вид на реку и где в лучах солнца грелись и нежились громадные выдры¹⁷. И, наконец, если невозможно было подстрелить украшенного гребнем индюка, который сидел слишком высоко на дереве, Калуана имитировал зов индейки. Индюк немедленно приходил в возбуждение, издавал свист и спускался ниже, подставляя свою черно-белую грудь прямо под дула наших ружей.

Шли недели, и наша дружба крепла. Но жизнь среди охотников индейцев — это холодное, почти леденящее существование, дружба сводится всего лишь к союзу двух животных во имя общей цели — добычания пищи и защиты от врагов. Тепла в отношениях между людьми здесь нет, и между людьми современными и первобытными тоже, как мне казалось, почти невозможно достичь понимания. Калуана все больше удивлял меня.

Внешность этого аветийского воина производила внушительное впечатление. Шингуано обладают прекрасным чувством пропорций и в отличие от других индейцев не уродуют свое тело, не обезображивают губы дисками, не протыкают нос палочками, не прицепляют к мочкам ушей деревянные чурки. На плечах и бедрах Калуаны зубами пирары¹⁸, очень похожей на акулу рыбы, были выцарапаны глубокие бороздки, но они располагались симметрично общим очертаниям тела. В ушах он носил шестидюймовые бамбуковые булавы, украшенные на концах перьями тукана. Когда Калуана оборачивался, перья сверкали в сумраке леса; эти украшения столь же идеально шли ему, как подвески Марии-Антуанетте. Никакие иные одежды или украшения он, отправляясь на охоту, не надевал. Царапины и серьги лишь подчеркивали точеные линии его тела.

Однажды я подошел к хижине, где жили аветийцы, и увидел, что Калуана весь раскрашен. Голову его, словно лавровый венок у римлян, стягивала небольшая повязка из перьев. Я спросил его, не собирается ли он участвовать в плясках.

— Нет,— ответил Калуана.— Это просто для красоты.

И действительно, Калуана был красив. Все в нем было соразмерно и строго отвечало своему назначению. У него было гладкое лицо и прямой нос, но в глазах его нельзя было прочесть печальной мудрости, присущей старшему поколению его соплеменников. Голова его была совершенным вместилищем четырех органов чувств и мыслительного аппарата, черты лица пропорциональны и плавны. Лицо было бесстрастно. Рост Калуаны—5 футов 6 дюймов—был ниже среднего роста воинов шингуано. В отличие от Такумана, Калуана не был наделен плечами борца, и фигура его не отличалась коренастостью, свойственной племени мехинаку. У него было идеальное телосложение охотника. Его движения во время ходьбы напоминали движения тигровой кошки; когда он мчался по лесу, я едва успевал следить за ним. При малейшем шорохе Калуана замирал—нога его повисала в воздухе, словно каменела в неоконченном движении, и всю тяжесть тела он переносил на другую ногу. При этом он отлично сохранил равновесие и мог простоять в такой позе несколько минут подряд. Он двигался словно бесплотное привидение, которое не может ни с чем стол-

кнуться, но в данном случае секрет таился в необычайной гибкости его тела, которое интуитивно, само собой принимало нужное положение, когда Калуана проскальзывал между кустами. К концу дня все мое тело было сплошь изранено, а на его ничем не защищенной коже не было ни единой царапины.

Постепенно я понял, что острота зрения и слуха у индейцев, вначале казавшаяся мне почти сверхъестественной, была результатом настройки на определенную длину волны и известную цель. Начинаящий шофер не в состоянии определить скорость приближающейся автомашины, сколько бы он в нее ни всматривался, но примерно через год он уже почти безошибочно определяет скорость с первого взгляда. Точно так же и я никак не мог вначале разглядеть спрятавшееся животное, когда Калуана показывал его мне вытянутой рукой. Но когда я уже знал, как выглядит это животное и в каких примерно местах оно может прятаться, я научился обнаруживать его почти так же быстро, как и Калуана. Но, подобно ему, мгновенно принимать решения и молниеносно двигаться я так и не научился.

Однажды мы ловили в реке рыбу. Ружья лежали на берегу в двух ярдах от нас. Вдруг прямо у нас над головой на дерево сели две птицы жакубим. Я еще только заметил их, а Калуана уже с быстротой молнии выскочил на берег, схватил ружье, подстрелил одну птицу и схватил другое ружье. Вторую птицу он подстрелил, когда она взлетела в воздух.

Целям охоты была подчинена даже речь Калуаны. Старый индеец ваура по имени Ватаку время от времени, желая поговорить со мной, выходил из хижины, присаживался на бревно и спрашивал: «Знаешь ли ты, для чего пригодно это дерево?» Затем он подробно принимался рассказывать, как приходит индеец, расчищает вокруг дерева землю, срезает кору, валит дерево и делает из него каноэ. Иногда он показывал мне определенный тип почвы и говорил: «Из этой земли делают горшки». Иногда он останавливался у осинового гнезда и рассказывал мне, как готовят личинки: «Сначала их коптят, а потом едят».

Калуана о таких вещах никогда не рассказывал. Однажды я попросил его научить меня свистеть, как

тукан, но он отказался: свистеть, как тукан, можно только для тукана. За все то время, что мы провели вместе, он ни разу специально не рассказывал мне ничего о лесе, а всегда лишь говорил конкретно о данной ветке, листке, животном, крике, и за целый день охоты, включая и вечерний отдых, мы едва обменивались десятком фраз. Как и все его существо, его слова преследовали практическую цель.

Как-то раз часа в три пополудни мы подошли к Кулуэни. В этом месте она была мутная, широкая и зловещая — во всей Англии вряд ли найдется такая река. Но здесь в лесу она выглядела красиво — сто ярдов в ширину, четверть мили вверх и вниз по течению, открытых для взора. Это был великолепный вид. Но для индейца это было *место* — одно из многих в лесу. Под ногами, как везде, земля, вокруг растут деревья и кусты, и все же любой воин шингуано, услышав его описание, не задумываясь, скажет, о каком месте идет речь. Ведь сразу у берега короткая коса служит хорошей стоянкой для каноэ, а в ста ярдах у меня за спиной тянется сухое русло реки. По нему можно идти к Васконселосу. Хотя здесь не было заметно никаких признаков присутствия человека, это был известный перекресток лесных путей.

Я вынул из ножен мачете и принялся срезать подлесок, а Калуана расчистил веткой на земле небольшое местечко, освободив его от листьев, сороконожек и скорпионов. Мы развесили свои гамаки в шести футах один от другого на стволах деревьев, не источенных гнилью и маленькими туннелеобразными дорожками термитов. Однажды я привязал гамак Калуаны к высокому, но гнилому дереву, и, едва он лег, оно осыпало его дождем трухи. На этот раз я тщательно выбирал деревья. Через десять минут гамаки уже висели. Дом был готов.

Для костра мы с Калуаной набрали коротких сучьев, чтобы побыстрее получились угли — на них можно было изжарить индюка, которого я только что ощипал и выпотрошил. В Васконселосе на приготовление индюка уходило от трех до четырех часов, но сейчас Калуана положил его прямо на огонь. Через двадцать минут индюк снаружи обуглился, но внутри мясо осталось сочным. Мы разодрали его на куски. Я солил мясо, доставая из кармана щепотками соль, Калуана ел мясо без соли.

Шингуано редко упогребляют соль, но когда это случается, они едят соль без пищи и только высшего качества, которую изготавливают сами.

Через час индюк был обглодан до последней косточки, и я выбросил объедки в воду. Над рекой тянулся длинный ствол дерева, и по нему можно было добраться до такого места, где на поверхности воды не было пены и растений. Плавать в этой части Кулуэни было опасно — здесь обитали особенно голодные пираньи, и их привлекал малейший всплеск. Лучше всего было уцепиться за ветку и неподвижно лежать на воде. Так можно смочить пересохшие губы и смыть с себя соленый пот, высохший за день охоты. Теплая зеленоватая влага обмывала тело; с виду вода была похожа на сточную, но на вкус была превосходна.

Когда я вернулся на берег, чтобы развесить одежду над огнем для просушки, и стал стряхивать насекомых, облепивших все тело, Калуана уже сделал из зеленых сучьев такуари «рашпер». На этом «рашпере» медленно жарились шесть птиц и десятка два серебристых рыб. Им предстояло жариться всю ночь.

— Адриано, пошли ловить рыбу.

Я возразил — ведь на огне и так уже много рыбы.

— Да ведь это только пирайи, — ответил Калуана. — А сейчас вечер, как раз время ловить больших пинтадо¹⁹ (весом от 12 до 30 фунтов) и пирар (весом от 12 до 70 фунтов). У меня в хижине лежит больной мальчик. Он любит пинтадо.

В тот вечер я очень устал и поэтому сказал Калуане, что мне нужно подумать об очень важных делах. Ссылка на что-либо серьезное и даже опасное всегда действовала на Калуану. Он отошел по берегу ярдов на тридцать и разжег для себя другой костер. В течение последующих двух часов тишина внезапно прерывалась сильными всплесками: Калуана вытаскивал из воды тридцатифунтовых рыб. Он бил рыбу по голове, и над рекой разносились ее стелания. Три минуты на берегу было очень шумно, затем снова наступала тишина.

Я сидел в гамаке, глядя на противоположный берег, где рыбной ловлей занималось несколько аистов. Рядом, словно гудок экспресса, подавала голос большая птица, напоминавшая ястреба, она кружила над рекой, а вода вокруг кипела — это дрались рыбы. Наступил час пик —

дневные животные отправлялись на ночлег, а ночные — на охоту. Деревья, земля, река — все, казалось, пульсировало, двигалось, волновалось. Лишь невысокое пламя моего костра выдавало присутствие человека в этом мрачном, жестоком, диком мире. Время от времени слышались удары и бормотание аветийца. Только эти звуки и давали знать, что рядом находится друг и союзник.

Мы с Калуаной, размышляя я, идеальные партнеры для жизни в джунглях. Мы могли бы хоть сейчас, без всякой подготовки, не раздумывая отправиться за тысячу миль к устью Амазонки или даже за две тысячи миль — в Венесуэлу, и мы бы обеспечили себя всем необходимым в безлюдных дебрях. Если бы кончились патроны и рыболовные крючки, я оказался бы беспомощным, но Калуана, который мог сделать лук и каное, умел ловить черепах, крыс и змей, который прекрасно ориентировался без всякого компаса, чувствовал бы себя в этом долгом путешествии ничуть не хуже, чем в эту ночь на Кулуэни. «Цивилизационно», — презрительно ответил бы он, услышав столь бессмысленное сопоставление, и, однако, вдвоем с ним мы были хозяевами леса. Наедине с джунглями человек не гарантирован от случайностей, но двое людей, стремящихся к общей цели, обладают сильнейшим оружием — организованностью и разумом.

Мне, конечно, следовало бы говорить не «двое», а «полтора», ибо по сравнению с Калуаной я был почти инвалид. Своей силой мы были обязаны сложным навыкам и исконным индейским познаниям Калуаны. Чтобы освоить все это, мне потребовались бы годы. Примерно столько же, подумал я, сколько надо, чтобы понять всю таинственность и сложность его природы. Начать хотя бы с того, почему он так старается всему меня научить. Я не раз старался умаслить его подарками, но, в отличие от других индейцев, он никогда не просил у меня ничего, кроме охотничьих принадлежностей — спичек, рыболовных крючков и териленовых ниток, которыми он укреплял оперение на стреле. В сущности, у него было все необходимое — ружье, мачете, рыболовная леса. Другие индейцы ходили в Васконселос, чтобы взять там что-нибудь, или наведывались на пост военно-воздушных сил в Шингу, чтобы, поработав там, получить блестящие безделушки, которыми расплачивались караиба. Не та-

ков был Калуана. Как-то раз один индеец сказал мне, что кто-то украл у него из мешка шесть ножей. Калуана услышал наш разговор.

— Я бы никогда такого не сделал,— сказал он,— мне ничего не нужно. Разве что женское платье (для его последней возлюбленной).

В представлении Калуаны кража ассоциировалась с какой-то особой потребностью, а не с обычными хозяйственными нуждами.

Но если ему ничего не нужно, зачем он возится со мной? Альтруизм здесь неизвестен, да и с точки зрения индейцев не является достоинством. Кроме того, сейчас я уже не разрешал Калуане потихоньку пользоваться моим ружьем. И все же каждый день мы складывали нашу добычу вместе и склонялись над ней, как два шакала над падалью. Калуана, выбрав птицу, поднимал ее за красные коготки, сжавшиеся в момент смерти, и спрашивал: «Ты хочешь понести эту, Адриано?» И если я отвечал: «Да, Калуана, я хочу понести эту» — птица предназначалась для поста, хотя хвостовое оперение всегда доставалось ему.

В аветийской хижине было не меньше ртов, чем в Васконселесе, и у меня было двести патронов, а у Калуаны только драгоценных три, которые заряжались и перезаряжались порохом и дробью*. Основой нашего успеха было его искусство, и тем не менее моя доля добычи всегда была тяжелее, чем его.

В чем же крылась причина такого великодушия?

Однажды Калуана рыбачил в небольшом ручье. Он резко выдергивал блещущую серебром рыбу из воды, и она, со свистом описывая дугу над его головой, снова шлепалась на воду, разбиваясь насмерть. Вдруг леска сорвалась, и четырехфунтовая пирайя, покрытая колючей чешуей, угодила мне прямо в нос. Под глазом у меня и без того была рана с запекшейся кровью: я стрелял вертикально вверх и при отдаче вдавил рукой оправу очков себе в лицо. Шея у меня была в кровь

* Большинство индейцев заряжали ружья медными патронами, которыми можно было пользоваться сотни раз. Считалось, что обычные бумажные гильзы пригодны для трех-четырех выстрелов, а гильзы Эли-Кайнох — для восьми-двенадцати выстрелов.— *Прим. автора.*

изодрана лианами во время охоты, а теперь еще рыба рассекла мне нос. На пост я вернулся весь окровавленный, и индейцы решили: «Ты не перестал бежать, когда перед тобой оказалось дерево». Но Калуана разволновался как никогда, словно мои увечья уличали его в покушении на мою жизнь. Он удил еще минут пять, а потом спросил меня, не прошла ли боль. Затем он вытащил из воды еще одну рыбу и вдруг предложил мне крошечное зеркальце, которое всегда носил с собой: «Не хочешь ли взглянуть на свое лицо?» Потом он не утерпел и взобрался на берег. «Теперь Калуана должен посмотреть на твое лицо». Он спросил, пойду ли я снова когда-нибудь на охоту.

Может быть, в этом крылась разгадка? Может быть, в лесу ему нужен был помощник?

Через несколько дней Калуана подошел ко мне в Васконселосе и с таинственным видом отвел меня к самому краю рощисты. С важным видом он предложил мне отправиться вместе с ним и другим молодым аветийцем, Акуэте, у которого тоже было ружье, в двухдневное путешествие вверх по реке. Им хотелось добраться до того места, где стояла раньше аветийская деревня. В благодарность за приглашение я должен был достать соль, подвесной мотор и бензин. Я знал, что деревня эта была оставлена жителями всего лишь несколько лет назад, когда племя авети было разгромлено диким незамиреным племенем тхикао и Орландо предложил авети переехать жить к нему на рощисть около поста. Калуана просил меня держать все в тайне и взять с собой как можно больше патронов.

Наутро второго дня нашего путешествия, когда мы ели жесткую рыбу, зажаренную накануне вечером, я спросил у Калуаны, неужели никто не навещался в эту деревню, которая так долго служила аветийцам домом? Он описал мне деревню: «Туда нужно плыть в каноэ — сначала четыре дня по Кулуэни, потом три дня по Туатуари, а дальше идти пешком. Это красивое место, и я играл там, когда еще жива была моя мать».

Акуэте сказал, что аветийцы редко посещают свою деревню, но я заметил, как при этих словах Калуана, обгладывавший плоскую голову пирайи, резко вскинул голову. Он спросил, не знаю ли я старого Ватаку из племени ваура, что живет вместе с племенем мехи-

наку. Я знал Ватаку. А известно ли мне, что Ватаку совершил долгое путешествие в поисках соли? Я ответил, что видел, как жена Ватаку и еще одна женщина выносили из каноэ соль, завернутую в банановые листья. А знаю ли я, что Ватаку видел в аветийской деревне дым?

Это было для меня новостью, и я спросил, кто мог жечь в деревне костер.

— Тхикао,— медленно и очень тихо ответил Калуана. У меня возникло неприятное подозрение.

— Калуана, зачем ты просил меня взять столько патронов?

Он стал сосредоточенно обглядывать рыбу.

— Орlando рассердится, если мы будем стрелять в тхикао,— объяснил он,— но если мы постреляем у них над головой, чтобы немного напугать их...— Калуана сделал паузу, чтобы я понял его мысль.— После этого мы, быть может, могли бы убить оленя. Орlando любит оленей.

Задуманный налет на тхикао был внезапно отставлен, и впоследствии Орlando высказал предположение, что со стороны аветийцев это была всего лишь шутка. Возможно, он был прав.

На обратном пути я спросил Калуану, зачем тхикао пришли убивать авети и почему они стреляли в спину вождю племени мехинаку — когда он двигался, все могли видеть его шрам.

— Как и мы с тобой,— последовал ответ,— тхикао любят охотиться, путешествовать и совершать в лесу налеты.

И снова я почувствовал, что, может быть, в этом и таится разгадка индейской природы. Деревни у авети больше не было, все их племя жило в одной хижине на росчисти у карайба. Они больше не плясали после полудня, двигаясь от одной хижины к другой, мужчины больше не раскрашивались и не боролись.

— Акуэте, почему вы больше не пляшете и не боретесь?

— Все умерли, Адриано.

— Акуэте, а почему у вас больше нет вождя?

— Отец Калуаны у нас вроде вождя. А Калуана тоже малый вождь. (Очевидно, это следовало толковать в том смысле, что «королевская» ветвь вымерла, и для немно-

гих оставшихся было достаточно нескольких влиятельных людей.)

Племя, как видно, было обречено на вымирание, и Калуана, возможно, был последним в роду.

— Калуана, а ты не хочешь жениться?

— Хочу. Но только немножко. И не сейчас.

За эти недели я почувствовал, что в его безграничной преданности суровым идеалам война было какое-то благородство, безотчетное презрение к судьбе. Другие индейцы, отвечая на вызов цивилизации, стремились получить ее продукты и работали на караиба. Не таков был Калуана. Он принял мачете и ружье, которые помогали ему в охоте, но идеалы его остались прежними. Большинство индейцев довольствовались рыбой, которую легко было поймать при помощи лески и крючка. Калуана же охотился день напролет, не давая себе ни секунды передышки даже для того, чтобы напиться. Подобно Дон Кихоту, он отвечал на вызов современности приверженностью идеалам прошлого. Других побуждений, если таковые у него и были, он не признавал, но я чувствовал, что когда четверо стариков, облаченных в наряд из тростника, плясали под звуки песен и удары шек-шека²⁰, чтобы их умершие соплеменники, которые живут под водой, вновь появились среди них, Калуане хотелось услышать примерно такой разговор дорогих для него покойников:

— Видишь, вон там ягуар? Видишь Калуану?

— Да, вижу. Я вижу ягуара по имени Калуана. Кто он?

— Он воин авети, какими были и мы.

И если Калуана был Дон Кихотом, ему нужен был Санчо Панса, хотя в данном случае Дон Кихот был ягуар, а Санчо Панса — козел. Его соплеменников трудно было вытащить лишний раз на охоту, но вот появился караиба, который не болтал без умолку о достоинствах караиба, а восхищался доблестью аветийца. Он был готов в качестве вьючного животного носить «пушку» и делать то, что ему говорят — то есть вести себя так, как полагается вести себя в лесу аветийцам.

Я набрал под гамаком хвороста и равномерно разложил его на костре, чтобы пламя не стало слишком сильным и не сожгло индюка.

Калуана, несомненно, был обречен, если только я не заблуждался относительно его бескомпромиссности. Бес-

компромиссность первобытного человека перед лицом цивилизации неизбежно ведет к его гибели. Но кое-что, думалось мне, опровергало мое предположение. Прежде всего, Калуана не был преданным другом, и к тому же поступки его было трудно предугадать.

Когда мы возвращались после неосуществленного налета на тхикао, наш подвесной мотор вышел из строя. Поработав минут двадцать веслом, Калуана заявил, что придется идти пешком. Я отказался. Мотор могли украсть, да и неудобно было возвращаться на пост без лодки. «Я оставил ее где-то в джунглях,— так примерно пришлось бы мне объясняться.— Мы сходим за ней попозже». Нет! Об этом не могло быть и речи. Калуана греб к берегу, я — от берега. Калуана причалил лодку к суше, я оттолкнул ее шестом обратно на чистую воду.

Три часа я греб один.

— Ты рассердился? — крикнул Калуана за моей спиной.

— Да!

— Тогда я тоже рассердился.— Он сидел, посвистывая, на корме. (Если вы поймаете индейца на воровстве и рассердитесь, он тоже, в свою очередь, рассердится. Индейцы не имеют понятия о справедливом гневе, извинении или раскаянии.)

Однако три дня спустя Калуана вызвал меня из хижины и предложил отправиться с ним ночью в другую деревню на праздник, который должен был состояться на следующее утро. Я был польщен, и мы отправились в путь. Но два часа спустя, когда мы уже почти вышли к деревне, он скользнул обратно в лес.

— Если кто-нибудь спросит, не пришел ли ты вместе с Калуаной, говори — нет.

— Почему?

— Не знаю.

Он вошел в деревню с другого конца и весь день избегал меня. У других индейцев я бы спросил, почему они так поступают, но у Калуаны спрашивать было бесполезно. Невозможно было предугадать его следующий шаг. В нем таилось, в сущности, столько загадок, что я оставил все попытки разгадать их и остаток вечера провел в размышлениях. Сколько тайн в Васконселосе, думал я, составляют сущность проблемы Шингу — индейской проблемы?

* *
*

В ту ночь Калуана принес четыре большие рыбы. Остальные, сказал он, ушли вместе с крючками. Развалившись в гамаках, мы лениво жевали нарезанное ломтиками мясо, кучкой лежавшее между нами.

В полночь стало холодно, мы вылезли из гамаков и присели у огня.

— Калуана, сегодня я видел оленя.

— Где?

— Около корней большого дерева у озера, где ты подстрелил двух птиц жакубим.

— Я тоже видел там оленя.

Пять часов мы спали, то и дело просыпаясь и прислушиваясь к звукам леса, а утром отправились под покровом тумана на эти звуки, готовые убить новую добычу.

Глава VII

ПРИЕЗД КЛАУДИО

Однажды — в тот раз я не пошел с Калуаной на охоту — неторопливый ритм нашего ожидания нарушил приезд Клаудио Вильяс Боас. Клаудио провел три года в джунглях, прокладывая тропу между посадочными площадками Кашимбу и Куруру. Когда он вышел из самолета, рубашка спадала ему на брюки, на ногах свободно болтались сандалии. Ступив на землю, Клаудио направился к посту. Переброшенный через плечо мешок из-под муки составлял весь его багаж. Выглядел он словно Дик Уиттингтон после бурно проведенной ночи. Индейцы высыпали ему навстречу.

За несколько недель до его приезда Орlando рассказал мне, что однажды Клаудио 28 дней подряд шел по неисследованным местам, имея с собой лишь ружье 22-го калибра. Внешность Клаудио резко отличалась от того образа, который я мысленно нарисовал себе после рассказа Орlando. Если Орlando был смуглый и загорелый, как индейцы, то у Клаудио цвет лица был бледный

с землистым оттенком. У Орландо были резкие мужественные черты, а Клаудио был пухлолицый. Он носил очки и напоминал мирного сельского бакалейщика.

В тот день за завтраком, сидя на другом конце стола, Клаудио сказал:

— Орландо, ваша посадочная полоса слишком коротка.

— Восемьсот метров.

— На двести метров короче положенного.

Лицо Орландо выразило недоверие.

— Это так. Я знаю. Разве я тебе не брат?

— Конечно,— отвечал Орландо.

После завтрака Клаудио улегся в свой гамак, и всю последующую неделю я ни разу не заметил, чтобы он хотя бы ненадолго покинул его. «Как же он живет без еды?» — спросил я Жуана. Оказывается, Клаудио, подобно верблюду, ел и спал впрок, и потом ему долго не требовалось ни пищи, ни сна. Меня это заинтриговало, и я стал внимательно наблюдать за Клаудио. Ел он редко и по ночам, причем то, что оставалось после нас в кастрюлях, так что мы редко видели его. Медленно, тяжело ступая, он уходил в темноту и там с удовольствием чавкал. Днем этот бородатый толстяк все время лежал в гамаке, к нему подходили индейцы — мужчины и женщины. Многие приносили своих малышей, которые ползали по внушительному животу Клаудио. Потом они беседовали — тихо, монотонно и бесконечно, как обычно говорят между собой индейцы. В свободное от гостей время он читал книги и брошюры, которые грудой лежали на земле у его гамака. Иногда Клаудио целый час задумчиво смотрел в потолок, после чего рука его снова тянулась за книгой, и он опять погружался в чтение. Однажды я просмотрел названия книг. Здесь было несколько работ Жака Маритэна, в которых говорилось о преемственности между идеями Фомы Аквинского и проблемами современного мира, «История философии» Бертрана Рассела, полемическая брошюра Сталина, толстая книга о значении коммунистического развития Китая и размышления некоего бразильского литератора о современных ему событиях.

Когда говорили, что Орландо — человек действия, а Клаудио — мыслитель и философ, мне представлялся весьма скучный мудрец из лесной глуши, какие нередко

описываются в американской литературе. Обычно они допекают окружающих бесконечными изречениями и эпиграммами. Но шли месяцы, и я все больше убеждался, что Клаудио был вовсе не таков.

Излагая свои взгляды, Клаудио мог часами говорить захлеб. Он ссылался на философов и приводил примеры из истории, в частности из римской. Он спорил, бушевал, увещевал.

— Вспомните историю! Разве не говорил этого Аристотель? Ну, разве это не ясно? Конечно, ясно!

Для меня все это было метафизикой, причем говорил Клаудио отчаянно быстро, и вдобавок я слушал на голодный желудок, под палящим солнцем. Я стоял, разинув рот, увлеченный потоком слов. Индейцы, окружавшие нас, недоумевали, как может так долго и возбужденно говорить человек, который обычно ведет с ними тихую, спокойную беседу. Я тоже изумлялся, глядя на Клаудио: он напоминал Декарта, склонившегося над своей знаменитой печкой. То был символ духовной страсти. Клаудио обладал увлеченностью студента, который впервые познакомился с социалистической утопией, но его утопия отличалась от других тем, что ее не убили пятнадцать лет существования в безнадежном, вымирающем, приводящем в отчаяние забытом мире — мире джунглей. Теоретически он был экстремистом, и борьбу между индейцем и цивилизованным человеком воспринимал в эпическом плане. Он не видел «Фантазию» Диснея, но, мне кажется, гигантская драма, в которой один вид доисторических чудовищ стирает с лица земли другой, произвела бы на него сильное впечатление, и он не преминул бы усмотреть в ней некую параллель.

Первые дни мы вообще мало разговаривали друг с другом — каждый лежал в своем гамаке и делал свое дело. Через неделю Орландо устал от ожидания и вылетел в Гоянию. Там его ожидало множество дел. Предстояло договориться о продовольствии, бензине, смазочном масле, инструментах, товарах, вызвать механика и уладить кое-что еще. Какой-то бюрократ уже два года забывал присылать плату пяти рабочим-бразильцам, которые выращивали в Васконселосе рис и жили в маленьких хижинах на краю рощисты. Орландо рассчитывал привезти им деньги за все двадцать четыре месяца. «Я еду всего на три дня», — сказал он, захлопывая дверь

цу самолета, и вот уже пять недель к нам приходят письма, в которых он рассказывает о всевозможных трудностях и уверяет, что со следующим самолетом непременно вернется.

Вместе с ним улетел и Жуан. Он должен был лечь в больницу и больше к нам не вернулся. Он страдал всевозможными недугами — грыжей, малярией и сильными головными болями. К тому же у него болели глаза. Это был хрупкий человек с изысканными манерами; среди всех, кого я повстречал в Васконселосе, он был единственным аристократом, который неизменно и доблестно боролся за гиблое дело. В чем состояла суть этого дела, определить было невозможно, ни один человек не мог бы жить на посту, если б его не поддерживал этот смутный, но благородный идеализм.

Из первоначального состава экспедиции, насколько мне было известно, двое выбыли еще раньше. А с отъездом Жуана и Орландо остались лишь мы с Клаудио, чернорабочие да индейцы.

Прошло еще несколько дней. Однажды рано поутру я зашивал рубашку — скоро предстояло отправиться на охоту. Рядом со мной на бревне присел Клаудио, и я принялся расспрашивать его о некоторых неясных для меня сторонах политики братьев по отношению к индейцам. Меня интересовало, почему племя тхикао, которое жило в пяти минутах полета от форта, все еще оставалось незамирренным. Клаудио ответил, что тхикао живут на одном из рукавов реки Жатоба и, чтобы добраться туда, нужно спуститься по Кулуэни до Морены, а затем подняться по реке Ронуру.

— Путь туда занимает две недели, — пояснил Клаудио. — Когда я впервые отправился в те края, мои спутники — два воина камайюра и старый вождь ваура — испугались, едва ступив на землю тхикао. Они сказали, что хранят печальную память о своих семьях, и вернулись домой. Я продолжал путь с двумя индейцами кайяби. Мы дошли до окраины деревни. И там, Адриано, я увидел нечто весьма любопытное. Прически, серьги, раскраска тела и хижины у тхикао почти такие же, как у остальных шингуано.

По мнению Клаудио, это было вполне естественно. В прошлом тхикао и шингуано принадлежали к одной и той же культурной группе.

— Я отдал свое ружье Серило, одному из воинов кайяби, и приказал ему в случае опасности стрелять в воздух. Войдя в деревню, я стал выкрикивать все известные мне индейские слова, означающие «друг». Все: мужчины, женщины, дети — бросились в лес, из кустов посыпались стрелы. Пришлось пятиться назад и ждать, когда ружейный выстрел даст мне возможность повернуться и убежать. На поляну выскочили двое тхикао с луками. Я крикнул Серило, чтобы он дал выстрел. Целясь в меня, на поляну вышло еще несколько индейцев. Я решил рискнуть, повернулся к ним спиной и бросился под защиту деревьев. Только когда мы бежали к каноэ, — сзади слышны были крики, за нами гнались, — Серило спросил, можно ли стрелять.

Несколько дней спустя они увидели, как выше по реке на берег вышли двое тхикао и стали вырезать черенки стрел. Снова дав Серило подробные наставления, Клаудио сделал крюк по лесу, чтобы с тыла подобраться к одному из тхикао. Ползком огибая куст, Клаудио столкнулся с индейцем нос к носу. Индеец припал к земле и испугался не меньше его. Лука у тхикао не было. Клаудио протянул ему нож — первый подарок, устанавливающий связь между двумя цивилизациями и способный совершить коренной переворот в трехтысячелетней истории дикого племени, но тут подоспел Серило и мгновенно оценил ситуацию. Грянул выстрел. С тех пор Клаудио больше не видел ни одного тхикао. «Иногда Серило совершенно невыносим», — пояснил он.

Вскоре после этой первой попытки завязать отношения с индейцами тхикао братья снарядили настоящую экспедицию. Но деревни на прежнем месте не оказалось, а запасы продовольствия и бензина кончились прежде, чем они нашли ее. Братьям угрожала голодная смерть. Вскоре после этого, сказал Клаудио, цивилизато убили несколько тхикао, те ответили тем же, и теперь пройдет несколько лет, прежде чем страсти улягутся.

Остаток дня я размышлял над рассказанным, стараясь понять, что заставило цивилизато прибегнуть к оружию. Как правительственный служащий, Клаудио, естественно, чего-то не договаривал, но я многое слышал об этом событии еще до приезда в Васконселос. То, что я узнал на самом посту, помогло мне составить ясное

представление о ситуации, которая привела к столкновению.

Благополучие «королевства Шингу» зависело, казалось, от любопытного сочетания официального положения и политического влияния, которым обладали братья Вильяс. От Центрального бразильского фонда Вильясы получали жалованье и тратили его на лекарства и подарки, необходимые для осуществления их политики среди индейцев. Контроль братьев Вильяс над Шингу зависел от аэродромов и постов, которые они построили на средства Центрального бразильского фонда. Большинство вылазок к дальним племенам первоначально осуществлялось экспедициями этой организации, в ее целях и на ее средства. Служба охраны индейцев предоставила в распоряжение братьев пять рабочих, которые выращивали рис, составлявший основу питания всех живших в Васконселосе; она же уполномочила Орландо охранять Шингу от других пришельцев. Как служащий этого учреждения он мог защищать индейцев, опираясь на силу федеральных постановлений. Третья организация, военно-воздушные силы, обеспечивала снабжение важнейшими продуктами и помогала Орландо пресекать попытки всяческих авантюристов вторгнуться в Шингу. В эти края еще можно было кое-как добраться пешком или в лодке, но просуществовать тут сколько-нибудь длительное время было невозможно, так как военные летчики Бразилии перехватывали самолеты, доставлявшие снаряжение и продовольствие всем, кто незаконно вторгся в этот район. Наконец, статус братьев Вильяс как «государственного учреждения» с широкими связями по всей Бразилии обеспечивал и другие возможности. Лекарства по большей части поставлялись в Васконселос «неофициально», через больницы и влиятельных друзей в министерствах. Старый джип, мотор которого приводил в движение рисовую молотилку, «случайно исчез» из реестра начальника снабжения армии. А однажды полиция Сан-Паулу собрала несколько сот конфискованных ножей и кинжалов и отправила их индейцам — для использования в более мирных целях.

До 1958 года проблема Шингу считалась сугубо местной, а братья Вильяс пользовались такой известностью, что проводимая ими политика неизменно встречала поддержку правительства. Но, насколько я понял, все зави-

село от дипломатического искусства, с коим братья Вильяс, сидевшие в Васконселосе, обращались и с политическими деятелями и с индейцами, умело обрабатывая одну из сторон всем тем влиянием, которым они пользовались у другой. Политические деятели, сменявшиеся каждые несколько лет, не могли обойтись без братьев Вильяс, потому что никто, кроме них, не умел обращаться с индейцами. Индейским племенам нужен был пост Васконселос, ибо только через него правительство могло снабжать их деньгами и снаряжением. Эта система исправно действовала целых пятнадцать лет, но интересы бразильского государства, экономически заинтересованного в освоении лесов Амазонки, и интересы индейцев, которых прогресс угрожал лишить средств к существованию, во многом противоречили друг другу. Эти интересы можно было бы примирить и это пытались сделать, но разрыв между ними был велик и как будто все увеличивался.

В период моего пребывания в Васконселосе во главе Центрального бразильского фонда стоял дальновидный и очень популярный президент доктор Рето. Он понимал, что умиротворение индейцев отвечает интересам этой организации. Но это не всегда понимали его предшественники, и очень может статься, что в будущем вышестоящие власти могут обвинить братьев Вильяс, которым платили за работу по освоению северного Мату-Гросу, в том, что они замедляли темпы прогресса в интересах индейцев. В то время Служба охраны индейцев, одна из крупнейших в мире организаций подобного рода, лишилась своего основателя — Мариано Рондона. Являясь подотделом министерства сельского хозяйства, это учреждение легко стало жертвой политических деятелей, которые, едва только влияние этого большого человека прекратилось, стали сажать на теплые местечки своих ставленников. Даже во времена Рондона бюджет этого непроизводительного и альтруистического государственного учреждения ежегодно менялся в зависимости от хода политической борьбы. Так, например, в 1949 году по сравнению с 1947 годом доход его сократился вдвое. А теперь, когда Рондона не стало, один весьма известный деятель, член наблюдательного совета по делам индейцев, сказал мне, что Служба охраны индейцев доживает свои последние дни.

Бразильские военно-воздушные силы, как мне было известно, тоже были подвержены превратностям политики, и совсем недавно за неподчинение властям, едва не дошедшее до переворота, было арестовано 300 лиц старшего офицерского состава. Таким образом, хотя военное министерство и финансировало когда-то одну из экспедиций братьев Вильяс, его пост в Шингу осуществлял совершенно иную политику по отношению к индейцам, ведущую к расколу племени камайюра, а посадка в Васконселосе самолетов, доставлявших снаряжение и продовольствие, зачастую зависела от личных взглядов их командиров. Всякий раз, когда самолет садился, Орlando угощал летчиков кофе, дарил им луки и стрелы и с интересом выслушивал новости о своих друзьях и врагах.

Первый кризис разразился несколько лет тому назад. По федеральному закону землю индейцев нельзя продавать без специального постановления ассамблеи, а по конституции продажа земли в Бразилии осуществляется независимыми правительствами штатов, которые также получают прибыли. Некоторые из местных правительств занимаются поразительно бесчестными, буквально разбойничьими делами. Незадолго до моего приезда в Васконселос в ассамблее штата Алагоас, где политика является предметом борьбы крупных землевладельческих семейств, «воюющие стороны» обстреляли друг друга из пистолетов. Один губернатор штата, пользуясь служебным положением, озолотил себя и своих близких и совершил четыреста юридических убийств, пока не был смещен. Поэтому никто особенно не удивился, когда штат Мату-Гросу внезапно выступил против федерального закона и продал право продажи обширных земельных массивов Шингу восемнадцати маклерским фирмам по перепродаже земельных участков. Цена составляла около полкроны за акр; хотя ни один покупатель не смог бы разрабатывать эти земли в ближайшие 50—100 лет, документы о продаже земли имели хождение на бирже. В отчете Службы охраны индейцев говорилось, что если бы в этом районе действительно обосновался какой-нибудь поселенец, стоимость его земли возросла бы на 3000%. «Коррейо-да Манья» опубликовала документ, из которого явствовало, что председатель ассамблеи штата Мату-Гросу отказался выполнять свои

обязанности, требуя, чтобы десяти членам его семейства предоставили земельный участок общей площадью в 200 000 гектаров (около 500 000 акров). Но маклерские фирмы были неустрашимы и направили на места группы топографов (участки, хотя бы приблизительно нанесенные на карту, ценятся более высоко, чем неуточненные). Так как посадочные площадки военно-воздушных сил и Центрального бразильского фонда использовать было нельзя, эти группы приезжали из Куябы и на лодках спускались с верховьев Кулуэни и Батови.

Одна из таких групп обстреляла из пулемета нескольких тхикао. Другую группу, числом двенадцать человек, тхикао уничтожили целиком. Затем до Орландо дошли вести о вторжении, и три федеральные организации Мату-Гросу принялись за работу. Индейцев предупредили, чтобы они не убивали пришельцев, а просто не давали им пищи. Лодки с людьми из Васконселоса рыскали вверх и вниз по всем рекам, и вскоре встречаться с индейцами в «королевстве» стало опасно. Топографы начали голодать, так как военная авиация контролировала все посадочные площадки и конфисковывала самолеты, на которых доставлялось продовольствие. Наконец несколько групп топографов, ободранных и изголодавшихся, не имевших ни пищи, ни бензина на обратный путь, пришли на пост военно-воздушных сил в Шингу и сдались.

Братья Вильяс и федеральное правительство одержали своего рода победу, но, с другой стороны, почти вся область Шингу была продана на черном рынке в Сан-Паулу. Политические деятели, поддерживавшие братьев Вильяс, немедленно составили законопроект о создании в Шингу Национального парка. Площадью он должен был быть с Бельгию и обеспечить средства к существованию всем местным индейцам. Мера эта автоматически лишила бы законной силы земельные сделки в Шингу — а они охватывали территорию, превышающую по площади все земельные владения в Англии. Она вызвала резкую оппозицию. Председатель ассамблеи был сам из Мату-Гросу, целые полчища земельных спекулянтов «обрабатывали» депутатов, и с тех пор прошло уже пять лет, а законопроект все еще не принят, хотя и не провален окончательно.

Васконселос, казавшийся мне в ожидании начала экспедиции таким мирным и безмятежным, был на самом деле ареной невидимых, но ожесточенных битв. Многие бразильцы стремились сокрушить его; земля, по которой я ступал, была продана много лет назад. И хотя индейцы на границах отбивали натиск цивилизадо, они тоже накаляли и без того горячую атмосферу в Шингу. Мощные силы, таящиеся в первобытной природе обитателей джунглей, влекли их к уничтожению и смерти ²¹.

Глава VIII

ЖЕЛАНИЕ СМЕРТИ

Клаудио часто говорил об индейской проблеме. Мы сидели на бревнах или самодельных скамьях, и в эти бесконечные часы ожидания разговоры наши казались еще более долгими, чем сами дни. Лишь сон и охота прерывали нить наших бесед. Клаудио расхаживал по хижине и обычно начинал так: «Из моего последнего вывода следует, что...» — и буквально за минуту мы погружались в очередную философскую дискуссию.

А солнце палило.

Индейцы то и дело с почтением поглядывали на нас. Ведь мы были заняты разговором, а в их однообразной жизни разговор, пусть даже непонятный, заслуживает всяческого уважения.

Во время одной из таких дискуссий в хижину, служившую нам столовой, вошел молодой индеец из племени трумаи. Он обнял Клаудио и присел рядом. Индейцы чем-то напоминают кошек. Они могут сидеть молча, а тем не менее их присутствие чувствуется.

Клаудио выглянул наружу — там несколько воинов мехинаку готовились к пляскам.

— Почему ты не пляшешь? — спросил он сидевшего рядом с ним трумаи.

— Не умею, — последовал ответ.

— Неправда. Ты ведь умный. Ты должен знать, как пляшут. Ведь у тебя большая голова, а в ней четыре языка — авети, мехинаку, трумаи и матипухи. — Клаудио

дио секунду помолчал.— Где сейчас племя матипухи?

— Они ушли.

— Не в деревню куйкуру?

— Нет, туда пошел только... (Я не расслышал имени, которое он назвал).

— А где же остальные?

— Там.— Он показал в направлении деревни мехинаку.— В деревне матипухи больше никто не живет.

— Значит, матипухи умерли?

Все это мы прекрасно знали, но Клаудио задавал вопросы, потому что так принято у шингуано.

— Не все. В деревне куйкуру живет один матипухи, а в деревне мехинаку вот сколько...— Он поднял обе руки и согнул один мизинец.

— Но ты,— сказал Клаудио,— сын вождя трумаи и женат на дочери вождя матипухи. Почему бы тебе не построить хижину там, где жили матипухи? Ты мог бы основать деревню и стать большим вождем.

Трумаи смущенно улыбнулся.

— Не хочешь?

Индеец снова улыбнулся.

— Почему не хочешь, сын мой?

— Не знаю.

Трумаи встал и с серьезным видом удалился.

— Они убивают друг друга, мои индейцы,— сказал Клаудио.— Словно хотят умереть.

В истории Шингу известны лишь два случая самоубийства. Правда, индейцу, который, словно дикое животное, способен просто лечь и умереть, едва ли нужно прибегать к самоубийству. Вскоре после того как, добравшись до Вест-Индии, испанцы впервые увидели Новый Свет, индейцев стали захватывать в плен как рабов. Их хорошо кормили, чтобы они не покончили жизнь самоубийством, и все же они умирали, как мухи. Число их столь быстро сокращалось, что плантаторам пришлось ввозить в Америку негров из Африки. Полагали, что индейцы умирают так же, как чахнут животные, посаженные в клетку. Позже конкистадоры и различные исследователи заметили, что если на охоте индеец сломает ногу, его охватывает какое-то фатальное чувство неизбежности смерти, он подвешивает гамак, ложится

в него и умирает задолго до того, как боль или голод dokonают его. Нечто подобное наблюдалось сравнительно недавно — во время войны 1939—1945 годов — на транспортных судах, перевозивших западноафриканских солдат в Индию.

Один врач, ныне специалист по тропическим болезням на Гарли-стрит, рассказывал мне, что африканцы, которые находились под его опекой не испытывали такого потрясения при первом контакте с белым человеком. Однако, когда они подходили к мысу Доброй Надежды, знаменитому своими бурями и льдами, заболевшие гриппом ложились, говорили врачу, что умирают, и действительно умирали, причем при вскрытии причину смерти установить не удавалось. Врач называл это гипнотической смертью и утверждал, что ему удалось понизить смертность на 75%. Для этого он каждые полчаса навещал больных, разговаривал с ними, брал их за руки. Это выводило их из своеобразного транса, в который они впадали, вселяло в них ощущение заботы и домашнего уюта, в корне подрывавшее желание смерти.

— Племя тсуя больше не существует в Шингу,— сказал Клаудио.— Почти вымерли нахуква и матипухи. У авети всего одна хижина, они не танцуют, у них нет вождя. От трумаи и явилапити осталось всего по двадцать человек. У камайюра, когда я сюда приехал, было двенадцать хижин, а теперь пять.

Ближайший врач живет от Васконселоса за 200 миль, поэтому ни один неведомо от чего умерший индеец еще не подвергался вскрытию, чтобы установить причину смерти.

Тем не менее цивилизацио, работавшие на посту во время эпидемии, замечали, что заболевших индейцев охватывает апатия и они теряют веру в возможность исцеления. Они умирают в тех случаях, когда борющийся, волевой человек выживает.

— Они не хотят помочь себе,— печально сказал Клаудио, и мы невольно взглянули на воина трумаи, который наблюдал пляски мехинаку.

Даже психиатр, который лечит общительного, во всем стремящегося помочь врачу пациента, с трудом может объяснить, что такое это желание смерти. А неопытным людям, которые пытаются заглянуть в бездну, разделяющую цивилизованного человека и первобытного, такая

задача я вовсе не по плечу. «Мы ни разу не слышали толкового объяснения»,— сказал Клаудио. Он имел в виду, что индеец никогда не рассуждает о жизни и, стало быть, не делает попыток привести жизнь в соответствие с логикой. Трактую этот предмет с помощью осознанных логических категорий, выражаемых словами, мы, цивилизованные люди, пытаемся объяснить первобытную душу при помощи методов, совершенно несовместимых с нею. Индейцы выражают свою философию лишь музыкой, легендами и действием²².

К завтраку сегодня были готовы две птицы жакубим, к обеду — рыба. Рубашка моя была полностью зашита, ружье смазано. Солнце стояло еще невысоко, и лучи его косо падали на согнутые спины танцующих индейцев.

Разговор наш вращался вокруг той же темы.

— Камайюра часто приходили к нам лакомиться яйцами и курами,— сказал Клаудио,— и вот мы с Орландо дали им дюжину кур, чтобы они развели их у себя в деревне.

Вскоре камайюра пришли снова, и мы спросили их: «Почему же вы хотите есть наши яйца и наших кур? У вас же есть свои».

— У нас нет больше ни яиц, ни кур.— Камайюра были очень печальны.

— Разве они вам не нравятся? — спросили мы.

— Нравятся, но мы их съели, и у нас их больше нет,— вежливо объяснили они.

— Тогда Орландо сказал им, что, когда он был в последний раз в их деревне, он слышал крик петуха. «Да, у нас есть петух. Не подумайте, что мы едим петухов. Ведь они поют»,— ответили камайюра. Они мыслят по-своему, Адриано, совсем иначе, чем мы. И ничего с этим не поделаешь. А знаете, почему мы не разводим здесь маниок? — спросил Клаудио.— Потому что индейцы съедают его весь. Каждый год, когда они вырывают из земли корни, они легко могли бы сажать маниок на будущий год. Но они этого не делают. Лишь когда их урожай подходит к концу, они делают новые посадки, а если посадят мало — берут у нас. Индейцы никогда не думают о будущем. Они совсем не такие, как мы — даже в самых простых вещах. Если до сих пор,— продолжал Клаудио,— никому не удавалось по-настоящему понять,

почему первобытные люди умирают при соприкосновении с цивилизацией, то это оттого, что очень трудно постичь законы первобытного мышления. Пули и болезни несут индейцам смерть — это ясно каждому, но опасность других сторон нашей цивилизации для индейцев далеко не столь очевидна. Металлическая кастрюля — благо для цивилизованного человека, но может иметь разрушительные последствия при племенном строе. Западная религия — величайший дар, который мы можем им предложить, но прививать ее следует крайне осторожно, в противном случае она может лишь разрушить существующее у индейца представление о мире, не давая взамен ничего доступного его пониманию.

Политика братьев Вильяс основывалась на принципе — сначала изучить индейцев, а уж потом знакомить их с приемлемыми для них сторонами цивилизации. Во всех остальных районах Бразилии альтруисты-миссионеры так увлекались проповедью слова божьего и столь усиленно навязывали свой идеализм, что их чрезмерная доброта приносила индейцам только вред. «Эта проблема, — задумчиво произнес Клаудио, — требует от человека, который стремится помочь индейцам, прежде всего одного: желания всегда понимать другого».

На этом наш разговор окончился. А на следующее утро к нам на несколько часов прибыла на самолете некая леди из Соединенных Штатов. Самолеты не прилетали к нам уже несколько недель, и ее появление было просто чудом. Леди выглядела здесь так же нелепо, как балерина на овощной ферме. Тем не менее это была добрая, щедрая женщина, вероятно, связанная с какой-нибудь филантропической организацией или обществом альтруистов.

— Молодой человек, будьте добры, попросите вон того туземца снять штаны — я хочу сфотографировать его. Это нужно для текста к нашему обращению. Вы считаете, что это неудобно? Действительно, стыдно. Ну, хорошо, тогда скажите, для чего он раскрасил тело красной краской. Чтобы быть красивым? Значит, у них это вроде нашей пудры и помады? Правда? Послушайте, я и сама кое-что знаю об индейцах. Мой двоюродный брат жил в Бразилии среди людоедов. Вы говорите, что в Бразилии нет настоящих людоедов? Что существует только ритуал, когда едят человеческое мясо? Ну, об этом

Сирири — один из воинов племени журуна

Девочка из вымирающего племени бороро, воспитываемая при католической миссии

я ничего не знаю. Это могло стать ритуалом лишь теперь, когда они уже цивилизованные, а когда мой двоюродный брат жил здесь, они были самыми настоящими людоедами.

В этот момент к берегу пристало каноэ, из него вышел старший сын вождя племени мехинаку. Кожа у него была неприятного желтого цвета: три месяца он прятался от солнечного света. Вокруг всей его правой ноги шла глубокая бороздка, словно выжженная раскаленной докрасна кочергой, ниже нога представляла собой сплошной черно-синий кровоподтек. Я знал, что несколько недель жгут из жестких лиан стягивал в этом месте его ногу, а теперь, когда жгут сняли, мальчику предстояло пить ядовитый напиток, как того требовал обряд посвящения. Четыре месяца назад он был совершенно парализован, и ему удалось спастись лишь благодаря тому, что его быстро доставили на самолете в больницу. Врачи категорически запретили ему снова пить яд.

Мальчик ходил вокруг хижины и заглядывал в щели между бревнами, стараясь рассмотреть, кто был внутри. Увидев Клаудио, он направился к двери.

Американка вскоре улетела, но следующий самолет доставил другого посетителя. Из «дакоты» вышел маленький человечек и резвой птичьей походкой направился к посту. Один индеец нес его чемодан, другой тащил ящик с апельсинами.

Подойдя ко входу в хижину, он обернулся и посмотрел на индейцев.

— А где мой несессер? — спросил он голосом канарейки. — Где мой несессер? Индейцы украли мой несессер!

Он, как истерик, подпрыгнул на месте и ринулся выяснять, «кто тут главный», нервно прихлебывая из фляжки, которая на цепочке от часов свисала с его пояса. Индейцы с любопытством смотрели на него.

В конце концов Клаудио спросил индейцев, не видели ли они этот несессер. Один из индейцев ответил, что с самолета было получено лишь два предмета и оба доставлены на пост.

— Не может быть! Не может быть! Эти индейцы просто воры. Что мне теперь делать? У меня нет мыла! Я не смогу умыться!

Я счел момент неподходящим для того, чтобы излагать ему передовые взгляды на умывание, бытовавшие в Васконселосе, и повел его завтракать. Рис и бобы повергли гостя в крайнее уныние, и через два дня я увидел, как он расплачивался с аветийцем несколькими крючками за небольшую рыбу. Пиони сварил ее, и она была подана гостю к завтраку.

— Однообразная пища мне вредна, вот я и поймал рыбу. А для вас я вот что привез, взгляните! Апельсин. Выжмите его в воду.

В тот день за завтраком присутствовали лишь пятеро рабочих и я. Для безответных работяг, не видевших никаких радостей в жизни, они обладали необыкновенным чувством собственного достоинства. Но они были снисходительны к людям, и каждый выжал себе в кружку немного апельсинового сока.

В первую ночь наш гость повесил свой гамак рядом с моим и вскоре поразил всех какофонией резких свистков и тоненького сопения, которая, как мы догадались, заменяла у него самый обыкновенный вульгарный храп. Пришлось снять свой гамак и повесить его между деревьями в сорока ярдах от прежнего места. Проснувшись на рассвете, я обнаружил, что у моего гамака сидит индеец.

— Почему Адриано спит теперь в лесу?

— Люблю звезды,— ответил я,— и мне очень жарко в спальном мешке.

Индеец улыбнулся и поднял кверху указательный палец. «Послушай!» Из хижины, находившейся от нас в сорока ярдах, доносился восхитительный, никогда не слышанный в джунглях, а может быть, и вообще среди людей звук, словно выводил свои трели какой-то асти-тик-дрозд.

Днем, спасаясь от солнца, я все же был вынужден повесить свой гамак в хижине. Через некоторое время гость ткнул меня костлявым пальцем в бок.

— Потолкуем, а? Что вы думаете о международном положении?

Я ответил, что ничего не могу сказать по этому поводу, поскольку здесь нет ни газет, ни радио.

— Но как, по-вашему, оно улучшится или ухудшится?

Я ответил, что, как мне кажется, большинство людей думает, что ухудшится. Очевидно, это было как раз то,

что ожидал услышать от меня этот маленький человек, ибо он тут же принялся излагать мне свою теорию. Он был крупный психиатр* из Рио и после многих лет работы пришел к выводу, что все зло в мире происходит от душевно неуравновешенных людей. В качестве примера он привел Гитлера, Муссолини, Наполеона, Ришелье, Цезаря. Если бы ему удалось подготовить достаточное число психиатров, которые могли бы вернуть душевное равновесие утратившим его людям, он создал бы на земле рай.

— А знаете, для чего я сюда приехал?

— Нет.

— Чтобы собрать доказательства, подтверждающие мою теорию.

Заинтересовавшись, я ответил, что, поскольку он изучает зло в человеке, ему следует ознакомиться с идеями Клаудио, который утверждал, что индейцы понимают добро и зло эгоистически, только по отношению к самим себе, а по отношению к другим руководствуются лишь отрицательной концепцией зла. У них нет положительной идеи добра, такой, как, например, наша идея милосердия. Это означает, что индеец сознает, что поступает дурно, если заставляет свою жену голодать — ведь это противоречит племенному долгу. Но если индеец увидит умирающего незнакомца, по отношению к которому у него нет никаких обязательств, он в большинстве случаев, не задумываясь, пройдет мимо.

Гость, как лев, ринулся в словесную схватку.

— Не может быть,— заявил он.— Не может быть. Не может быть!— Даже веревки его гамака тряслись от возмущения.— Если есть зло, должно быть и добро. Если есть белое, должно быть и черное. Логично ведь, а? Не так ли?

— К сознанию индейцев нельзя подходить с меркой нашей логики. Они настолько непохожи на нас по складу ума, что даже основные логические посыпки у них совершенно отличны от наших. Единственное, что можно сделать,— это постараться понять индейцев такими, какие

* Поскольку темой наших разговоров является серьезная проблема, неловко называть моего собеседника «маленьким человеком», но, к сожалению, он был именно таков. Что же касается его компетентности как психиатра, мы знаем об этом лишь из его собственных слов.— *Прим. автора.*

они есть, а уж потом разбираться, почему именно они такие. Здесь необходимо отрешиться от всяких «должно быть».

Лев тотчас бросился по горячим следам.

— Где черное, там и белое, а где белое, там и черное. Не так ли? В самом деле, не так ли, а? Белое. Черное. Черное. Белое. Вы окончили университет и не понимаете этого?

Я отправился за Клаудио, чтобы он дал нашему гостю исчерпывающие объяснения. Клаудио нередко сокрушался, что в Васконселос время от времени наведывались великие этнографы.

— Они привозят специальный складной стол и зеленый парусиновый стул, и ассистент выстраивает индейцев в очередь. «Как по-камайюрски маниок?» — вопрошают они. Так-то и так-то, отвечает индеец. «Так-то и так-то», — записывает этнограф на белой карточке, разграфленной на квадраты. «Кто уносит маниок с поля?» — «Женщина», — отвечает индеец. «Женщина», — записывает старательно этнограф на голубой линованной карточке. Но многие ли из них спрашивают, почему женщина уносит маниок, изменится ли это под влиянием нового и как это повлияет на процесс вымирания индейцев? Никто не спрашивает. Они умные, образованные люди, они могли бы помочь нам, а вместо этого они усаживаются на стульчики и записывают, как по-камайюрски маниок.

Я полагал, что Клаудио заинтересуют теории этого маленького человека с богатым воображением.

Глава IX

ТАМУАН

В джунглях теряешь чувство времени.

Шли недели. Живя в Васконселосе, я забыл названия месяцев года и что в году 365 дней. День и ночь перестали означать сутки, воспринималось лишь чередование света и темноты. Трудно было не перенять образ мышления индейцев, которые, описывая какое-нибудь событие, говорили: «Это случилось, когда в последний раз была на ущербе луна и солнце стояло в середине неба...»

Длительные периоды, которые нельзя сосчитать по лунным месяцам с помощью пальцев одной руки, индейцы Шингу измеряли периодом развития человеческого организма. «От того дня, когда у женщины в животе появляется ребенок, и до того дня, когда он первый раз закричит» — фраза, типичная для индейцев; или: «Когда мой сын был вот такого роста, до тех пор, пока он не стал вот такого роста». Поэтому естественно, что, следуя индейскому обычаю, и я стал измерять время темпами роста маленького мальчика.

Звали его Тамуан, происходил он из племени труман, и никто не мог точно сказать, сколько ему лет, но судя по всему, ему было лет одиннадцать. Отец его умер, а семье матери не было до него дела. Орландо взял мальчика к себе в хижину и попросил живших вместе с ним индейцев, молодых тхукахаме и кайяби, которых он привез с севера Шингу, присматривать за ним.

— Тамуан — мой брат, — сказал мне Пиони, индеец племени кайяби, когда я впервые приехал в Васконселос, и я заметил, что двое тхукахаме пели Тамуану песни, и мальчик говорил потом, что они — лучшие певцы в Шингу. Пиони учил Тамуана играть в мяч, а когда я затеял свою подводную охоту, Тамуан, сидя в каноэ, надрывался от смеха. Я объяснял ему, что некоторые рыбы проворны, как олени, и мгновенно исчезают, едва я вхожу в воду, а другие медлительны, как ленивцы, они прячутся в норы и ждут, пока я не проплыву мимо. «Адриано бросается на ленивых рыб, а сам еще ленивее!» — кричал Тамуан. Это его необычайно веселило, и он, хоча, катался по дну каноэ. Тамуан напоминал одного из тех маленьких жизнерадостных сирот, каких можно встретить в лагере для перемещенных лиц повсюду в мире.

Как-то в июле один майор — командир десантных войск — решил выбросить свой взвод в наиболее труднодоступном районе Бразилии; самолет полетел в джунгли, и в небе над Васконселосом показалось тридцать человек; они спускались вниз, держась за большие полотнища материи. Индейцев это не взволновало. Они реагируют на поведение цивилизованного человека, как дети на проделки клоуна. Чего только не выдумают караиба! Они коллекционируют луки, стрелы и индейские головные уборы.

Начался торг, индейцы обменивали свои пожитки на брюки и ботинки.

Парашютисты произвели огромное впечатление только на одного Тамуана. Он был свидетелем красивого, необычайного зрелища, индейцы такого никогда еще не видели. Он одолжил у меня носовой платок; Клаудио нашел кусок нитки, и все мы стали вырезать из дерева сержантов, капралов и даже сделали самолеты, которые, если подбросить их в воздух, выбрасывали парашюты.

— Парашют! Парашют! — кричал Тамуан, стоя на обрыве и глядя, как кусок материи летел к воде. — Майор упадет в воду, — хихикал он. — Ура! Карайба будет весь мокрый.

В Васконселосе был помост в десять футов высотой, Орландо ставил на него бензобак от «дакоты», служивший в качестве резервуара для хранения воды. Тамуан взбирался на помост и спрыгивал на землю, держа над головой скатерть, единственную в Васконселосе.

— Тамуан вырастет настоящим бразильцем, — заметил, уезжая, один из солдат. Это были необычные, знаменательные слова.

Дело в том, что цивилизованный человек, попав в Капитан-Васконселос, должен свыкнуться с мыслью, что окружающие племена вымирают. Всякий чересчур эмоциональный подход к проблеме или поспешные, лихорадочные действия могут только принести вред, и у него волей-неволей вырабатывается трезвое, хотя и несколько неестественное, отношение к этой трагедии. Но вот как же этот маленький мальчик, который все лето играл у нас в хижине?

Не хотелось думать, что и его ожидает столь же мрачное будущее. Может быть, прав тот солдат, и по крайней мере для Тамуана эта проблема снимается, если индеец сможет стать бразильцем?

Несколько дней спустя я сидел на самодельной скамье у западной стены хижины. Солнце освещало обложку одного из журналов, которые я привез из Рио, с болот дул холодный ветер и со свистом пронесился над полом хижины. Ко мне подсел Тамуан. Он знал, что, когда я читаю, ко мне можно всячески приставать. Маленькая свинья, обитавшая в Васконселосе, дразнила собак, индейцы дразнили меня.

— Это вода,— сказал Тамуан, закрывая страницу рукой и показывая на объявление. (Индейцы хорошо распознают людей и предметы, но плохо разбираются в пейзаже и редко могут отличить воду от неба.)

— А это большое каноэ,— заметил я, показывая на лайнер, который компания по взаимному обеспечению финансового благополучия считала символом своей незыблемости.

Тамуан внимательно посмотрел на картинку.

— Это большое каноэ,— сказал он.— Оно больше, чем этот дом.

— Внутри этого каноэ есть дома, в которых спят, магазины, рестораны, церкви.

— Как в Арагарсасе,— сказал Тамуан. Он летал в это поселение с Орландо.

— Верно.

— А это каноэ ездит на рыбную ловлю? — спросил он.

Я стал листать журнал и наткнулся на фотографию, изображавшую рождество в Англии. Все было покрыто снегом.

— Это каноэ ездит ко мне на родину,— объяснил я.— Там так холодно, что дождь и вода становятся твердыми.

Тамуан фыркнул. Ловко же я плету небылицы о своей стране!

— Если бы эта река была в Англии, ты мог бы перейти через нее,— продолжал я.

— Как ты, когда плаваешь с ластами?

— Нет. Перейти по-настоящему, вот так.— И я прошелся по комнате.

Не успел он выразить свои сомнения, как ручная птица жакубим, жившая с нами, начала бегать вдоль стен хижины. Лапы ее зарывались в песок, и она распукала крылья, чтобы сохранить равновесие при поворотах. Так она носилась минут пять.

— Почему бегают жакубим? — спросил я.

Тамуан засмеялся.

— Она бегает потому, что скоро придут индейцы.

Я призадумался.

— Откуда они придут?

— Не знаю. Может быть, с верховьев реки. Только жакубим знает.

— Откуда она знает?

— Она слышит. У нас в деревне, когда жакубим начинается бегать, мы выходим за околицу и ждем индейцев.

Я не поверил, но через час и в самом деле появились индейцы. Пришло почти все племя трумаи. Я был посрамлен. Целую неделю провели они в лесу близ Васконселоса. Да, цивилизато англичанин был совершенно непосвящен в тайны здешней жизни.

— Пойдем к трумаи,— предложил Рауни из племени тхукахаме. Прихватив Тамуана, мы отправились к трумаи и сели у костра слушать песни их племени. То были спокойные напевы, похожие на песнопения бенедиктинцев, только еще более монотонные.

Но всякий раз, когда мы возвращались на пост, Тамуан возвращался вместе с нами. «Разве тебе не нравятся трумаи?» — спрашивал я. «Нравятся, только совсем немножко,— отвечал он.— Больше всего я люблю Рауни, Пиони и Клаудио — моего отца».

Через две недели я заметил среди индейцев какое-то волнение. С трумаи вели беседу небольшие группы аветийцев и несколько камайюра, пришедших в то же утро. Пиони сказал мне, что «они собираются делать серьги для Тамуана и еще двух мальчиков трумаи». Зная, что у индейцев трумаи нет обряда посвящения (они еще не усвоили его), я догадался, что для них его совершит «друид» камайюра.

— А зачем тебе посвящение? — спросил я Тамуана.

— Трумаи говорят, что это красиво,— ответил он.— У меня будут серьги с перьями тукана.

Вечером начались пляски.

Услышав низкое пение, я отправился в хижину, служившую больницей, и не успели мои глаза свыкнуться с мраком хижины, как за руку меня схватил отец Калуаны, я стал плясать вместе со всеми. Два шага вперед, два назад, два вперед, два назад. Две цепочки мужчин то сближались, то расходились под монотонное, словно погребальное пение. Каждого из трех мальчиков крепко держали двое мужчин.

Женщины стояли полукругом напротив мужчин, взявшись за руки и двигая правой ногой вперед и назад; время от времени они исторгали низкие, невероятно глухие звуки.

То было самое первобытное зрелище, какое мне довелось видеть и слышать в Шингу. Меня пробирало до мозга костей. словно само женское начало издавало глухие стоны страсти при виде приближающегося нового воина, который поддержит таинство жизни в женской утробе и не даст умереть всему племени. Звуки становились все глубже и глубже, в ушах звенело, дым душил меня, пыль застилала взор. Земля сотрясалась от топота, пламя взвивалось и бросало причудливые отблески то на стены хижины, то на сетку гамака. Но вскоре все исчезло. Остались только ритм и глубокие стелания женщин.

Лишь когда один из индейцев, живущих на посту, коснулся моего плеча, я понял, что проплясал уже целых два часа. Вместе со всеми я поел и попил — насколько мне было известно, шингуано не употребляют ни алкоголя, ни наркотиков²³. Я не видел, чтобы в костер бросали какое-нибудь зелье, и, однако, не мог отделаться от гипноза мелодии, ритма и света.

Эту ночь я спал, но индейцы плясали до утра, время от времени останавливаясь, чтобы помассировать мальчикам уши. Утром, когда солнце взошло настолько, что освещало кончики пальцев руки, поднятой прямо вверх, мальчики повязали вокруг талии белые тканые пояса.

Взявшись за руки и танцуя, индейцы направились к хижине Орландо. Там с мальчиков сняли пояса, усадили их на циновки, отрезали у каждого ножницами клочок волос и стали лить им на спину воду из жестяной банки. Затем мужчины положили руки на плечи мальчиков, и все тем же танцующим шагом процессия удалилась. Вновь зазвучала песня, и мальчики сели меж колен своих «крестных отцов». Снова пение — и им сунули в рот бамбуковые палочки. Лица и руки мальчиков были раскрашены черными полосами.

Затем «друид» камайюра с красным венком на голове что-то прошипел, и все ринулись на мальчиков. Замелькали руки, пыль взвилась столбом над спекшейся желтой землей, нещадно палимой солнцем. Сгрудившись, индейцы совсем заслонили Тамуана. Я не услышал ни звука. А когда волнение улеглось, я увидел, что у всех трех мальчиков мочки ушей проткнуты бамбуковыми иглами. Чтобы заглушить боль, они грызли бамбуковые

палочки. Уши у них совершенно не кровоточили, потому что ночью был сделан массаж.

Произошло перевоплощение. Вместо Тамуана появился Аруйаве. Так звали его деда, и теперь душа деда переселилась в тело внука.

Вечером я разговаривал с Клаудио. Приятно было видеть, как мальчики трумаи мирно сидели между колен у аветийцев, а над ними возвышалась фигура «друида» камайюры, и как-то неприятно поражало, что индейцы пользовались «караибскими» ножницами и банками. Но больше всего меня интересовала судьба маленького мальчика Тамуана, который жил в хижине Орландо. Он больше не спал в ней.

Три дня его не было видно. Тогда я отправился в джунгли, туда, где трумаи соорудили из веток и одеял нечто вроде шалаша. Там, в гамаках, повешенных около маленького костра, прятались от солнечных лучей Тамуан, ныне Аруйаве, и еще один мальчик, которого звали теперь Калуэне. По идее они, подобно другим индейским мальчикам, должны были целый год не видеть дневного света.

Обычно мальчики сидят в таких случаях между стеной хижины и одеялом, их хорошо кормят, чтобы они растолстели. К концу моего недолгого пребывания в Васконселосе я едва мог узнать детей, с которыми познакомился по приезде. Свойственный индейцам темно-коричневый цвет кожи уступил место болезненной желтизне, какая бывает у туберкулезных японцев. По истечении года они должны были появиться и поразить своим видом все племя. «Кто этот красивый толстяк с такой светлой кожей?» — должны удивленно спросить индейцы.

Но в то утро меня поразили не сам Аруйаве, а два странных куска дерева, которые он держал в руках. Я спросил его, что это такое.

— Напиток, — ответил он, выполоскал сделанную из тыквы чашу и вымыл руки. Затем вырыл в земле ямку, поставил в нее чашу, чтобы она не опрокинулась, и налил в нее воды. Потом Аруйаве стал бить по куску дерева толстой палкой, пока оно не размочалилось, после чего плеснул на него воды. Дерево зашипело. Аруйаве пополоскал этот измочаленный кусок в чаше, и вода в

ней стала пениться, как рекламируемая в журналах шипучка.

— Как это называется?

— Симбо.

— Ты хочешь сказать «тимбо», которым травят рыбу?

— Нет. Маленькое тимбо. Симбо.

— Для чего ты его пьешь?

— Чтобы стать толстым и крепким.

— И ты пьешь его каждый день?

— Нет, только сейчас. Когда я хожу к трумаи, я пью у них другие напитки.

— И долго тебе еще пить это?

— Пока не пройдет три лунных месяца. Тогда я стану мужчиной, вытащу вот это,— он показал на бамбуковые иглы в ушах,— и вставлю серьги с перьями тукана.

Мы договорились, что как-нибудь я возьму свою «пушку» и мы отправимся на охоту за туканами.

Несколько минут спустя Аруйаве выпил полчаши жидкости. Я тоже осторожно отхлебнул немножко: у напитка был пресный мыльный вкус. Аруйаве тем временем ощипал белое перо, оставив только кончик, и пощекотал себе в горле. Словно из крана, из него вылилось две пинты симбо.

— Я бы тяжело заболел,— объяснил он,— если бы симбо осталось внутри. (Незадолго перед тем у одного мальчика этот ужасный напиток вызвал полный паралич.)

Несколько недель я совсем не видел Аруйаве. Парашют его больше не мелькал на росчисти, и кто-то убрал лестницу, по которой он взбирался на помост, чтобы совершать свои прыжки. Никто не просил больше тхукахаме спеть и не называл их лучшими певцами в Шингу.

Но вот однажды вечером с дерева послышался тихий свист, и я увидел Аруйаве. Он попросил меня принести о кухни немного рису; сам он пойти туда не мог,

— Почему тебе нельзя приходить на пост?

— Не знаю.

— Где ты пропадал все это время?

Он ответил, что травил рыбу на Кулуэни. Со мной говорил крепкий мальчик, он даже подрос и больше не хихикал.

— А где твой парашют, Аруйаве?

— Я отдал его ребенку.

Аруйаве спросил меня, сдержу ли я свое обещание и пойду ли охотиться с ним на туканов. Завтра? Да! С первым криком петуха.

Итак, на рассвете мы забрались в чащу леса, недалеко от Кулуэни. Мимо нас пронеслась стая обезьян. Словно птицы, они перелетали с дерева на дерево. Аруйаве скользнул за ними со взятым взаймы ружьем 22-го калибра. Раньше я не мог представить себе Тамуана с ружьем, но теперь это было совершенно естественно.

Я отправился на поиски дичи своим путем. Затем в лесу раздалось пять выстрелов, и я пошел на звук с подбитым индюком. Мальчик уныло сидел на бревне. Он всадил пять пуль в обезьяну, сидевшую высоко на дереве, но никак не мог поразить какой-либо важный орган. Обезьяна могла просидеть на дереве весь день.

После полудня Аруйаве совсем пал духом. За все это время нам ничего не удалось выследить. Потом он определил по крику птицу жакубим — она сидела прямо над нами. Я спустил курок, но промахнулся. У меня было ружье 12-го калибра, до птицы было двадцать ярдов. Аруйаве проникся ко мне презрением.

На обратном пути мы шли через болото, которое обдавало нас жаром, как лесной пожар. Аруйаве шел сзади. Я слышал, как в желудке у него бурчало.

— Я голоден,— сказал он.

— Это хорошо,— осторожно ответил я.— Значит, ты с аппетитом поешь рыбу.

— Я больше не люблю рыбу. Женщина, которая готовит мне, сердится.— Помолчав, он сердито добавил: — Ты не убил для меня жаку.

— А ты не убил обезьяну.

— Я убил обезьяну,— возразил он,— но она убежала.

— Значит, и я убил жаку, но она тоже убежала.

Мы молча дошли до Васконселоса. На другое утро Аруйаве ушел в деревню трумаи. Я так и не видел больше маленького мальчика, который должен был стать «настоящим бразильцем».

Вскоре мне пришлось распрощаться с Васконселосом.

Глава X

В КОНЦЕ АВГУСТА

В последних числах августа на нашей посадочной площадке приземлился самолет. У экипажа было несколько свободных дней, и летчики захотели провести конец недели в Васконселосе.

Получив разрешение Клаудио, они стали располагаться. Из самолета извлекли гамаки, мешки и ящики. Хижина, в которой обычно было тихо, заиграла яркими красками, в ней оживленно зазвучали незнакомые голоса. У гостей оказался радиоприемник, и впервые за весь месяц мы услышали музыку. У летчиков был свой повар, особая пища, конфеты, лимонад, шоколад, вермут. Один из них прихватил с собой гитару; другой, похожий на исполнителя популярных сентиментальных песенок, пел низким голосом, точно рыдая, и склонялся к самому лицу слушателей, улыбаясь при этом, словно позировал фотографу. Летчики ловили рыбу и купались в Туатуари; играли в футбол на желтой раскаленной земле. Повсюду слышны были их голоса и взрывы смеха.

Кто бы мог поверить, что летчики военной авиации отлично подражают индейским танцам? И кому бы пришлось в голову, что они умеют стрелять из лука? Была объявлена фиеста²⁴. В Васконселосе танцевали.

Первым покинул хижину ручной голубой макао; сидя на верхушке дерева, он ворчал, словно потревоженный епископ в лондонском клубе. Его подстрелил один из наших гостей. «Посмотрите, кого я подбил на охоте — арара!» Индейцы свернули гамаки и ушли спать в другое место; Клаудио уединился в хижине-лазарете. В середине второго дня пребывания летчиков я нацедил полканистры бензина и позвал с собой в поездку двух охотников аветийцев — Акуэте и Калуану. Когда мы сталкивали на воду лодку, к нам подошел Пиони — мальчик из племени кайяби. У него тоже голова шла кругом, и он хотел присоединиться к нам.

В ту ночь мы расположились лагерем на левом берегу Кулуэни, где обычно ловят рыбу воины трумаи и где они сделали между деревьями нечто вроде грота. Пользуясь

двумя ветками, как пружинами, они накрепко притянули к берегу каноэ. Калуану настолько восхитило это приспособление, что он десять минут стоял в грязи возле берега, поднимая огромные волны, чтобы испытать его надежность.

В сумерках мы наловили рыбы и не спеша пожарили ее на костре. Позже, при бледном свете луны, мы отправились на реку разыскивать черепаший яйца. На плотно слежавшемся прибрежном песке виден был тонкий рисунок черепаших следов. Черепахи вылезали из воды и рыли в песке ямки. В каждой из них мы находили по дюжине жемчужных яиц; под лучами солнца яйца жили своей интенсивной жизнью, пока в один прекрасный день из них не вылуплялись черепашки. Очутившись на свободе, они устремлялись к воде.

Пиони и Акуэте стали извиваться во все стороны, подражая гимнастическим упражнениям карайба. Они до изнеможения хохотали, кувыряясь в бархатистом песке. Мне пришли на ум неуклюжие свиноподобные животные — тапиры. У них из всех животных наиболее бедное воображение, но даже их привлекает вода и лунный свет. Они играют и резвятся на берегу реки, не подозревая, что легко могут стать добычей охотника.

Здесь, на песчаном берегу Кулуэни, легкий ветерок навевал сказочные легенды, доносил до меня голос неведомых безлюдных пространств, рассказывал об удивительных вещах, неизвестных в городах к востоку отсюда. Но, как всякая дикая красота, ночь была неприветлива и холодна.

Пришлось вернуться в укрытие среди деревьев, где можно было согреться у костра.

Я положил на лезвие ножа маниоковой муки и испек ее в пламени — после этого она становится совсем другой на вкус. До меня доносилось бормотание индейцев, лежавших в гамаках.

Пиони произносил слово по-португальски — этот язык знали все трое, — а затем приводил его эквивалент на кайяби. Двое других слушали и говорили соответствующее слово на авети. То был поистине неисчерпаемый предмет беседы, и она плавно и непринужденно текла до тех пор, пока не было упомянуто название какой-то птицы, после чего Пиони стал рассказывать необычайно сложную легенду, понять которую было совершенно не-

возможно. Тем не менее птица эта имела какое-то отношение к богу.

— А ты знаешь что-нибудь о боге каяби, Пиони?

— Кое-что помню, Адриано. Когда я был совсем маленьким, мне рассказывал о нем дедушка, а теперь все это знает только мой дядя (родителей Пиони убили). Он живет очень далеко, в кайябской Куябе. Но я кое-что помню. Был бог, он все сделал, потом он превратился в человека, и люди убили его.

Та часть племени каяби, к которой принадлежал Пиони, возможно, имела дело с миссионерами. Потом каяби укрылись здесь среди джунглей и начали войну с цивилизадо.

— А почему они убили отца, Пиони?

— Не знаю, я был совсем маленьким, когда дедушка рассказывал мне об этом. Потом появилось дерево. Большое дерево. Много людей, взявшись за руки, не могли обхватить его, и они принялись рубить его топорами. Когда на земле стало много маленьких деревяшек (при этих словах Пиони поднял с земли маленькую веточку, и я понял, что он имел в виду щепки), пришел бог. Он сказал людям, что это дерево поддерживает небо. Не знаю, правда ли это. Так мне говорил дедушка. Бог сказал, что если они срубят дерево, небо упадет и убьет их и его вместе с ними. Тогда люди испугались, подобрали все деревяшки до единой и вложили их обратно в большое дерево. Потом, когда они прошли через воду...

— Ты хочешь сказать — дождь?

— Не знаю. Все это мне говорил дедушка, а я был тогда совсем маленький. Когда они прошли через воду, дерево опять стало хорошим, но дедушка сказал, что теперь оно не такое крепкое — трещит. Может быть, — закончил Пиони, — оно и упадет.

Пиони погрузился в размышления. Я лежал и разглядывал звезду, сияющую между листьями деревьев. Завтра мы, быть может, пойдем на охоту, а быть может, нам хватит рыбы и черепашьих яиц. Возможно, мы вернемся в Васконселос послезавтра, а может быть, пробудем здесь еще долго. Мы примирились с тем, что ждать нам еще не один месяц. Теперь уже неважно, что экспедиция задерживается. Казалось, от первых, таких тре-

вожных недель пребывания в Васконселосе меня отделяют не месяцы, а целые тысячелетия.

Ночью Пиони почудилось, что с ветви над его головой на него смотрит пантера. Как ни странно, этот семнадцатилетний обитатель джунглей был чрезвычайно нервен. Он шепотом попросил Акуэте передать ему ружье и выстрелил в воображаемого зверя. Сверху посыпались листья и ветки. «Этот Пиони просто младенец», — пробурчал Калуана из своего гамака.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЭКСПЕДИЦИЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКОМУ ЦЕНТРУ БРАЗИЛИИ

Глава XI

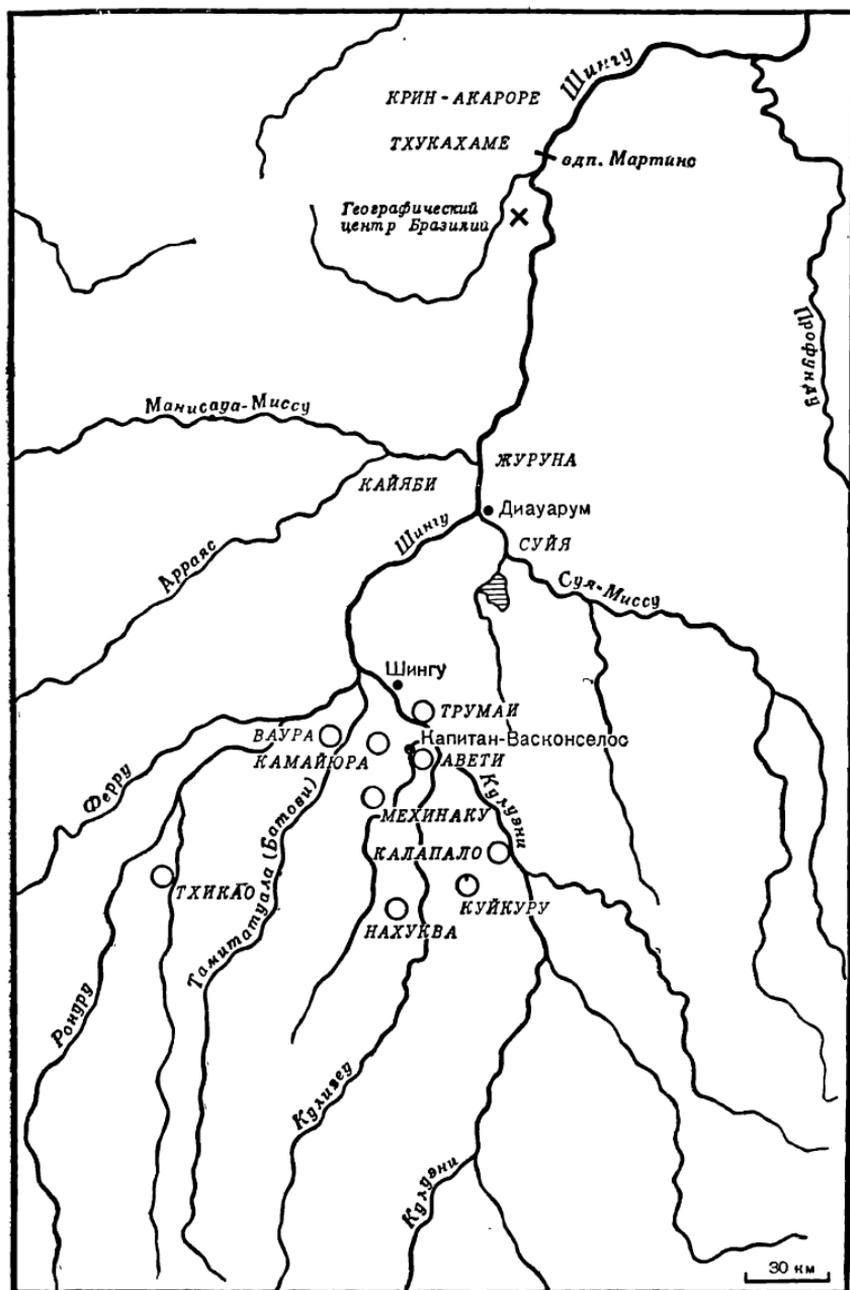
ЭКСПЕДИЦИЯ ВЫСТУПАЕТ В ПУТЬ

После отъезда Орландо шум самолета каждую неделю привлекал к посадочной площадке целую толпу. В надежде получить подарки индейцы приходили сюда с младенцами на руках.

— Орландо привез ножи и кастрюли! — кричали они, глядя в небо.— Орландо привез нам жалованье! — кричали рабочие, бросая на землю мотыги.

Мы с Клаудио не спеша шли последними, всем своим видом показывая, что хоть мы-то по крайней мере не бросили все, заслышав самолет, и не кинулись сломя голову к посадочной площадке. «Завтра экспедиция выступит в путь»,— уверяли мы друг друга.

Прокатившись по дорожке, самолет останавливался, и первым у двери оказывался Рауни из племени тхукахаме. «Я тоскую по матери, брате и девушке, на которой я хотел жениться»,— однажды скорбно сказал он мне, и я знал, что без помощи Орландо он не может вернуться в свою деревню— идти туда надо было через места, населенные индейцами журуна. Каждую неделю Рауни шарил огромными ручищами по двери самолета, словно понуждая команду открыть ее. Едва дверь открывалась, он совал в самолет свою массивную голову— вероятно, с таким же вожделением медведь всматривается в темное дупло. Лицо его, как барометр, отражало и наше настроение. Четырежды на протяжении последних четырех недель голова его опускалась, словно налитая

Расселение индейских племен

свинцом, на пятый раз, гневно насупившись, он подошел к пилоту. «Почему ты не привез Орландо?» — спросил он. Внезапно увидев перед собой странное существо, в изуродованной губе которого с треском прыгала деревянная пластинка, летчик ответил шуткой. Рауни зарычал и замахнулся ружьем. Еще немного — и он опустил бы приклад на шею летчика, но Клаудио вовремя подскочил и удержал его.

Пошла шестая неделя. Мы уже потеряли всякую надежду увидеть Орландо, как вдруг в дверном люке «дакоты» появился какой-то незнакомый нам человек. Волосы у него были острижены, на нем была новая рубашка, штаны и башмаки, и хотя узнать его было нелегко, сомнений быть не могло — это был бразильский Санта-Клаус²⁵. Орландо вернулся. Посадочная площадка огласилась радостными воплями.

Через десять минут я прошел мимо Рауни, который с гордым видом собственника шел к хижине, где размещался склад. К груди он прижимал корзину.

— Чашки, — сказал он. Из-под мешковины, краешек которой он, сгорая от любопытства, надпорол ножом, действительно выглядывали чашки. — Для моего племени, — твердо добавил Рауни, поспешно унося корзину.

По тропинке с грохотом катились огромные 44-галлоновые бочки с бензином; Пиони нес несколько дешевых ружей, на поясе у него, как у техасского шерифа, болтался новенький однозарядный пистолет 22-го калибра. Другой индеец сгибался под тяжестью ящика с провизией. Воин-камайюра тащил мешок, из которого сыпались бобы; ловкий, как всегда, Калуана нес громоздкий с виду, но совсем легкий узел с одеждой. От самолета к складу тянулась вереница людей с припасами для экспедиции и подарками, которые предстояло раздать жителям Шингу.

«Через три дня, — сказал Орландо, — должна отплыть первая лодка». И скоро мы увидели, как у реки старый рабочий Жозе конопатил и смолил каноэ. Он заделывал щели и обивал их полосками жести, используя для этой цели банки из-под маргарина.

— Жозе, — спросил я его, — а во время путешествия лодки не будут протекать?

— Нет, Адриано, — ответил он. — Маргарин был очень хороший.

Мы не могли взять с собой запас горючего на все путешествие, поэтому выше по реке был устроен склад. Жозе, наш новый работник, который только что приехал из бассейна реки Арагуая, отмерял литровой банкой из-под орехового масла смесь авиационного спирта с бензином. Мы стали звать его Жозе-младший. Повсюду в хижине — на полу и на столе — были разбросаны карты, носившие следы ожесточенной разметки карандашом.

На следующий день очередной самолет доставил пополнение. Геолог Франклин Гомес привез с собой аэрофотоснимки реки Шингу, недавно сделанные его фирмой «Проспек». Мы тщательно рассматривали их через лупу и подробно обсуждали.

Постепенно экспедиция стала принимать конкретные формы, и был составлен следующий список ее участников и снаряжения:

Лодки

30-футовое каноэ — одно.

20-футовые обычные лодки неглубокой осадки — две.

Подвесные моторы «Пента» мощностью 4,5 лошадиной силы — три.

Подвесной мотор мощностью 2,5 лошадиной силы — один.

Подвесной мотор «Чайка» мощностью 1,5 лошадиной силы — один.

Участники

Орландо — официальный представитель Службы охраны индейцев.

Клаудио — официальный представитель Центрального бразильского фонда.

Франклин — геолог фирмы «Проспек», командированный правительством.

Сержио — давний друг Орландо по экспедициям.

Дилтон — то же самое.

Клементи — знаток джунглей, работавший с Клаудио на прокладке тропы в Куруру.

Раймундо — то же самое.

Жозе — речник.

Жорже — механик.

Пиони — индеец кайяби.
Серило — индеец кайяби.
Батаку — индеец камайюра.
Рауни — индеец тхукахаме.
Бибкуче — индеец тхукахаме.
Адриано — англичанин.

Предстоит взять с собой:

В деревне журуна — одно каноэ и двух воинов-проводников для переправы через пороги.
В деревне тхукахаме — двух-трех воинов.

Снаряжение и припасы

Шесть живых свиней — подарки племенам тхукахаме и журуна.

Большие ящики с ножами, топорами, патронами, кастрюлями, рыболовными лесками, крючками — подарки.

Ящик с консервами.

Мешки с рисом и бобами.

Соль, сахар, растительное масло.

Прочее, включая радиоприемник.

Приготовления были почти закончены, как вдруг утром накануне выступления приземлился самолет. Пилот сообщил, что накануне на реке Смерти убит Леонардо Вильяс Боас, брат Орландо и Клаудио. Это был наш первый несчастный случай. Клаудио вылетел на расследование, Орландо продолжал наблюдать за погрузкой бензина на большое каноэ. Бензин предстояло доставить на склад, который находился в трех днях пути вниз по реке. Затем каноэ должно было вернуться и взять часть багажа. Провести каноэ до склада и обратно должны были три человека. Руководителем экипажа назначили Дилтона де Мотта, участника последней экспедиции Орландо к тхикао. Мы с ним должны были остаться в Месте черных пум и охранять припасы, пока не подойдет Орландо с основным отрядом.

На следующий день Клаудио прилетел обратно и привез радостную весть. Оказалось, что Леонардо жив, у него лишь прострелена кисть руки. Дело было так. На склад у реки Смерти пришел один из жителей пограничного района и напился качасы — местного алкогольного напитка из сахарного тростника. На три пенса им можно упиться до потери сознания. Выпив качасы на

два пенса, человек обычно встает из-за стола и начинает искать своих врагов, чтобы расквитаться с ними. К несчастью, случилось так, что как раз в эту минуту в дверях склада появился человек, показавшийся захмелевшему недругом, и он стал стрелять в него. Ни одна пуля не попала во «врага», зато стоявшая неподалеку девочка была убита, а мать ее тяжело ранена. Поняв, что он натворил, пьяный бросился наружу. Леонардо попытался схватить его и был ранен в кисть руки. Пьяный скрылся в джунглях.

К сожалению, в глубинных районах Бразилии убийства — вещь нередкая; из пяти рабочих, живших в Васконселосе, один укрывался тут потому, что убил человека, а другой опасался быть убитым. Поэтому обсуждали происшествие недолго и уже через несколько минут решили, что это не причина для новых оттяжек.

Третьего сентября в два часа тридцать минут наше тяжело нагруженное каноэ оттолкнули от берега Васконселоса.

— Держится на плаву, — с облегчением сказал речник Жозе.

— Держится, — уверенно подтвердили остальные. Планшир выступал над водой всего на шесть дюймов. Мы впятером забрались в каноэ, и оно, качаясь, поплыло вниз по реке. Вокруг нас всеми цветами радуги переливалась Туатуари. Мы то и дело садились на мель и принимались изо всех сил раскачивать длинное сигарообразное тело каноэ, пока оно не соскальзывало на глубокую воду.

Там, где Кулуэни сливается с реками Батови и Ронуру, мы вышли на необъятный простор. Вода таинственно несла нас между лагунами и песчаными отмелями, открывая взору все новые и новые романтические пейзажи. Это место называется Морена. Здесь Мавутсиним создал индейца. Здесь впервые мы услышали зловещий рев водопадов, расположенных на севере. Он напомнил нам о том, что там, откуда мы приехали, почти все племена были мирные, зато среди племен, с которыми нам предстоит встретиться, лишь три племени дружили с Орландо; остальные убивали незнакомцев при первом их появлении.

Входя в Морену, мы увидели длинный полуостров, похожий на вытянутую морду крокодила. Тут в первую

ночь нашей экспедиции к географическому центру Бразилии мы и развесили между деревьями гамаки. Стемнело. Серило, воин кайяби, присел на корточки у реки.

— Дикае индейцы,— мрачно прошептал он. Это заставило нас насторожиться; подсев к Серило, мы наблюдали, как по ту сторону водной глади за деревьями то и дело призрачно вспыхивал свет.

— Отряд воинов суйя! — Серило по натуре был склонен видеть все в черном свете.— Ночью они подползут и нападут на нас.— На его грубом лице появилась горькая усмешка, он уже рисовал в воображении свою неминуемую смерть.

Мы продолжали наблюдать.

— Это фонарь,— послышался голос Дилтона де Мотта.— У костра более красное пламя. К тому же этот огонь движется вдоль берега и колышется. Он то вспыхивает, то затухает под порывами ветра. А суйя никогда не сталкивались с цивилизациею, и у них не может быть фонаря. Ты старый дурень, Серило. Это, должно быть, камайюра, люди племени Такумана. Они ходят сюда ловить рыбу.

Серило хмыкнул и что-то пробурчал в том смысле, что камайюра ничуть не лучше суйя — ведь когда он был ребенком, они перебили немало народу в его деревне. «Не уснуть мне сегодня,— угрюмо добавил он.— Ни за что не уснуть». И пока мы храпели, он все подкладывал в костер хворост, так что пламя ярко освещало поляну и подчеркивало таинственную мрачность лесных альковов.

Племя Серило жило в краях, по которым нам предстояло пройти. Целых сто лет воевало оно с цивилизациею. Его воины славились своей жестокостью и отвагой. Серило и еще трое индейцев были единственными уцелевшими представителями целой ветви этого племени, уничтоженной в результате междоусобной войны.

Несмотря на все это, перед рассветом он подошел к моему гамаку и, почесав свой тыл, сказал: «Я не спал, Адриано». Мысль об этом, казалось, вселяла в него какую-то мрачную бодрость.

Вскоре мы отправились дальше. Серило стоял у ручья, когда мы проскакивали пороги. Оказалось, то была всего лишь скачущая, бурлящая, ревушая вода, над ко-

торой висело облако водяной пыли. В то утро нам повезло: туман рассеялся как раз вовремя, и, оглянувшись, мы увидели место, где сливались три реки, давая начало реке Шингу. От всего, что зримо здесь человеку или находится от него на расстоянии, которое можно преодолеть пешком или на одновесельном каноэ, веет таинственным духом этой могучей реки. Долина ее шире, чем вся Англия, а все холмы и земли, раскинувшиеся по ее берегам, обязаны своим существованием работе речных вод. Охотясь, я никогда не боялся заблудиться, потому что любое сухое русло ведет к ручейку, ручеек впадает в какой-нибудь большой поток; поток этот несет свои воды в один из притоков, а тот в конце концов вливается в жизненную артерию всего этого края — Шингу. Обычно я охотился близ реки: животные избегают сухих земель, они обитают у воды, где питаются плодами и листьями в приречных джунглях. Деревни индейцев, по моим наблюдениям, тоже находятся вблизи «большого леса» у реки, где на плодородных почвах хорошо растут маниок, земляные орехи, ананасы и другие культуры. Эти земли мы называли не территорией реки Шингу, а просто Шингу и во время экспедиции вехи своего пути именовали не иначе, как «лагерь у третьей излучины после бутылкообразного озера» и тому подобное. Таким образом, даже в разговорах друг с другом мы отдавали дань уважения мощи и власти этой реки.

Шли дни, а мы все плыли в выдолбленном стволе дерева, который двигали подвесной мотор и течение реки, стремившейся к Атлантическому океану. Бесчисленные лагуны, островки и проливчики по обоим берегам создавали впечатление, будто мы плывем по озеру. Казалось, река со всех сторон упиралась в темную таинственную стену растений. Примерно каждые полчаса мы подходили к новому изгибу реки или проливчику, огибающему небольшой островок, в который раз нам казалось, что Шингу опять упирается в тупик. Наш путь был еще более извилист, чем сама река, так как с наступлением засухи вода спала, обнажив длинные песчаные отмели, и реке пришлось разбиться на несколько стремительных потоков. Когда отмель только начиналась, Серило держался от нее как можно дальше — словно айсберги, эти отмели тянутся под водой иной раз на четверть мили.

Однако ниже по течению можно было пройти в двух футах от такой отмели, так как, подмываемые бурным течением, они круто обрываются вниз. Мы двигались то в одну сторону, то в другую, то вперед, то назад и нередко шли к югу, хотя я знал, что путь наш лежит на север; иногда наше каноэ устремлялось в явный, с виду, тупик, вместо того чтобы плыть по широкой водной глади. Для новичка река была полна сюрпризов.

Я сидел босой, штаны на мне были разорваны от колен до щиколоток, шляпа страшно измята: по ночам она служила мне подушкой. Спутники мои говорили, что на реке и так достаточно неожиданностей, не хватает еще, чтобы я взялся за руль! Когда мы остановились, дичь, казалось, сама лезла к нам на мушку. Кругом кишела рыба. За каких-нибудь полчаса мы набрали не меньше пятисот штук блестящих черепаших яиц.

Серило спал, свернувшись в клубок, на бочке с бензином. Быть может, ему снилось, что с обоих берегов реки за нами следят суйя. Жозе что-то бормотал, сидя у мотора, Дилтон просматривал в бинокль берег в надежде увидеть какое-нибудь животное. Однажды мы увидели четырнадцать очень высоких аистов-жарибу. Они сидели парами. «Эти аисты всегда женаты,—объяснил Жозе,—самки никогда не отпускают от себя самцов». Крупные капибары—грызуны, похожие на водяных крыс, но размером побольше свиньи—проводжали нас взглядом, стоя у кромки берега. Время от времени, высовывая из воды голову, нашу странную, развеселую компанию критическим оком озирала черепаха или гигантская выдра. Мне думается, Марк Твен поступил мудро, когда высвободил Гекльберри Финна из-под опеки воспитующей вдовы и отправил на плоту вниз по Миссисипи—грязного, никем не любимого, без всякой подготовки и честолюбивых устремлений. Никто его не одергивал, никто не призывал к порядку, и, блаженно отдаваясь тихому течению Миссисипи, он забыл всех и вся и был счастлив.

В одиннадцать часов утра на третий день пути мы увидели в прибрежной роще несколько высоких пальм. То был Диауарум, что по-индейски значит «Место черных пум».

Глава XII

В МЕСТЕ ЧЕРНЫХ ПУМ

Приставая к берегу в Диауаруме, мы увидели у воды двух мужчин. Орlando сказал нам, что лет шесть назад он расчистил здесь место для посадочной площадки и время от времени посылал сюда самолетом людей, которые должны были выравнивать и расчищать взлетную дорожку. За фигурами мужчин на небольшом холме, окруженные пальмами и квохчущими курами, виднелись бревенчатые хижины.

Незнакомцы хранили молчание.

— Добрый день! — обратился к ним Дилтон и объяснил, что нам предстоит оставить здесь бензин для новой экспедиции Орlando.

— Добрый день! — В их ответе не слышалось ни дружелюбия, ни радушия. Мужчины помогли нам выгрузить бочки, накормили Раймундо, Серило и Жозе, потом оттолкнули каноэ от берега, и они отправились обратно в Васконселос.

Мы с Дилтоном поднялись по откосу к кухне.

Если учесть, что жители Диауарума жили здесь, как на необитаемом острове, довольно долгое время, они отличались, как нам показалось, каким-то необычайным безразличием к внешнему миру. Их было всего трое. Один из них, Даниэль, даже не вышел из кухни, чтобы взглянуть на нашу лодку — а ведь последнюю лодку они видели, наверное, год назад. Когда Дилтон стал рассказывать новости, они тоже не вызвали особого интереса. Под началом Орlando выступает в путь еще одна крупная экспедиция. Да? Бразилия выиграла первенство мира по футболу. Правда? Франция на грани переворота. А что, Франция — это где-то недалеко от Европы?

Лишь через полчаса после нашего прибытия беседа пошла, как мы впоследствии осознали, в нормальном для Диауарума ритме жизни.

Старшим по возрасту тут был Леопольдо. Как негласный глава поселения он сидел на черной, довольно ветхой скамье, вырезанной из дерева еще пять лет назад. У ног Леопольдо стояла небольшая миска для щенка, сделанная из панциря черепахи.

— Как же так, Свирепый? — мягко произнес Леопольдо. — Ты испугался маленького поросенка? Ты, индейская собака, с которой будут охотиться на пум? — Большим пальцем ноги, похожим на гибкую шишковатую картофелину, он прижал щенку хвост.

— За ним гнался маленький бурый поросенок, — сказал Даниэль, стоя возле печки, сложенной из необожженного кирпича. — Поросенок гонялся сегодня и за большим петухом. Это маленький, но храбрый поросенок.

— Ему всего месяц от роду, — продолжал Леопольдо. — Свинья опоросилась после того, как мы зарезали борова. Он был такой жирный и по ночам так храпел, что не давал нам спать. Мы вытопили из него три ведра жира. Этого нам хватит дней на сто. Вчера я вымыл первое пустое ведро. Значит, прошло немногим больше месяца. Стало быть, и поросенку месяц. — Леопольдо ткнул Свирепого в бок. — А ты, индейская собака, боишься его.

Так в хижине, которая напоминала мне лачугу крепостного с гравюры XVI века, начался тихий, неторопливый разговор. В двух стенах, выходящих на солнечную сторону, щели между бревнами были кое-как замазаны грязью, чтобы внутрь не проникал зной. В хижине было несколько маленьких, вырезанных из дерева табуреток и самодельных полок для тарелок, ножей и кружек, а также стол.

На столе стоял глиняный кувшин с водой, на полке снаружи вялились на солнце рыба и мясо. Под потолком сидел попугай. Он заверещал, и Леопольдо ответил ему, после чего попугай разразился потоком индейских слов. «Ты не говоришь по-португальски, да? Ах ты, неученый индейский попугай!»

Потом нам показали посадочную полосу длиной в четыреста ярдов. Эти люди должны были защищать ее от наступающих со всех сторон джунглей. По идее, каждые полтора-два месяца сюда должен был прилетать самолет.

— Он всегда опаздывает, а иногда и совсем забывает прилететь, — сказал Леопольдо так, словно самолет — это плохо обученное животное, которому неизвестно, что может взбрести на ум. — А когда не забывает, то все равно не помнит всего, что нужно привезти, и мы

целыми неделями сидим без продовольствия, особенно во время дождей.

Чтобы застраховать себя от таких случайностей, люди были вынуждены обрабатывать в лесу поле, урожай с которого дополнял запасы продуктов, доставляемых самолетом. Если бы самолет разбился, они бы не умерли с голоду.

— Взгляните на мое маленькое апельсинное дерево.— Леопольдо потрогал гладкий лист и рассказал, что муравьи-листоеды уже раз уничтожили его молодые деревца.— Никакой яд не мог спасти от них деревья, но однажды я увидел, как маленькие муравьи дрались на ветке с большими. Эти маленькие муравьи были сильные и отчаянные, совсем как наш поросенок. Я посадил на дерево несколько маленьких муравьев и убедился, что они не едят листьев. И вот я каждый день стал сажать на дерево таких муравьев. Они убегали, но как-то раз остались и теперь живут и дерутся с большими муравьями. Дерево растет, и через год у нас будут апельсины.

Леопольдо старался зря. Путь через северную часть Мату-Гросу был только что проложен, и рассматривался вопрос о ликвидации этой посадочной площадки. Но решение еще не было принято, и день за днем на этом клочке земли, окруженном стеной джунглей, текла тихая, размеренная жизнь — еда, сон, работа на посадочной полосе, на плантации или в хижинах. Поскольку Орlando приехал не через четыре дня после того, как отбыло наше каноэ, а через две недели, у нас было достаточно времени убедиться, насколько тип человека, называемого «кабоккло», приспособлен для жизни в джунглях.

Слово «кабоккло», строго говоря, означает человека со смешанной кровью — негритянской и белой²⁶, но на Мату-Гросу оно употребляется в более широком смысле. Так называют почти всякого жителя пограничной полосы, принадлежащего к трудящемуся классу. Таковы люди, работающие на Центральный бразильский фонд; в составе новой экспедиции Орlando было трое кабоккло, и такие же кабоккло выращивали рис в Васконселосе. К ним принадлежат сборщики каучука, работающие ниже по течению Шингу, обитатели берегов реки Смерти и большинство нахлынувших сюда топографов. Вме-

сте с индейцами они представляют благодатную почву для войны в Шингу.

Большинство кабокло, живущих на севере Мату-Гросу, приходят сюда со скотоводческих равнин северо-восточной Бразилии. В частые периоды засухи и голода животные умирают там среди серых, запыленных кустов, безучастные мужчины сидят на порогах своих лачуг, а матери с печалью смотрят, как их дети пытаются высосать хоть каплю молока из высохшей груди. Это страна отчаяния. Десятки глаз наблюдают за появившимся на деревенской улице незнакомцем, наблюдают не с любопытством, а с апатией. Тут редко увидишь одухотворенное лицо, и единственное место, где лица людей что-то выражают, это маленькие лачуги, где целый день крутится колесо рулетки, на котором для неграмотных нарисованы картинки — домашние и дикие животные. Люди стоят, точно замороженные этим вращающимся колесом, которое, подобно временам года, по своей прихоти решает человеческую судьбу. И как проигравшие вынуждены без гроша в кармане покидать игорный дом, так гонимые голодом люди вынуждены, рискуя последним, уходить в леса Мату-Гросу.

Весьма типична история Раймундо, который вместе с другими доставил нас в каноэ в Диауарум.

— В 1943 году, совсем молодым, я ушел из родных мест в Мату-Гросу, надеясь разбогатеть, — так начал он свой рассказ. — Для нас, жителей Мараньяна, Мату-Гросу — страна богатств, ведь в наших краях слишком много рабочих рук и слишком мало работы. Работа достается только тем, у кого есть связи. И вот, прослышав об алмазных копиях в Гоясе, я отправился туда попытать счастья.

Маленькое, выразительное лицо Раймундо было изборождено морщинами — следами болезней и жизненных невзгод.

Некоторое время, продолжал Раймундо, он работал в алмазных копиях, а потом перешел на разработки горного хрусталя: там больше платили.

— Сначала у нас был хороший хозяин. Он давал нам инструменты, одежду и пищу. У нас всегда был рис, бобы, маниоковая мука, сушеное мясо. Кофе и сахару вдоволь. Он был не из тех, кто смотрит на тебя волком и попрекает, что съел ты много, а добыл мало. Поло-

вину добычи он брал себе, половина шла нам, и обычно мы продавали ему свою половину. Но потом он продал прииск. Новый хозяин был какой-то странный человек, Адриано, просто сумасшедший. Он хотел нажиться еще больше и обменивал хрусталь на нефть. Вместе со своей долей он обменивал и нашу.— Раймундо принялся горячо, со всеми подробностями рассказывать, как его новый патрон прогорел на этом и хотел, чтобы все шахтеры пострадали вместе с ним.— Этот человек совсем обезумел, Адриано. Он размахивал револьвером.

— И стрелял?

— Стрелял? Он выстрелил в меня.— От возбуждения Раймундо даже подпрыгнул на месте.

— А ты не выстрелил в ответ?

— Я? Я убежал, Адриано. Убежал с разработок и добрался до Арагарсаса. Это было нелегкое путешествие — пешком, верхом и в повозке. Через год я добрался до Шавантины, там я четыре года состоял на службе у Центрального бразильского фонда. Потом три года работал на военном аэродроме в Жакареаканге, а в отпуск поехал в Сантарен и спустил все деньги. Женщины, вино, игра в кости — в Сантарене для мужчин есть все.— Раймундо сплюнул.— Приехал я туда с жалованьем за два года, а уехал оттуда без гроша. Там мне несколько раз предлагали хорошую работу, но я все прозевал. Один раз даже давали восемь фунтов в месяц.

— Наверное, это была работа в лесу?

— Да, в лесу. Потом я вернулся в Жакареакангу, но мое место уже было занято, и по линии военно-воздушных сил меня послали в Шингу. Клаудио предложил мне семь фунтов в месяц — на прокладке тропы, и я проработал у него два года. И вот я здесь, Адриано, в экспедиции Орландо.

Здесь, в Диауаруме, я жил с тремя кабокло под одной крышей, и я уверен, что они — соль земли, что именно эти люди в один прекрасный день превратят Бразилию в великую страну. Рожденные в бедности, кабокло привыкли к лишениям, довольствуются 4—8 фунтами в месяц и, подобно Леопольдо, Даниэлю и Доривалю, готовы работать в джунглях без всяких удобств и надежды на лучшее. Они застенчивы, добры и необычайно мужественны. Если светливые иностранные подрядчики

ополчаются на них за леность и медлительность, то лишь потому, что им не нравится темп их работы. Кабокло продает за нищенскую плату всю свою жизнь, свою поддержку и мужество, становится преданным слугой, готовым драться за своего господина; он может годами жить только тем, что добудет себе ружьем и мотыгой. Но поскольку кабокло — причина многих осложнений в Шингу, необходимо понять и другую, экспансивную сторону его характера. Возможно, насилие присуще его натуре — ведь предки его из столетия в столетия подвергались гонениям, а вырос он под жгучим солнцем пустынь северо-восточной Бразилии. Так или иначе, кабокло, столь безмятежный духом, в глубине души всегда таит стремление поставить на карту жизнь ради одного-единственного геройского подвига, отправиться в сказочное, полное лишений путешествие по джунглям или бросить все и пуститься в плавание по великим морям Южной Атлантики на жангаде — грубом плоту из бревен. Путешествуя по деревням северо-восточной Бразилии, я часто наблюдал этих людей, которые молча сидят в пыли у дверей своих хижин. Их согбенные фигуры словно позируют для художника-кубиста, и сама их неподвижность выражает мрачную безнадежность.

Бездельничая две недели в Диауаруме, я размышлял, какую роль могли сыграть эти трое кабокло в драме Шингу. Это были тихие, терпеливые поселенцы, они вполне уживались с замиренными племенами, и трудно было поверить, что они способны взорваться и сцепиться с индейцем. Пришлось припомнить один происшедший ранее случай, когда сходное с этим спокойствие внезапно сменилось гибельной дракой и перестрелкой. Мне вспомнилось, что это произошло, когда я находился в небольшом порту Сан-Луис-де-Мараньян, откуда были родом Даниэль с Раймундо. Я сидел в тиши главной площади городка, как вдруг какой-то небольшого роста человек выскочил из переулка, быстро перебежал площадь и скрылся из виду. В правой руке он сжимал запятнанный кровью нож.

«Этот человек работал у нас...» — сказал один из местных англичан, но не успел он закончить фразу, как все находившиеся в кафе, словно зрители на теннисном матче, резко повернули головы в сторону узкого переулка, откуда уже выбежал другой мужчина. Он пронес-

ся мимо нашего столика и исчез там же, где первый. В вытянутой руке он держал мясорубку.

«Карнавал, — заключил мой приятель, — должно быть, разгорается карнавал». И даже сейчас, в тиши Диауарума, я будто услышал бой барабанов. Настойчивая дробь барабанов брала за живое, заставляла всех прохожих, которых мы видели на площади, спешить по переулкам к центру города. Кроме англичан, опоздавших к началу веселья, никто, казалось, не торопился. Люди двигались мелкими, вприпрыжку, шажками, словно не имея сил превозмочь гипноз ритма, который притягивал к своему источнику все окружающее, заставляя двигаться в такт ударов.

В тот вечер мы с моим приятелем англичанином гуляли по улицам. Телеграфные провода были увешаны вымпелами. Тут и там кружились охваченные блаженством танца одинокие фигуры, каждый бил в свой собственный барабан, и в ритм ударам развевались свободные карнавальные одежды, мелькали неутомимые ноги.

В конце концов мы добрались до дешевого танцевального зала, устроенного в чьем-то частном доме. На другой стороне улицы стояла группа людей, которым нечем было уплатить за вход. Все происходящее в зале было видно им в окна. Их лица, в отличие от Золушки вялые и безучастные, выражали покорность, присущую настоящим беднякам. Дом этот назывался домом Моисея, и за вход мужчины платили, а женщины, что весьма показательно, пропускаясь бесплатно.

Заплатив, мы вошли — и тут же выскочили. Затем снова вошли. В ушах гремело — как я понял, это была «музыка». Нас обдало жаром и запахом разгоряченных человеческих тел, в сплошном водовороте танца сплетались, сталкивались руки и ноги. Конфетти разбрасывали у двери, оно набилось мне в волосы, нос и рот. Ожидая партнера, женщины щипали и щекотали друг друга. Красная жидкость попадала на платье, в рот и в нос. Нас прибило к живому человеческому клубку, который несся в безумном хороводе. Пол рокотал, как громадный барабан, по которому били сотни ног. Люди смешались, слились воедино, точно стадо, подхваченное бурной волной кружащегося ритма.

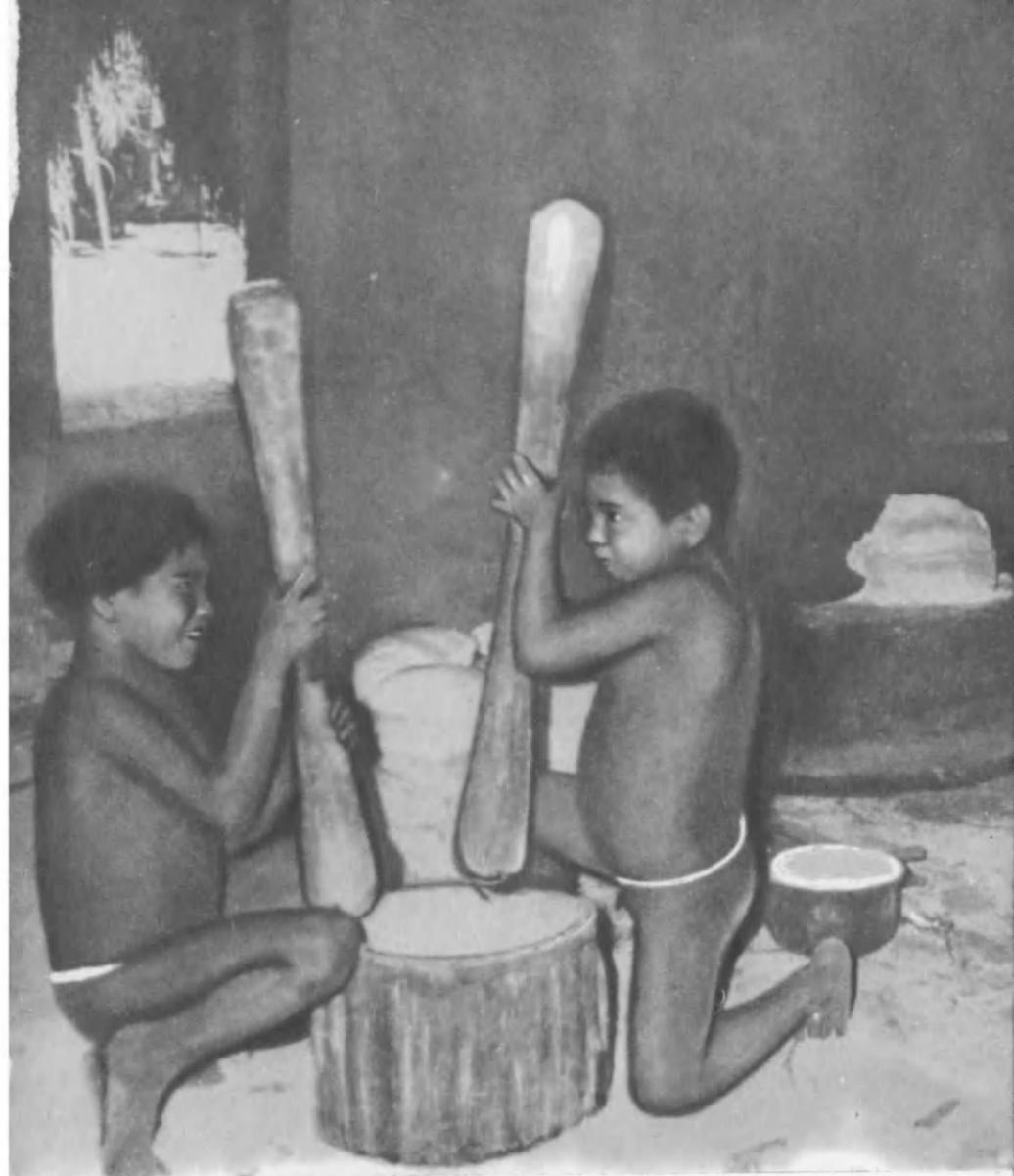
Комнаты с голыми стенами освещали электрические лампочки, без абажуров, тростниковая крыша содрога-

Юноша племени трумаи сидит между коленями „крестного отца“ во время обряда посвящения. „Друид“ племени камайюра, украшенный венком из цветов, стоит сзади с луком

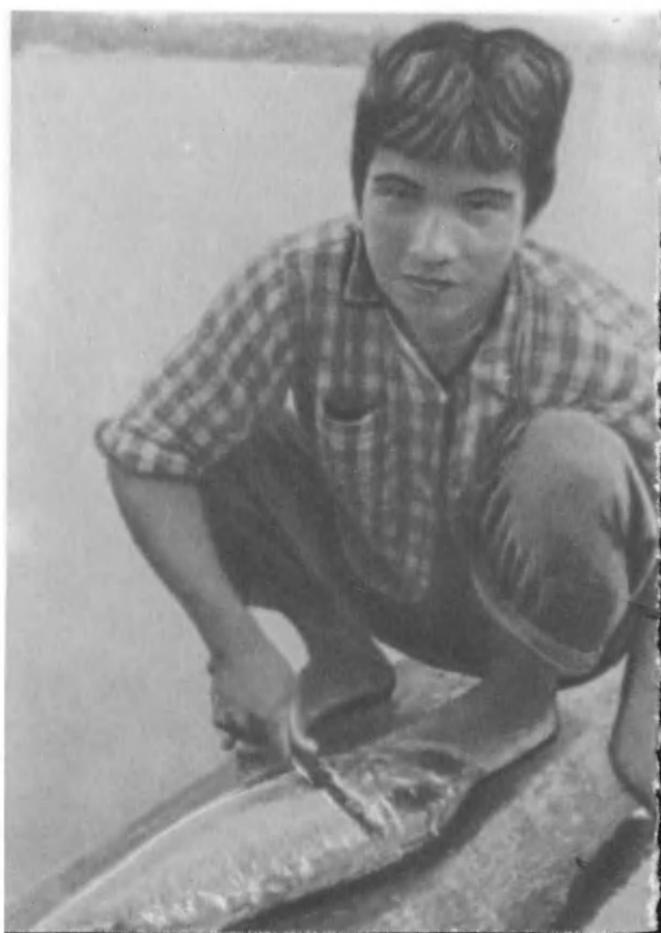
Танец смерти в Капитан-Васконселосе

Мальчики племени камайюра толкут маниок

Юноша, пьющий при обряде посвящения ядовитую жидкость симбо, иногда вызывающую полный паралич

Рыба — один из главных продуктов питания индейцев Шингу

лась, иногда по ней пробежали крысы. Коридоры и двери вели в другие комнаты, такие же голые, как и первая, только в некоторых из них были столы и окна выходили на открытый двор, тоже уставленный грубыми дощатыми скамьями и столами. Если бы не несколько воздушных шаров, все можно было бы принять за складское помещение.

Но танец заставил людей забыть обо всем. Главным па был эдакий упругий скачок, сопровождавшийся конвульсивными, извилистыми телодвижениями. Все это шло от древнейших африканских и индейских обрядовых плясок. Женщины содрогались, целиком отдавшись музыке, они раскачивались и притопывали, кое-кто стоял, некоторые взбирались на столы, иные по полчаса вертелись и прыгали перед музыкантами. Большинство мужчин было в карнавальных костюмах, а все женщины — в масках, вроде ку-клус-клановских капюшонов, которые покрывали голову и плечи и имели лишь разрезы для глаз.

Эти маски были тоже по-своему интересны. Карнавалы возникли из католической традиции справлять последнее празднество, за которым следовал великий пост и умерщвление плоти. Но теперь все уже почти совершенно утратило религиозный смысл, и лишь немногие участники празднества в первую среду великого поста приступали к покаянию, начертав на лбу пеплом крест. Карнавал этот освобождал кабокло от запретов и страданий тягостной жизни. Он был для них вроде отдушины, и поведение людей совершенно менялось.

Поэтому изящная маска французских балов XVIII века превратилась в Сан-Луисе в покров, надежно скрывавший женщину. Лишь полные любопытства бусинки глаз, сверкавшие сквозь прорези маски, могли подсказать, кто под ней скрывался, и в этот вечер женщины, освободившись от пут людской молвы и семьи, один раз в год давали себе волю.

Я танцевал с несколькими из них. Каждой могло быть и 13, и 30 лет. Одна была с дорогим кольцом, вероятно из богатой и знатной семьи, остальных — черных, смуглых и белых — ничто не выдавало. Оттого, что маска скрывала лицо, взор скользил по фигуре, и хотелось разгадать уже не характер, а род занятий партнерши, чему способствовали оголенные плечи и облегаю-

щие лифы с юбками. Танцевали они, притиснувшись вплотную к партнеру, и кто-то заметил, что видит такое впервые. Здесь женщин не связывало общественное положение, их опьянял ритм, алкоголь, танцы и инкогнито. Некоторые обрызгивали друг друга ароматизированным эфиром «Ланка» из позолоченных флаконов. Другие смачивали им воздушные носовые платки и, вдыхая под маской опьяняющий аромат, раскачивались, погружаясь в блаженство, точно переносились в какой-то иной мир. Одна толстуха, мощные бедра которой плотно облегал юбка, взмахивала руками, будто била кого-то палкой. Глаза ее, обычно скорее всего заплывшие жиром и колючие, сейчас бросали из-под маски быстрые понимающие взгляды. У нее, по-видимому, уже были внуки. Она, должно быть, чувствовала себя как жрица в разгар вакханалии.

Для мужчин карнавал был чем-то совсем иным. Условности никогда их не стесняли, и маска была им не нужна, но всю жизнь бедные и невежественные, они всячески наряжались и словно переселялись в мир богатства и роскоши. На женщинах почти не было карнавальных одежд, большинство же мужчин надевало яркие шелковые костюмы с генеральскими эполетами и офицерскими шляпами. Они выступали с необычайной важностью, величественными жестами подзывали официантов и танцевали с высокомерным видом, точно настоящие господа со своими служанками. Я заметил, как один мужчина невысокого роста жевал резинку, и услышал, как его партнерша пожаловалась, что от этого портится ее кулон. Ответом ей был такой уничтожающий взгляд, на какой способен даже не всякий судья. Когда же мужчины присаживались отдохнуть от разговоров и танцев, на лицах их появлялось выражение смирения, присущее кабокло. То был невыразительный взгляд человека, сбитого с толку, покорно сносившего удары судьбы и нередко очень доброго. Солдаты важно расхаживали по комнатам, сунув большие пальцы за свободно застегнутый ремень, не смешиваясь с толпой. Но в часы, свободные от службы, и они обнаруживали растерянность, словно были крохотными винтиками огромной военной машины, которая одним махом могла выплеснуть их из жизни, подобно тому как сбрасывают с тарелки хлебные крошки.

От этой покорности и стремились уйти люди. Только затронь развеселившегося скромника — и уж перед тобой полный надменности римлянин. Посмейся только над другим, который вышагивает как сам император, и тебе не избежать драки. В любую минуту может разразиться гроза. Когда мы входили в зал в начале вечера, все без исключения поднимали руки над головой, и полицейский со всех сторон прошупывал одежду входящего. Стоявший впереди меня мужчина, не дожидаясь осмотра, сам отдал свой нож, и я увидел, что полицейский положил его в поставленный в темном углу ящик, где поверх всей груды лежал маленький пистолет. В прошлом году благодаря этим мерам предосторожности удалось сократить число убийств в этом зале до двух.

Несколько позже я наблюдал, как двое мужчин за соседним столом поспорили из-за женщины. В разгар спора один из них небрежно сунул руку в правый боковой карман. Молниеносным движением рука второго нырнула под широкую свободную рубашку. Но первый, опередив соперника, успел выхватить зажигалку, вспыхнул огонек, и мы оба увидели, как серебряная ручка кинжала исчезла под рубашкой второго.

* *
*

Тишина Диауарума, казалось, не имела ничего общего с карнавалом в Сан-Луисе, но пока мы там находились, нельзя было не чувствовать под внешним спокойствием вулканического накала. Позже Даниэль грозил, что убьет Леопольдо из карабина. Для классического столкновения между цивилизованными поселенцами и жителями джунглей не хватало лишь одного — по соседству не было индейцев.

Раньше в Месте черных пум долгое время жило племя суйя. Деревня располагалась у обрыва, прямо над водой. То были самые плодородные земли во всем верхнем Шингу. Вокруг были густые заросли дикого ореха пеки. Естественно, суйя не хотели покидать эти места.

Лет тридцать назад сюда, кочуя по Амазонии, забрело племя тхукахаме. Они поднялись вверх по реке Либердади, пересекли водораздел и, выскочив из джунглей, перебили всех, кто был в деревне. Затем последовал новый налет, при котором тхукахаме захватили в

плен большинство женщин суйя. Вслед за тем совершили набег трумаи, на которых, к счастью, с тыла напало другое племя. Трумаи бежали под защиту вождя ваура, который монопольно владел тайной гончарного ремесла и потому пользовался огромным влиянием.

Племенному совету суйя положение племени в то время, должно быть, казалось отчаянным. Союз трумаи с ваура мог лишить суйя возможности получать от ваура жизненно необходимый предмет обихода — горшки, а нехватка женщин означала, что пополнения молодых воинов больше не будет. Однако выход был найден. Женщины ваура тоже владели гончарным ремеслом, и вот в один прекрасный день суйя внезапно напали на ваура, умыкнули гурт женщин, умеющих изготавливать горшки, и, покинув свою деревню, скрылись в верховьях реки Суя-Миссу. Это означало разрыв всяких торговых отношений с ваура. «Но зачем нам, — должно быть, рассуждали суйя, — покупать посуду, когда мы захватили гончарную фабрику?» Теперь у племени были и женщины и посуда, и с тех пор встретить суйя было нелегко.

Однажды, когда братья Вильяс строили Диауарум, Клаудио увидел в каное двух суйя и отправился вслед за ними по затопленным джунглям, но суйя исчезли в зарослях. А недавно он пролетел на самолете над их деревней и насчитал в ней четыре хижины — в них, вероятно, жило человек сто мужчин, женщин, детей. Никаких других сведений о племени не было.

Дней через пять-шесть после приезда в Диауарум я решил оставить места, где охотились кабокло, и подняться вверх по Шингу до реки Суя-Миссу. У меня было выдолбленное из ствола дерева каноэ на манер тех, какие делают индейцы журуна. Оно лучше держалось на крутой волне, чем изготовленные из коры каноэ камайюра. Проплыв некоторое время, я свернул вверх по маленькому ручью пониже главного притока. В конце концов я уперся в мелководье. Я вышел на берег, привязал к корме лиану и ушел, оставив каноэ лениво качиваться на волнах. В протоке, окаймленном рядами деревьев, лодка казалась символом полнейшего спокойствия. Однако в Шингу, где человек встречается редко, лодка не менее громогласно, чем салют из девятнадцати залпов, возвещает о присутствии человека. Каноэ в этом месте означало: тут охотится человек, и он вооружен.

Я тихо пробирался между деревьями, прислушиваясь и высматривая дичь, как вдруг впервые в Шингу увидел какого-то необычного медведя. Своим внешним видом и размерами он напоминал таксу, у него был длинный вытянутый нос и острые зубы. Это был коати²⁷. Он крайне подозрительно проводил меня взглядом.

Следуя вдоль ручья, я перешел по упавшему стволу дерева через глубокое болотце. Под тяжестью моего тела дерево прогибалось, из грязи выступали пузырьки газа и, лопаясь, издавали сильный запах. Он преследовал меня, пока я не выбрался на берег узкого, похожего на фьорд озера. С противоположного берега, тяжело взмахивая крыльями, поднялась в воздух стая уток, а неподалеку от меня взлетел в воздух большой аист и опустился на высокое дерево. Над спокойной гладью озера прыгали двухфутовые рыбы. Тут, как и повсюду в Амазонии, шла борьба не на жизнь, а на смерть.

Пройдя до середины северо-западного берега озера, я набрел на остатки костра — на выжженном, пепельно-сером клочке земли лежало полено и черные угли.

Я стал обследовать соседние кусты и четыре минуты спустя наткнулся на черепки ваурского горшка. Я знал, что индейцы из Васконселоса никогда не забираются в эти края, и тем не менее передо мной, несомненно, был ваурский горшок; об этом свидетельствовали его размеры, материал и выгнутый наружу край. Однако на нем не было нежно-красного глянца и черного узора, характерных для горшков ваура. Неужели этот горшок был сделан дочерьми тех ваурских женщин, которых когда-то похитили суйя? Я принялся складывать черепки. Получился почти целиком один горшок, и осталось несколько черепков от другого. Вероятно, здесь была большая группа индейцев. Странствуя в одиночку, мужчины-индейцы редко берут с собой посуду, если же они путешествуют с женщинами, несколько женщин готовят им пищу в одном горшке. Два горшка означало, что здесь побывало четыре-пять семей, то есть человек двадцать. Интересно, что могла делать такая группа суйя в пятидесяти милях от своей деревни и так близко от поста Диауарум?

Тут мне вспомнился рассказ Орландо. Однажды неподалеку от Диауарума он обнаружил возле дерева кучку расколотых орехов пеки. Люди, которые помогали

строить посадочную площадку, сказали, что это не они кололи орехи. После умиротворения индейцы журуна сообщили, что они бывали в этих рощах. Один воин, раскалывая орехи, услышал шаги Орландо. Отступать ему было некуда, и он, взобравшись на пальму, закрылся ее листьями так, что Орландо, стоя внизу, не заметил его. Я подумал: если, несмотря на присутствие в Диауаруме более дюжины цивилизаций, орехи все же соблазнили журуна, то почему бы суйя должны были испугаться всего-навсего троих кабокло? Здесь было идеальное место для стоянки — рядом вода и рыба, кроны огромных деревьев смыкаются над головой в сплошной шатер. И рядом ореховые рощи. Костер, казалось, даже не был залит дождем. Значит, люди эти побывали здесь уже после последнего дождя в начале периода созревания орехов. Мои догадки казались правдоподобными, и я отправился на поиски других свидетельств.

Озеро кончилось, но, взбираясь по его северо-западному крутому берегу, я вышел к другому озеру. За ним было еще одно озеро, и еще одно. Значит, от ручья, где я оставил свое каноэ, тянулась цепочка озер. И тут мне показалось, что вдоль края, который образовывал нечто вроде северо-западного берега этого прерывистого водного пути, идет тропинка.

Еще во время первого посещения Южной Америки я видел в лесах прямые, словно подметенные тропинки, на которых не было ни единого листика, и я решил, что это — тропы индейцев. Оказалось, что эти тропинки — не что иное, как шоссейные дороги муравьев-листоедов. Эта же тропка была еле заметна в лесу, но это была настоящая тропа: на земле видны были вмятины и отпечатки следов, а опавшие сухие листья, уже втоптаные в землю, не потрескивали под ногами. А может быть, это всего лишь звериная тропа? Ведь около воды лес вдоль и поперек исчеркан такими тропами. Но тропинка нигде не спускалась к воде и шла строго вдоль приозерного края, и это окончательно убедило меня в том, что ее проложил человек. На высоте человеческого пояса я то и дело замечал сломанные молодые побеги. То был верный признак — именно так индейцы инстинктивно отмечают свой путь. Тропа огибала препятствия, под которыми могли бы пройти животные. На стволах деревьев, которые человек мог перешагнуть, не было сле-

дов; животные оставили бы на них отпечатки лап. Значит, здесь пролегал путь индейцев.

После седьмого озера лес обрывался у реки Суя-Миссу, и тут загадка разрешилась. В сезон дождей река выходила из берегов, цепочка озер, а затем тот маленький ручей, по которому я приплыл, служили ей стоком в Шингу. А в период засухи вода стояла низко, по этому кряжу можно было без труда пройти через место, которое в другое время было залитым грязью лесом.

— Я думаю, суйя спускаются по этому притоку в своих каноэ,— сказал я в тот вечер Дилтону де Мотта.— Они, должно быть, оставляют их в лесу, опасаясь показываться на просторах Шингу, и идут вдоль цепи озер за орехами.

На другой день Дилтон вышел со мной на разведку.

Утро было хмурое, легкий ветер раскачивал деревья, ветки скрипели, и иной раз трудно было установить происхождение шума. По небу плыли облака. Солнце вдруг скрылось, и лес погрузился в зловещий сумрак. Две птицы, взмыв в воздух, с тревожным криком полетели над озером, и у меня не выходила из головы история, слышанная в моей предыдущей экспедиции.

— Слыхали вы анекдот о человеке, которого поймали индейцы Шингу?

— Нет.

— Они вонзили в него семнадцать копий и снесли ему полбашки. Когда друзья нашли его, они спросили: «Как ты себя чувствуешь?» — «Прекрасно,— ответил он,— только ужасно больно смеяться».

Мы шли, вглядываясь в следы. Я то и дело показывал Дилтону приметы, которые обнаружил накануне, и Дилтон хриплым шепотом сообщал мне, что он о них думает. Дилтон отнюдь не был убежден, что следы принадлежат индейцам, но на него действовал мрачный лес и хмурый день, он говорил низким, свистящим шепотом. Я вглядывался в чашу и думал, наткнемся мы на суйя или нет. Добравшись до второго озера, я стал всматриваться в дальний берег, отделенный от нас широкой полосой зловонной пены. Мне показалось, что на другом берегу за завесой листьев мелькает какой-то силуэт. Я замер и стал следить. Если это человек, что нам делать? Ползти вокруг озера? Суйя нас услышат. Тогда

они либо исчезнут в лесу, либо устроят засаду. Быть может, будет лучше... Но в это время выглянуло солнце и осветило силуэт: это оказался гнилой ствол дерева, привалившийся к суку.

Мы отправились дальше.

Поиски уводили нас в чащу леса, и я все отчетливее слышал за собой шаги Дилтона. Когда охотник идет один, он прислушивается к лесному шуму и бессознательно исключает из него звуки собственных шагов, но треск и хруст сучьев под ногами товарища для него все равно что помехи на экране радиолокатора. Этот шум действовал мне на нервы. Я был как ослепленный человек, который ощупью пробирается в комнате убийцы.

Мы уже прошли полпути, как вдруг Дилтон зашипел на меня. Вдали я услышал легкий шелест; мы присели за кустами. Это были слабые, приближающиеся к нам звуки, которые раздавались через одинаковые промежутки времени, словно торопливые семенящие шаги выстукивали слова: «Я куда-то иду, я куда-то иду». Я слушал, затаив дыхание. Потом встал на колени и нашел в листве просвет. Дилтон щелкнул затвором. За кустами и пнями я заметил вереницу движущихся теней.

— Лесные свиньи,— засмеялся Дилтон. Они легко и проворно бежали сквозь чащу. Был уже полдень, свиньи торопились на водопой.

Впоследствии я не раз возвращался на эту тропу, но так и не встретил ни одного суйя. Однако я чувствовал, что встреча их с кабокло неминуема. Если Орlando и Клаудио ничего не предпримут, дело может кончиться печально.

Дилтон же отнесся ко всему спокойнее и, вспоминая об этом случае, говорил:

— Индейцы Адриано, потерявшие свои горшки.

Глава XIII

ИНДЕЙЦЫ УБИВАЮТ ОХОТНИКОВ ЗА НАУЧУКОМ

Через несколько дней у большой излучины Шингу выше Диауарума появилась флотилия Орlando. Долгое время она медленно двигалась по воде, и наконец к берегу пристало большое каноэ, за рулем которого сидел

Жозе. Плывшие на других лодках дали револьверный залп: у них кончился бензин. Остаток пути они позорно дрейфовали и прибыли полчаса спустя.

Когда лодки были разгружены, Орlando сказал нам, что в нижнем течении Шингу серингейро — сборщики каучука — оставляют муку, отравленную мышьяком, в таких местах, где ее могут найти индейцы, совершающие набеги. Среди индейцев племени кубен-кран-кегн уже насчитывается сорок жертв.

В свою очередь, мы сообщили ему, что несколько дней назад мимо Диауарума прошла группа индейцев кайяби. Они рассказывали, что на западной окраине леса у них не было никаких столкновений с серингейро, но им известно, что недавно двоих серингейро убило племя журуна. Это было происшествие посерьезнее и поважнее, чем предполагаемое столкновение с суйя, так что моя индейская тропа и ваурские горшки могли подойти до следующей экспедиции.

Наутро, позавтракав, мы отправились к стоянке журуна. Мы быстро плыли вниз по реке — аэрофотоснимки помогали нам обнаруживать и обходить подводные мели.

К вечеру в восточном краю неба поднялся столб черного дыма.

— Индейцы? — с опаской спросил я.

— Журуна. Их деревня стоит за двумя поворотами реки.

Орlando сказал, что кроме журуна в этих местах, в двух днях пути вверх по реке Манисауа-Миссу, живут только миахао. Название этой реки означает «вода племени манисауа». Это племя уже давно исчезло; возможно также, оно-то и было известно под названием миахао (это слово по-индейски означает просто-напросто «племя, названия которого мы не знаем»). Никто из цивилизаций или индейцев, которые поддерживали контакт с белыми, не встречались с миахао, но Сержио, который ехал в одной лодке со мной, во время последней экспедиции видел дым их костра.

Сержио отправился к этому костру вместе с одним индейцем журуна и Мурильо, другом Орlando.

— И вот, Адриано, я увидел красивую черную пуму. Она стояла на берегу и смотрела на меня. Пума — единственное животное, которое я еще ни разу не убивал.

Я выстрелил из ружья. Бум! Пума упала в воду и поплыла.

Рассказывая, Сержио сидел на борту лодки и резко дергал ручку мотора — лодка зигзагами шла по реке. У Сержио была смуглая кожа и иссиня-черная борода.

— Я никогда еще не убивал пуму, а мне хотелось ее шкуру. Я нажал на ручку мотора и направил каноэ прямо на нее. Индеец ударил пуму стрелой, и надо ж быть такому! — мы с налету наскочили на нее. Индеец упал, каноэ перевернулось, а я, Мурильо и все наши припасы, ружья и запас бензина оказались в воде. Уф! — Сержио ухмыльнулся.

Сержио поплыл к лодке и увидел, что пума инстинктивно делает то же самое. Сержио вскарабкался на корму, а раненая пума уцепилась за перевернутый нос каноэ.

— Уф! Я смотрю на пуму, а она на меня. Мотор надо обязательно спасти. Мурильо выбрался на берег и поднял револьвер вот так. — Сержио обеими руками сжал рукоятку воображаемого револьвера и поднес его к лицу. При этом наша лодка отчаянно завилыла по реке.

— Мурильо выпустил шесть пуль, одна попала пуме в шею. Бум! Пума умерла.

Ни они, ни кто другой так и не увидели миахао. Через полчаса наша флотилия миновала последнюю излучину реки, и мы увидели вдали деревню журуна — вытоптаные, пересекающиеся тропки, светлеющие на зеленом фоне растительности, были хорошо заметны.

Приезд Орlando в эту отдаленную часть его владений был событием. Я с интересом наблюдал за подготовкой орудия, которое должно было возвестить о его прибытии. Это была трубка толщиной в большой палец, восемь дюймов длиной. Ее полагалось держать на некотором отдалении от себя в правой руке.

— Давайте сперва посмотрим, что они делают. Погодите, сейчас достану бинокль.

Мы зажгли спичку. Ш-ш-ш — бум! Бум! Взрывая лесную тишину, в воздух со свистом и грохотом взмыли ракеты.

— Побежали, — сказал Орlando, глядя в бинокль.

Как и следовало ожидать, журуна попрятались в лесу.

Но когда наши лодки подошли достаточно близко, чтобы их увидели с берега, индейцы вышли на край обрыва и ответили нам приветственным выстрелом. Их было человек тридцать-сорок, они тесной группой стояли вокруг своего вождя Бимбины, высокого широкоплечего индейца. Одет он был в нечто вроде кожаного фартука, какие носят такелажники, занимающиеся перевозкой мебели. В руках он держал деревянную дубинку, которая, вероятно, служила атрибутом его власти.

Мы обменялись с индейцами рукопожатиями, и хотя никто не произнес ни слова, чувствовалось, что Орlando и Бимбина выжидают — что же последует дальше. Несколькими днями раньше журуна убили двоих цивилизатов, и хотя идея справедливости чужда сознанию индейцев, месть за убийство является существенным элементом племенных традиций. Они могли предполагать, что мы несем им возмездие. Во всем чувствовалась напряженность.

Мы поднялись по обрыву и вошли в хижину. Ее почти целиком занимал какой-то громоздкий предмет, так что внутрь едва можно было протиснуться. Когда сняли бамбуковую крышку, перед нами оказались два больших каноэ, доверху наполненные перебродившим индейским пивом. То был традиционный напиток индейских племен. Готовили его женщины, пережевывая зерна и сплевывая их в каноэ. Я был рад выпить пива, чтобы хоть как-то успокоить нервы. Пиво имело несколько кисловатый привкус и напоминало крепкий сидр. Это был приятный напиток — надо было лишь забыть, как его приготавливали.

Мы потягивали пиво из тыквенных чаш, а вокруг нас стояли мрачные, молчаливые журуна. Здесь я впервые заметил, что если лицо индейца не выражает дружелюбия, в нем нет мягкости, как в лице спящего европейца. Оно передает какое-то другое настроение; это не всегда враждебность, но суровость человека грубой силы, готового, не задумываясь, убить. Я попросил еще «касири» ипил пиво, глупо ухмыляясь и довольно похлопывая себя по животу.

Напряженность исчезла, когда Орlando покинул хижину, чтобы посоветоваться с вождем и старейшинами племени. «Они боялись, что я рассержусь, — рассказывал, вернувшись, Орlando. — Я сказал, что я их друг, а не друг серингейро. Тогда они мне все рассказали».

Несколько дней назад два бородатых цивилизато, вооруженных винчестерами 44-го калибра, приплыли в каноэ из Манисауа-Миссу в Шингу. Это уже было интересно само по себе — ведь раньше по Манисауа-Миссу плавали только братья Вильяс. Река эта представляла собой идеальный черный вход в Шингу, и, очевидно, по мере того как распространялись новости об умиротворении индейцев, утихали и исконные страхи, сдерживавшие авантюристов.

Когда эти люди появились в устье Манисауа-Миссу, журуна увидели их, но пришельцы не испугались и вышли на берег у их деревни; они сказали, что едут с запада и хотят спуститься по Шингу и Амазонке к какому-то городу, расположенному очень далеко отсюда (возможно, к Белену). Им позволили продолжить путешествие.

Через полтора дня чужеземцы вернулись и объявили, что им предстоит долгий путь и журуна должны снабдить их пищей. Все мужчины в это время были на охоте, а оставшиеся в деревне женщины ответили, что пищи у них нет. Тогда серингейро пригрозили, что если наутро им не приготовят все, что нужно, они застрелят нескольких человек. На ночлег они расположились на одном из песчаных островков, где журуна обычно укрывались от набегов тхукахаме.

— Ночью, — рассказывал Орландо, — в деревню вернулись мужчины. Если серингейро угрожают убить их, то они сами должны убить серингейро. Журуна сели в каноэ и... — Орландо сделал типично бразильский жест, с резким щелчком ударив пальцами по ладони, — хлоп хлоп дубинками. Журуна похоронили трупы, но Бимбина говорит, что один вырыла и сожрала пума. Это были два мерзавца. Бимбина сказал, что страшился моего гнева, поэтому он сохранил их ружья, чтобы показать мне. Я сказал, что им нечего бояться, Орландо не сердится на них, ведь он отец журуна.

Трудно судить, кто тут прав, кто виноват, если вообще можно так ставить вопрос. Не исключено, что журуна изобразили все не так, как было на самом деле, а в выгодном для себя свете. Так или иначе, в джунглях погибло двое белых, как это может случиться в будущем и с нами. Нельзя было не опечалиться их участью. Но, с другой стороны, эти серингейро почти

наверняка скрывались от правосудия — ведь они бежали по опасной Шингу, вместо того чтобы обычным способом улететь на самолете или уехать пароходом по Тапажосу. Раз они решились на подобное путешествие, значит, они совершили убийство где-нибудь в беспокойном пограничном районе.

Что касается индейцев, они не считают убийство преступлением. Они знают, что семья убитого будет оплакивать его и стремиться отомстить, но они видят в этом безотчетный рефлекс самозащиты, а не желание восстановить справедливость. Кроме того, для журуна убийство серингейро — неотъемлемая часть их борьбы за существование, и почему это так, никто уже не знает — истоки вражды серингейро и журуна затеряны в глубоком прошлом²⁸.

Через несколько часов я разговаривал с Сирири, участником убийства пришельцев. Он обладал весьма скудными познаниями из истории своего племени, но тем не менее сказал:

— Вначале мы жили там (в низовьях Шингу) и работали на серингейро, но они многих из нас убили из ружей. Поэтому мы поднялись сюда через большие пороги и жили здесь, но потом серингейро сказали, что они нам друзья, и дали нам ружья. Тогда мы снова спустились вниз по реке и стали работать на серингейро, но потом они опять стали убивать нас. Тогда мы убили многих серингейро, вернулись сюда и убили многих трумай и камайюра. Потом пришли тхукахаме и убили почти всех нас, теперь нас всего двенадцать человек. (Он имел в виду двенадцать воинов-мужчин, так как женщины и дети при счете племени во внимание не принимаются.)

Из этого кровавого, но по-деловому сухого отчета я понял, что в те времена журуна были слишком слабы, чтобы строить какие-либо агрессивные планы. Они убивали, только обороняясь. Но, подобно тому как индейцам трудно отличить одних цивилизадо от других, серингейро трудно разобраться в племенах — какие из них воинственные, какие мирные. За два дня перед тем я разговаривал с Беккуче, одним из двух воинов тхукахаме, участвовавших в нашей экспедиции,

— Беккуче, ваше племя ест пирай?

— Да, мы едим пирай.

— А как вы их ловите? Ведь пирайю не убьешь из лука.

— Нет,— ответил Беккуче.— Мы убиваем их крючком и леской.

— Но ведь до появления Орlando у вас не было крючков и лески. Они ведь не растут в лесу, как стрелы и рыболовный яд.

— Нет, они есть в лесу,— возразил Беккуче.— Тхукахаме находят в лесу крючки и лески. Они есть у серингейро,— объяснил он мне, видимо, удивляясь, до чего же непонятливый перед ним цивилизaдо.— В той стороне, где засыпает солнце, мы убиваем в хижинах серингейро. Мы забираем у них одежду, ружья и ножи.

— Убиваете всех подряд?

— Всех. И мужчин и женщин.

— А почему вы не берете себе женщин?

— Тхукахаме берут только детей. Когда-то давно у нас были оттуда две девочки,— он показал рукой на восток.— Сейчас они уже умерли, но топоры, ружья и лески все еще хорошие.

Убийство цивилизaдо стало существенным элементом экономики кочевников тхукахаме. Птиц убивают, чтобы добыть мясо и перья, а серингейро — чтобы достать рыболовную лесу.

Три дня спустя после нашего приезда к журуна в Диауарум была послана легкая быстроходная алюминиевая лодка. В ней отправились Жорже, Сержио и я.

Мы доставили партию лекарств, переночевали в Диауаруме и пробыли там весь следующий день, ожидая самолет Центрального бразильского фонда, которому следовало прилететь еще четыре дня назад. Затем мы отправились в обратный путь к деревне журуна.

По извилистым берегам реки лианы и нависшие кусты образуют кружевную завесу, и поначалу все тут для тебя в новинку. На просторе реки светло, как на залитых неоновым светом улицах Пикадилли, но стоит ступить два шага в глубь берега, как попадаешь в мрачную, таинственную страну, под стать преступному миру Лондона. Однако, постепенно проникшись уже наскучившим ритмом путешествия, мы перестали интересоваться

пейзажем. Медно-красное солнце немилосердно палило реку, обжигало лицо, зной заставлял забыть о джунглях.

Через два часа после отъезда из Диауарума мы пристали к песчаной отмели, чтобы заправить бак бензином, затем Сержио,— черт бы побрал этого головотяпа — дернул заводной шнур; мотор взревел, и лодка рванулась вперед. Сержио кувырком полетел в воду, мы с Жорже упали на дно. Винт набирал скорость, лодка неслась вперед без управления.

Через несколько секунд я добрался до мотора, но — увы! — я не знал этот тип мотора и не мог найти кран подачи горючего.

— Где кран? — заорал я.

Жорже, должно быть, оглушило шумом мотора — он вежливо улыбался неслыханному остроумию англичанина, который ничего не предпринимал, чтобы остановить лодку, бешено летевшую по реке без всякого управления.

Я крикнул ему еще раз.

Подлаживаясь под шутку, Жорже деланно засмеялся.

Я опять крикнул.

По испуганному лицу Жорже катились слезы веселья.

В этот момент мы едва не наскочили на песчаную отмель, я схватился за рулевую рукоятку и развернул лодку, как мотоцикл на крутом повороте. Мы опять очутились на дне. Жорже пробормотал: «Этот англичанин просто сумасшедший».

Когда мы наконец вернулись к Сержио, он стоял мокрый до нитки, не в силах пошевелиться от изумления. Затем до нас донеслись зычные раскаты его голоса — он обкладывал мотор в таких цветистых выражениях, каких, вероятно, не слышали в Англии с елизаветинских времен.

Через час Жорже уже спал, Сержио сидел у руля, а я наблюдал за берегом, высматривая дичь. Вдруг я увидел два каноэ — на веслах сидела дюжина гребцов. Каноэ плыли у самого берега, наполовину скрытые свисающими ветвями деревьев.

Подняв целый шквал брызг, мы устремились к ним — выяснить, что это за лодки.

Большинство гребцов были определенно кайяби, но среди них находился какой-то странный индеец — как выяснилось, бакайри. Плыл с ними и богатырь-цивилизато — человек с грубой внешностью, отважным лицом

и густой бородой. Но глаза у него были добрые и понимающие.

— Далеко направляетесь? — спросил Сержио.

— Вверх по реке — хотим застать самолет в Шингу, — последовал небрежный ответ, какой можно было бы услышать из уст хлыщеватого взломщика, пойманного с поличным в пансионе для престарелых дам в Лимингтон-Спа. Если учесть, что такое путешествие требовало дней десять езды на каноэ от места нашей встречи до места назначения, да к тому же еще незнакомец должен был месяца полтора добираться сюда по стране, населенной враждебными племенами, брошенная фраза действительно звучала небрежно.

— Как вы попали сюда?

— По Манисауа-Миссу, с Сан-Мануэла. Это было долгое путешествие.

— А Орlando у журуна вы не видели?

— Нет, мимо их деревни мы проплыли ночью.

Гм! Значит, кайяби предупредили незнакомца о журуна. Так, может быть, клочок бумаги, который я нашел во время охоты на Манисауа-Миссу два дня тому назад, принадлежит не убитым серингейро, как я раньше подумал, а этому человеку? Быть может, он скрывался где-то поблизости?

— Вы не серингейро? — продолжал спрашивать Сержио.

— Да. Я проработал там с полгода, но теперь конец. Еду домой, в Рондонополис возле Куябы.

Сержио решил отпустить незнакомца и на всех парах помчался к Орlando за указаниями. Теперь, когда незнакомец был обнаружен, скрываться было бесполезно — на лодке с подвесным мотором его можно было настичь в любой момент.

— Сукин сын! — бушевал Орlando, тряся бородой. — Если он заставит кайяби войти в Шингу без меня, камайюра убьют их. Индейцев надо вернуть.

Была отряжена лодка. В путь отправились Сержио, Клементи и Пиони, который мог договориться со своими соплеменниками кайяби.

— Если серингейро обещал им за поездку подарки, пусть немедленно раздаст их, а потом может ехать дальше. Но только без кайяби.

Сержио и Пиони взяли ружья, Клементи захватил свой револьвер. Как иностранец, я был лишним.

— Со времен Фосетта,— сказал как-то Орландо,— правительство по горло сыто погибшими в джунглях иностранцами.

Вечером Сержио, Пиони и Клементи вернулись. Судя по их рассказу, дело обстояло из рук вон плохо. Серингейро и его друг, индеец бакаири, благополучно добрались до Диауарума; у них почти ничего не осталось — ни ружей, ни ножей, ни одежды. Все это они отдали кайяби в исполнение своих обещаний. Серингейро был в Диауаруме в безопасности, но он оставил по себе память — один из кайяби заболел гриппом.

— Это самое худшее, что могло произойти,— мрачно сказал Клаудио.

— Может, он просто схватил сильный насморк?

— Я живу в джунглях пятнадцать лет и знаю: ничто не может так задержать экспедицию, как грипп. Люди не могут работать. Индейцы умирают. А мы вынуждены торчать в деревнях и бороться с эпидемией.

Беда была в том, что кайяби пожелают вернуться к себе в деревню. Лекарств у них нет, и смерть будет косить их, как мух. Разгорелся спор. В конце концов сошлись на том, что Клаудио следует остаться, а экспедиция наутро выступит в путь к географическому центру Бразилии. Клаудио будет лечить больных кайяби в лагере у Манисауа-Миссу и постарается удержать индейцев от контактов с журуна, а также от немедленного возвращения к себе в деревню.

Вечером, когда все улеглись, я помогал Клементи жарить пирай на завтрашний день. Сидя у костра, мы наблюдали за рыбами, которые поблескивали над огнем, и время от времени переворачивали их. Клементи рассказывал мне о серингейро.

— У этих людей, Адриано, тяжелая жизнь. Они бедны. Ни одежды, ни ножей, ни пищи, и им говорят, что, если они будут собирать каучук для хозяина, им дадут все это под будущий заработок. У них нет ни семьи, ни дома. И они соглашаются.

Клементи сделал полный драматизма жест.

— Но вот они попадают на место,— Клементи сделал паузу, чтобы поворошить костер,— и оказывается, что все надо покупать в лавке у хозяина, и все там стоит

дороже, чем на реке Арагуая. Чтобы жить в лесу и добывать каучук, человеку нужна одежда, кастрюли, нож, ружье, маниоковая мука, качаса. На Арагуае все это стоит десять конто²⁹, а в лавке хозяина — сорок. И вот серингейро уходит в лес добывать каучук. Да! Он работает там полгода и возвращается, в каное у него каучук. Но на сорок конто его не наберется. И снова серингейро идет в лес. Но для этого ему опять нужны маниоковая мука, новые кастрюли и ножи. А стоит это от тридцати до сорока конто. Он может работать десять лет и так и не расплатиться. Он много работает и мало ест, потому что, если он будет покупать много пищи, он никогда не отдаст долг. А уехать, не заплатив, он не может, потому что хозяин владеет всеми пароходами и самолетами. Иногда хозяин посылает людей, и они бьют его, чтобы он работал лучше, и случается, серингейро убивает кого-нибудь из них и убегает. Так и этот серингейро, которого мы сегодня повстречали.

Клементи принадлежал к тому же сословию, из которого выходили серингейро. Родина большинства этих людей — река Смерти и река Арагуая. Случайное сцепление обстоятельств — и серингейро, которого мы встретили накануне, мог оказаться он сам.

Мы долго сидели у костра.

Глава XIV

МЫ ПРОРУБАЕМ ПРОСЕКУ

Наутро Орландо поднялся рано и забегал между нашими гамаками.

— Вставайте, бразильские лежебоки, если не хотите проспать начало экспедиции!

Вскоре мгла рассеялась, и наши лодки пустились вниз по реке.

Клаудио оставался в деревне журуна, и мы с какой-то странной тоской смотрели на его унылую фигуру, пока она не скрылась из виду.

Через два с половиной дня над головой у нас сияло солнце, под носами лодок весело бурлила вода, мы проехали мимо небольшого островка на реке Шингу. Кара-

ван наш передвинулся с одного листа аэрофотокарты на другой, и мы знали, что линия, прочерченная прямо к востоку от географического центра Бразилии, пересечет реку прямо посередине этой карты.

Мы пристали к берегу километром ниже по течению и принялись за работу.

Лагерь у Орландо, когда он бывал в экспедиции, обычно занимал не более двадцати квадратных ярдов. Выбрав пространство между деревьями, мы при помощи мачете за несколько минут очистили его от кустов и молодой поросли. Опоры для гамаков выбирались с учетом путей муравьев, термитов и пчел. Смотрели, чтобы и ствол дерева не был гнилым. После этого оставалось лишь установить в центре бивака портативную железную решетку для жарения мяса и рыбы. Разбивали лагерь полчаса, снимались за двадцать минут.

Однако Орландо решил основать здесь постоянную базу. Нам предстояло прожить тут почти месяц. «Мы построим отель для туристов», — объявил Орландо. Он выбрал место, где берег поднимался футов на шесть над рекой, а потом переходил в ровную площадку. Мы взялись за топоры и мачете и принялись вырубать подлесок, пока в лесу не образовалась росчисть. Высоко над нами кроны деревьев смыкались, образуя крышу, напоминавшую купол небольшого собора. Вокруг кишели пиуме — мелкие мухи, которые кусают все светлое время суток. Но самые большие муки терпели мы от маленьких пчел, называемых тиуба. Достаточно не двигаться полминуты, и не менее ста таких пчел расползутся у вас по всему телу, за пять минут их будет уже не меньше тысячи, если только человек может не двигаться, когда в рот, уши, нос проникают насекомые. Чтобы отогнать их, мы разжигали большие костры.

На другой день отель был готов! Опорами служили стволы деревьев, стропилами — молоденькие деревья, связанные лианами, а крышу мы сделали, уложив в несколько слоев банановые листья. Рядом была воздвигнута такая же пристройка, предназначенная под кухню. В эти хижины мы перетасили все наши запасы и сложили их на бревенчатый помост, располагавшийся выше уровня дождевых вод. В довершение всего мы свалили в реку высокое дерево — оно служило площадкой для стирки и мытья, с него же можно было купаться. Это

спасало нас от колющих скатов, которые водились в иле у самого берега. Итак, лагерь был построен, можно было приниматься за работу.

Геолог Франклин Гомес, приехав в Капитан-Васконселос, объяснил нам, что географический центр страны определяется таким же способом, как центр тяжести любого твердого тела.

— Вырежьте из карты мира Бразилию и наколите ее на булавку, — сказал он. — Если сделать все как надо, Бразилия будет вращаться на ней как волчок.

В одном из учреждений Рио-де-Жанейро произвели соответствующие расчеты, и теперь Франклину предстояло найти эту математическую точку в огромных неисследованных лесных массивах.

Прежде всего ему предстояло разобраться в существующих картах Шингу, созданных на основании отрывочных сведений, оставленных исследователем XIX века фон ден Штейненом. Реки на этих картах были помещены там, где их не было, а все притоки обозначены пунктирными линиями. Это означало, что они могут с таким же успехом находиться в любом другом месте. Поэтому компания «Проспек» выслала самолет, который сфотографировал эти места с воздуха, а затем совершил несколько вылетов к востоку к Арагуае. Тем самым полученные аэроснимки Шингу были привязаны к координатам уже нанесенного на карту внешнего мира. В результате была составлена новая карта Шингу.

Затем Франклин выступил в поход вместе с нами, и теперь, когда мы находились где-то поблизости от искомого пункта, он должен был соотнести точку, найденную на карте, с реальным местом в окружавших нас неизведанных джунглях. Он прочертил на карте прямую точно на запад от географического центра, по направлению к реке Шингу, и перенес ее на соответствующий снимок. Место, где эта линия пересекла реку, оказалось между руслом пересохшего ручья, стволом дерева, упавшего в воду, и небольшим мысом — все это было видно на увеличенном снимке. И вот наутро третьего дня мы встали в некоем месте на левом берегу Шингу, зная, что точно к западу от нас в семнадцати километрах семидесяти метрах находится географический центр Бразилии.

Раймундо и Клементи взмахнули мачете. Франклин, стоявший за их спиной, установил на треноге компас,

два человека взяли шесты и, согласно его указаниям, поставили их так, что от компаса через них точно на запад прошла воображаемая линия. Оглядываясь назад, рубщики приступили к работе. Мало-помалу в стене джунглей образовалось нечто вроде впадины, которая затем превратилась в просеку, усеянную пнями и поваленными стволами, но строго устремленную на запад. Удалившись от реки метров на сто, мы измерили расстояние и сделали на дереве отметку. Каждый день, в зависимости от густоты джунглей, делалось от четырех до десяти таких отметок. И каждую ночь отряд, прорубавший просеку, останавливался на привал у ближайшего ручья. Так предстояло двигаться почти месяц.

Со временем экспедиция разделилась на группы. Семеро прокладывало путь, от двух до семи человек оставалось на базе — в зависимости от того, сколько требовалось народу для поддержания связи по просеке и сколько людей надо было отправить вверх по реке к Клаудио. Иногда я носил пищу или передавал поручения бригаде наших «лесорубов», иногда ездил к журуна. Но основной моей обязанностью было охотиться и обеспечивать всех мясом. Бразильцы занимались другими делами; на индейцев нельзя было положиться. Если дать, например, Рауни десять патронов, никто не сможет сказать, истратит ли он их на пару свиней, пропит ли целый день или выпалит все сразу, за одну минуту, тренируясь в стрельбе на меткость.

Каждое утро, едва первый луч света прогонял mosкитов, я, свесившись из гамака, нащупывал под собой ружье. Всех забавляло, что англичанин так серьезно относится к своим обязанностям. Патроны, предназначенные для стрельбы по крадущейся пуме, я заменял патронами для дичи. Затем, все еще сонный, уходил в лес.

Через несколько дней я понял, что животные, на которых я охотился, впервые сталкиваются с человеком. Как я понял из рассказов индейцев, их племена почти не наведывались в эту часть джунглей. Трепетный олень замирал в десяти шагах от меня, не зная, опасен ли я для него, как, например, пума. Птицы, которые на земле чувствовали себя беспокойно, сидя на дереве, на высоте двадцати ярдов от земли, полагали, что они в полной безопасности. Черепахи беспечно разгуливали по лесу, так что мы построили около нашего лагеря загон и дер-

жали их там по несколько штук сразу. Мясо в тропиках нужно съедать в течение суток; живых же черепах, как консервы, можно держать месяцами.

Таким образом, побродив с утра пять-шесть часов по лесу, я обеспечивал всех двухразовым мясным питанием. Возвратившись в лагерь, я потрошил и ощипывал птицу. Затем следовали еда и сон, остальное время оставалось свободным. Пожалуй, интереснее всего было посещать одного из воинов тхукахаме. Случалось, он делал себе головной убор из перьев или стрелы. «Садись,— обычно говорил он.— Я буду учить тебя. Потом ты уже не будешь таким невеждой».

Окружавшие нас бескрайние джунгли были владениями тхукахаме, и мне казалось, что Рауни и Беккуче, двое индейцев тхукахаме, участвовавших в нашей экспедиции, за последнее время как будто даже выросли, словно странствующие принцы, вернувшиеся в отеческое королевство. Большую часть времени один проводил с нами на базе, а другой был занят на рубке. При встрече с незнакомыми тхукахаме Рауни и Беккуче должны были предупреждать их об эпидемии гриппа. Они также в какой-то степени служили нам защитой от их соплеменников. «Я друг тхукахаме,— эту фразу Беккуче научил меня произносить на своем языке.— Я брат Рауни и Беккуче. Я друг». Я часто ходил в лес один и, зная, как обходятся тхукахаме с незнакомцами, постарался не забыть это приветствие.

Из всех индейцев Шингу, с которыми братья Вильяс вступили в контакт, тхукахаме представляли наибольший интерес. Они ведут воинственный, кочевой образ жизни и стоят на одной из самых первобытных ступеней человеческого развития.

Питаются они падалью, грифами, пумами, термитами, насекомыми и свиньями шкурами. Но что самое удивительное — они едят землю. Тхукахаме спят на земле, тогда как другие индейцы пользуются гамаками. Стенки их хижин — это просто банановые листья, притянутые к весьма хрупкому остовам. По технике они так же далеки от шингуано, как шингуано — от цивилизованных людей. Тхукахаме настолько первобытны, что у них нет ни каноз, ни горшков, ни музыкальных инструментов, ни тростниковых хижин; в прошлом, отраженном в легендах журуна, у них не было даже лука. В примитивном хозяй-

стве этого племени роль земледелия невелика. Их кочевья рассеяны по огромным просторам джунглей.

Область, в пределах которой кочуют тхукахаме, прервосходит по площади почти любое европейское государство. Родина их находится в глубине Шингу, за водопадом Мартинс, в трех-четыре днях пути от нашей базы, в центре Бразилии.

Самое слово «тхукахаме» на языке журуна означает «люди без луков», но на самом деле тхукахаме — это часть племени кайяпо, которое кочует на южных границах Пары. Между собой они называют друг друга «клановыми» именами — ментуктире и мекрагнотире. Название же «тхукахаме» бытует лишь потому, что с этим племенем братья Вильяс вошли в контакт через посредство воинов журуна.

«В 1946 году мы продвинулись на север в Шингу, — рассказывал мне Орландо. — Тогда-то мы и услышали о племени тхукахаме. Незадолго до этого был убит вождь камайюра и многие журуна. Затем по некоторым признакам удалось установить, что тхукахаме с разведывательными целями подходили к нашему лагерю в Диауаруме, но убежали, испугавшись собак». Наконец, у рек Манисауа-Миссу и Ауая-Миссу братья Вильяс обнаружили тропы и места стоянок этого племени. Братья Вильяс оставили там подарки — с этого начинается знакомство с народом, никогда не имевшим дела с цивилизованными людьми.

Летом 1949 года на одной из песчаных отмелей заметили нескольких тхукахаме — их можно распознать по пятидюймовым деревянным дискам на нижней губе. Но, заметив приближавшееся каноэ, они убежали. «Мы, Адриано, обнаружили их стоянку и тропку вдоль берега реки. Мы оставили им подарки и через несколько дней вернулись туда. Повсюду видны были следы тхукахаме — было ясно, что они возвращались в лагерь. Но подарки наши они не взяли».

Спустя два месяца эти места были вновь обследованы, и обнаружилось, что подарки взяты. Тогда на место исчезнувших предметов были положены ножи и с полдюжины лесок. «Мы уговорили журуна в знак дружбы оставить им свои стрелы и головные уборы. Вначале они не хотели этого делать».

Прошло еще несколько месяцев, и вблизи деревни журуна показался дымок чужаков. В целях безопасности большая часть племени перебралась на песчаную отмель посредине реки, а разведывательный отряд вместе с братьями Вильяс обнаружил свежие следы стоянки. Там оставили новые подарки.

Невероятно медленно угасало чувство вражды в сознании первобытного народа, и лишь через два года тхукахаме впервые с миром вошли в деревню журуна. В этот достопамятный день состоялся обмен нескольких стрел на ножи и орудия, оставленные для них братьями Вильяс.

«Мы пришли туда,— рассказывал мне позже Бибкуче,— много лунных месяцев тому назад, когда я был еще мальчиком. Мы дали журуна стрелы, а они нам — ножи, бусы для ушей и воду из каноэ. (Он имел в виду касири, который содержит алкоголь и является слишком крепким напитком для трезвенников тхукахаме.) Эта вода,— печально сказал он,— не друг тхукахаме. После нее все тхукахаме много дней болели».

Вскоре вернулись братья Вильяс и, пойдя по пути, которым, по их предположениям, пришли кочевники, обнаружили плот из сплавного леса. След от него вел в глубь суши к недавно покинутой стоянке. Снова были оставлены подарки.

В 1953 году, добравшись до старой деревни журуна, разрушенной тхукахаме, Клаудио и Орландо показалось, что в окрестных лесах находятся индейцы. Они принялись звать их. На их зов откликнулись, и сорок воинов тхукахаме с луками в руках вышли на берег. Они были готовы к бою, но выжидали, как поведут себя пришельцы. В этот щекотливый момент журуна отказались переправляться через реку. Тогда братья Вильяс переплыли ее в лодке одни. Они медленно приближались к группе дикарей. Тхукахаме, приняв воинственные позы, стояли на месте как вкопанные. Нельзя было предугадать, каков будет их следующий шаг. Вероятно, никогда не переживали Вильясы более напряженных минут. «Выйдя из каноэ,— рассказывал Клаудио,— я расстегнул пояс, и револьвер мой упал в воду». Мы роздали подарки. Тхукахаме не могли прийти в себя — их трясло от психологического шока, вызванного первым контактом с цивилизованными людьми. В конце концов напряжение

стало для индейцев невыносимым, и внезапно все сорок вооруженных тхукахаме повернулись и побежали в лес.

Позже, в том же 1953 году, встреча, подобная этой, увенчалась успехом, и, наконец, в ноябре деревню тхукахаме посетили первые цивилизованные люди. В порядке взаимности нескольких тхукахаме взяли в Капитан-Васконселос; там-то я и повстречал Рауни и Беккуче, которые были братьями Крумаре — вождя одного из кланов. Они прожили на посту уже месяцев пять и немного говорили по-португальски. Рауни и Беккуче получили от меня подарки: Беккуче я подарил рубашку, губную гармошку и цветной фонарь, Рауни — двенадцать склянок очень душистого масла для волос. «Ойлео, — бормотал он, сияя от счастья, — ойлео сделает Рауни красивым», — и, взяв склянки, побежал прятать их в свой тайник, где он хранил вещи, полученные от цивилизаци.

После этого первого шага наше знакомство на несколько недель заморозилось. Тхукахаме исполняли по дому все, что им велел Орландо, и когда вместо риса к завтраку на столе появлялось клейкое сырое месиво, я знал, что один из них в тот день пробовал свои кулинарные способности. В остальном же, хотя мы жили и работали в одной хижине, они по-прежнему держались отчужденно и безучастно.

Но вот как-то раз Рауни придвинул вплотную ко мне свое широкое лицо и спросил:

— Что это? * — Он показал на ручной компас, которым я пользовался во время охоты.

Недолго думая и зная, что другие индейцы играют на легковерии Рауни, я сказал:

— Это показывает на тхукахаме.

— На мою деревню?

— Да. Посмотри на стрелку. Она глядит на тхукахаме. (Их главная деревня расположена почти точно на север от Васконселоса.)

— Хм... — подозрительно произнес Рауни. — Хм... А зачем тебе машина, которая находит тхукахаме?

— Такая машина есть у всех мигеле³⁰. Они любят кушать тхукахаме. Мигеле много едят.

* Речь тхукахаме очень груба. В этой и последующих главах она лишь немного смягчена по причинам, изложенным в разделе «От автора». — *Прим. автора.*

Рауни затрясся от громового смеха. Такие необузданные порывы веселья доступны лишь первобытным индейцам. Накатавшись всласть по полу и вывалявшись в пыли, он отправился рассказать об этом Беккуче, и диск у него на губе подпрыгивал и гремел, как альпийская трещотка, которой созывают коров. В довершение всего он обнял меня своими ручищами, похожими на медвежьи лапы, и снова, весь сияя, заглянул мне прямо в лицо.

— Я тебя тоже ем,— сказал он.— Тхукахаме любят мигеле.

Мы обменялись проникновенными и пространными комплиментами, и после этого всякий раз, когда я встречал Рауни, лицо его расплывалось в улыбке, он доставал нож и начинал его точить.

— Мне сегодня хочется есть,— говорил он.

Однажды я придумал еще более интересную шутку. Тихонько подкравшись сзади к спящему Рауни, я положил ему под гамак самую большую в Васконселосе кастрюлю.

— Рауни,— позвал я,— будь добр, заберись вон туда.

Несколько минут Рауни беззвучно тряся от хохота; слезы ручьем катились по деревянному диску и, смешиваясь со слюной, падали на землю.

С помощью таких шуток для раннего детского возраста через бездну, разделяющую цивилизованного человека и индейца, был переброшен первый шаткий мостик взаимопонимания.

Рауни, младшему из тхукахаме, было восемнадцать лет. Это был широкоплечий юноша ростом 5 футов 9 дюймов. Длинные распущенные волосы падали ему на плечи. С мочек его ушей свисали, болтаясь, ожерелья из бус, и с самого детства нижнюю губу его растягивали все бóльшие и бóльшие куски дерева, пока, по моим измерениям, губа у него не достигла длины полутора сигарет.

Иногда, когда Рауни купался, диск выпадал у него изо рта, и мне приходилось надевать подводные очки и ласты и отыскивать диск в воде. Между нами установилась своего рода дружба, и тут я увидел, что Рауни общителен, жизнерадостен, говорлив и ему нравится быть со мной запанибрата. При всем том на него совершенно нельзя было положиться, он был бессовестный эгоист и

всячески старался понравиться летчикам, которые прилетели к нам, чтобы получить от них подарки.

Беккуче был лет на семь старше и почти во всем представлял полную противоположность своему сводному брату. У Рауни было гладкое и довольно красивое лицо. У Беккуче, наоборот, было изможденное, антропoidное лицо с каким-то угрожающим выражением. Рауни носил губной диск, а у Беккуче нижняя губа была порвана, и ниже губной щели у него было отверстие. Беккуче умел гортанно произносить лишь несколько португальских слов, был туг на учение и совсем не обладал жизнерадостностью и любознательностью Рауни, которые делали его таким забавным собеседником. Беккуче жил как-то обособленно, он был некрасив, мрачен и редко разговаривал с теми, кто не был его другом. Но прошло несколько месяцев, и мне стало ясно, что Беккуче предан, бескорыстен, мягок по натуре и всегда думает об интересах братьев Вильяс и экспедиции. Убив в лесу дичь, Рауни был готов тут же съесть ее, Беккуче же приносил добычу в лагерь. При всяких задержках и отсрочках Рауни мрачнел, неистовствовал и грозился уйти в джунгли; Беккуче продолжал спокойно исполнять свои обязанности. Он не был ни умным, ни забавным, но обладал необычайно развитым чувством собственного достоинства. Его можно было поставить рядом с Умслопогаасом Райдера Хаггарда или Чингачуком Фенимора Купера, и в жизни он был таким же преданным другом, какими в книгах были его прототипы.

По вечерам в Васконселосе один из них или оба нередко подсаживались к моему гамаку. Иногда они разговаривали, но чаще пели. Однажды Рауни попросил меня «спеть песню мигеле», и я, как смог, спел «Боже, храни короля». «Мигеле не умеют петь», — сказал с состраданием Рауни и с тех пор неизменно развлекал меня пением. У него был прекрасно поставленный голос и музыкальный слух. Ничто не доставляет тхукахаме такого удовольствия, как пение.

— Тхукахаме поют, — говорил он, — когда солнце еще не вышло из-за деревьев, и когда солнце высоко в небе, и когда солнце ложится спать. А потом они поют всю ночь.

— И женщины тоже?

— И женщины, и дети, и мужчины. Ты услышишь, как мы поем, когда придешь к нам в деревню и поживешь у нас. Мы будем петь для тебя.

— О чем же вы поете? — спрашивал я. — Наверное, про охоту, про войну и про то, как вы съели большого тапира и как вам после этого захотелось спать?

— Да, — сказал Рауни. — Мы поем об охоте, о войне и о многом другом. У нас есть песня о маниоке. О том, как мы делаем стрелы, о том, как мы идем домой, добыв мед. Песня о хлебе. Песня о пантере, — и, сплюнув через диск, он низким голосом затягивал песню; все остальные индейцы собирались вокруг и, когда он кончал, говорили: «Красиво». И это было действительно так. Хотя тхукахаме — люди первобытные, они очень музыкальны; стоило Рауни услышать караибскую песню — и он с одного раза мог петь ее.

Таким образом, еще до начала экспедиции между мной и двумя тхукахаме установилось нечто вроде дружбы. Они часто говорили мне, что мы будем делать, когда придем в их родные места.

— Ты пойдешь со мной охотиться, когда придешь в наши края?

— Конечно. А у вас много дичи?

— Много!

— Много?

— Да. Много-много. Олени. Тапиры. И пумы. Пумы охотятся на тхукахаме. Они любят тхукахаме и едят их.

— А тхукахаме охотятся на пум?

— Да. Охотятся. И на черных пум тоже охотятся. Приходи к нам, я тебе покажу. Теперь у меня есть ружье, и я убью много пум.

В ограниченном словаре Рауни глагол «сажать» имел много значений.

— Я посажу тебя, Адриано, в Тхукахаме с рисом и радио. У нас в Тхукахаме нет радио. Я люблю радио и буду сажать рис в поле. Но тебя я посажу прямо-прямо, вот так. — Рауни вытягивался в струнку. — Руки в стороны. Один коршун сядет на эту руку, другой на ту.

— А орел — на голову, да?

— Да, орел сядет тебе на голову, а маленькие орлята на ладони. Я буду приходить и говорить с тобой. Это будет там, вниз по Шингу, где раньше, давным-давно, были плантации журуна.

И вот теперь мы были на базе, неподалеку от тех мест, где все это должно было произойти. То была «Куяба» тхукахаме. Однажды Бекуче и Рауни нарисовали мне ее на песке. Весь полдень мы просидели на банановых листьях, отбиваясь от мушек пиуме. Я заметил, что карты, нарисованные индейцами, очень точно ориентированы, но неточны в смысле масштабов и что все места, обозначаемые вне деревни тхукахаме и в джунглях, связаны с какой-нибудь битвой или резней.

Что касается мест, расположенных к востоку, то мне вспоминается рассказ Рауни о Зеленом лесе. Поскольку меня особенно интересовало отношение индейцев к смерти и войне, я уговорил Рауни рассказать мне об этом.

— Пошел я,— начал он,— к другой воде, вон туда, (к реке Арагуая) и увидел лошадь. Я никогда не видел лошади. Я был очень голоден и хотел ее убить. Но тут подошел карамба, в руках он держал мачете. «Поди сюда»,— сказал он.— Рауни изобразил гневную, надменную гримасу.— Он был очень злой и хотел убить меня,— объяснил Рауни.— Поэтому я ушел и сломал себе палку, чтобы сделать из нее боевую дубинку. Я вернулся назад, а карамба зовет меня: «Иди сюда». Я бросил палку. Она полетела в него,— Рауни показал, как карамба присел,— но задела только его шляпу; шляпа осталась на затылке (в этой части Бразилии шляпы обычно носят на тесемке). Я убежал. Но тут я увидел большую собаку. Тогда я сломал еще одну палку и решил убить собаку. Я ударил собаку. Но она убежала. Тогда я снова увидел лошадь, подбежал к ней с палкой и ударил ее. А лошади ведь очень-очень сильные, Адриано.— В голосе Рауни звучало искреннее удивление.— Я стал бить ее сюда,— он показал на спину,— но лошадь убежала. Потом пришел карамба, он был очень сердит. Я сломал еще одну палку и бросил в него. Но она задела только волосы карамба,— печально закончил Рауни,— я испугался и убежал.

— А карамба умер?

— Нет, он остался жив, но тоже испугался. Я бежал, а вокруг не было леса, одни ровные места. Я бежал и очень устал. Так я добежал до озера и уснул, а потом пришло еще трое.

— Карамба?

— Нет, тхукахаме. Они спросили меня: «Карамба убил тебя?» Я сказал: «Нет». Тогда мы все вместе ушли.

Рауни покинул нас, а Беккуче повторил мне его рассказ и нарисовал карту.

Я знал, что на востоке, в пограничном районе Зеленый лес, тхукахаме занимаются охотой. На юге, насколько я уже разбирался в истории и географии этого племени, тхукахаме имели мелкие стычки с другими индейцами, обитавшими вокруг Васконселоса. Как обстояло дело на западе, я узнал позднее.

На этом наш разговор кончился. Собирался дождь, и я выбежал из хижины, чтобы отвязать от деревьев свой гамак.

В тиши огромного первобытного леса приемник слабо напоминал нам о существовании совершенно иного мира.

«Тодди — идеальный напиток, — вещало радио. — Тодди восхитителен. Питателен. Банка тодди — крепкое здоровье. Тодди перед сном. Тодди по утрам. Тодди полезен детям. Тодди. Тодди. Тодди. Тодди. Тодди».

Лежа в гамаке, Орландо читал при свете свечи дешевое издание «Алого круга» Эдгара Уоллеса. Дилтон возился с электрическим фонариком; Сержио пытался снять шкуру с какого-то зверька, похожего на хорька; а вокруг деловито шелестел лес, как будто все деревья на тысячу квадратных миль вокруг выстроились в очередь, чтобы поглядеть на нас. Вскоре я прикорнул прямо на земле возле Беккуче.

— Дождь — не друг мигеле, — сочувственно прошептал он. А потом, по своему обыкновению, продолжал говорить сам с собой на своем языке.

Глава XV

ПОЧЕМУ ПУМЫ УБИВАЮТ ЛЮДЕЙ

В Шингу сезон дождей длится с декабря до конца апреля. Иногда дождь перестает на несколько часов, а то и на несколько дней; в остальное же время идет ливень, который европеец не в состоянии себе представить. Огромные равнины, как, например, пространство между Васконселосом и Кулуэни, оказываются затопленными — уровень воды поднимается до девяти футов. Песчаные отмели исчезают. Реки выходят из берегов и на

многие мили затопляют джунгли, с корнем вырывают деревья. Животные спасаются на островах; индейцы голодают, передвигаться трудно; в довершение всего свирепствуют москиты.

В мае вода спадает, за месяц песчаная почва впитывает влагу, лес осушается, и индейцы выползают из своих укрытий полюбоваться, как солнце опять золотит песчаные отмели. Наступает благодатная пора. Мы тронулись в путь в сентябре — последнем месяце этого сезона. Погода стояла хорошая. Небо ярко голубело. Тридцать дней на небе не было ни облачка.

Но в первой декаде октября со стороны Атлантического океана стали появляться черные тучки, они проходили над нами, направляясь к Андам. Постепенно в восточной части неба стала собираться темная громада туч, и хотя от нее отрывались, уплывая вперед на разведку, небольшие облачка, основная масса оставалась по-прежнему черной и день ото дня росла и принимала все более угрожающий вид, с каждым утром все ближе придвигаясь к нам. Пять месяцев не было дождей, и Орландо сказал, что новый сезон начнется с урагана. В это время года всегда проносятся сильнейшие бури и грозы. Бекуче говорил мне, что «небо будет кричать и посылать на землю длинный огонь, чтобы убить индейцев». После урагана до самого конца экспедиции несколько раз в день будут налетать резкие шквалы длительностью до двадцати минут, а то и больше, и только в декабре уже по-настоящему польют дожди. Но в календаре Шингу этот первый тайфун — событие огромной разрушительной силы. Разъевшись за пять месяцев привольной жизни, Амазония подвергается жестокой каре. Лес крушит напропалую. Все мы напряженно ждали, когда же прорвется эта грозная плотина на востоке. Именно в это время спариваются пумы. Вообще эта южноамериканская «кошка» не нападает на человека, но в первый месяц дождей по лесу раздается зычный рык, и индейцы говорят, что это два-три самца преследуют самку. Порою ухаживание затягивается на несколько дней, самец не желает уступить самку сопернику, и пумы бывают очень голодны. Голод делает их бесстрашными, и тогда они бросаются даже на людей.

Примерно в это время в лагерь, хромя, вернулся Робар, собака Бекуче. На горле и над глазом у нее

были видны глубокие следы зубов; должно быть, на собаку сзади и справа напала пума и успела укусить ее, прежде чем та вырвалась и убежала.

За этим последовали интересные события, в конце концов приведшие к встрече с пумой.

Однажды — буря все еще не начиналась — я вернулся с охоты и застал в своем каноэ Беккуче.

— Пума голодна и хочет есть тхукахаме, — объяснил он и рассказал, что он шел по берегу реки с луком, высматривая в воде туканаре, и, случайно вернувшись по собственному следу, увидел свежие отпечатки лап пумы. Беккуче пополз вперед, чтобы дожидаться в каноэ меня с ружьем. Весь тот вечер эта пума не выходила у Беккуче из головы.

В другой раз я спокойно возвращался в лагерь после непродолжительной прогулки в лесу, как вдруг увидел наставленное на меня дуло его винтовки.

— Почему ты шумишь так, словно ходит пума? — возмущенно спросил он и, видя мое удивление, добавил: — Я слышу, где-то близко разговаривает пума.

Вокруг гамаков Беккуче разложил сухие банановые листья, чтобы мы проснулись от звука шагов пумы.

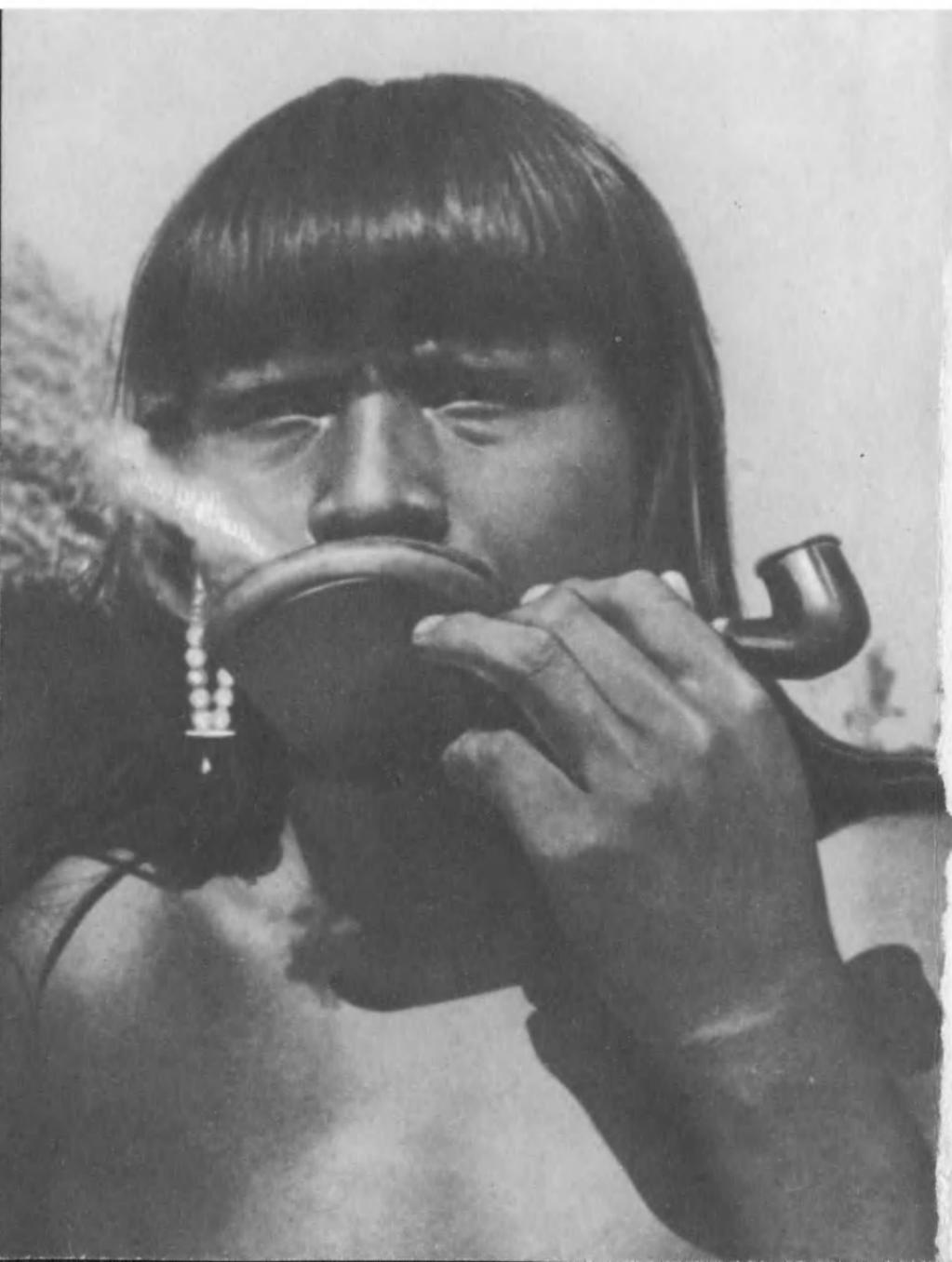
На другое утро я понес нашим рубщикам рыбу и дичь. У меня была и новость для Орландо, которую я услышал по радио. Его друг, поддерживавший идею создания Национального парка³¹, победил на выборах в штате Сан-Паулу.

Часа два-три спустя я заметил, как слева от просеки мелькнуло что-то белое. Я стал всматриваться в густой кустарник и через некоторое время увидел белую, слегка шевелящуюся грудь птицы. Судя по высоте ее плеч, это мог быть хохлатый индюк. Я выстрелил, но, продравшись сквозь кусты, обнаружил огромную птицу, похожую на орла, с размахом крыльев не меньше шести футов и роскошным, блестящим белоснежным оперением. Это был королевский гриф. В Шингу они редки, но довольно часто встречаются севернее, в скотоводческих районах, где вампиры по ночам кусают животных и слизывают текущую из раны кровь. Таким образом от летучих мышей быки заражаются бешенством. Бык, шатаясь, бродит по равнине, преследуемый грифами, пока не падает замертво. Грифы набрасываются на падаль, но вот их король медленно снижается, отесняя

Индеец при католической миссии ест орехи в лесу. Кочевник от рождения, он постоянно на многие месяцы возвращается к своему
прежнему образу жизни

Рауни, индеец тхукахаме, курит трубку, подаренную цивилизованным человеком. Его губной диск имеет четыре дюйма в поперечнике

остальных птиц, которые дерутся друг с другом и рвут на части тело быка. Царственный белый вожак неторопливо приближается, и его черные, более мелкие подданные почтительно отступают. Он трапезничает один и иногда настолько глубоко залезает в брюхо быка, что вылезает окровавленный с головы до ног. Я впервые видел королевского грифа так близко, и меня поразили контраст между его белоснежным оперением и верхней частью его тела: голова и шея были совершенно голые, и, хотя они лоснились на солнце, на них видны были оранжевые, пурпурные и алые клочья гниющего мяса. Они означали смерть. Более мерзкого зрелища я в лесу не видел, и меня чуть не стошнило.

Тут же было и то, что привлекло сюда грифа — остатки недавно убитой, средних размеров сурукуку. Крупные экземпляры этого вида змей достигают шести футов в длину и имеют голову толщиной с человеческую ногу; яд ее убивает жертву быстрее, чем яд любой другой змеи в джунглях. Это единственная в Амазонии змея, которая сама нападает на человека, и кабокло утверждает, что она может передвигаться со скоростью бегущего оленя. Позже я узнал, что на эту змею наткнулся Сержио, идя ночью по тропе с фонарем. Его счастье, что он успел вовремя выстрелить.

На следующее утро идти за дичью было не нужно. У меня было мало патронов для ружья 12-го калибра, и я решил походить просто так с ружьем 20-го калибра, которое мне дали взаймы.

Я вышел на рассвете. Ниже по реке от основного лагеря, там, куда два дня назад ходил Беккуче, начался длинный овраг. Он тянулся параллельно берегу, идти по нему было легко. Я уже несколько месяцев охотился в лесу и, уверовав в свою опытность, шел смело, не осторожничая. Я не столько следил за джунглями, сколько за своими башмаками — они совершенно разваливались, хоть я и связал их лианами. Я всячески вилял, согнувшись в три погибели, среди кустов, лишь бы совсем не разорвать мою выдавшуюся рубашку. Брюки на мне держались при помощи кожаного ремешка от бинокля, патроны позвякивали в единственном уцелевшем кармане штанов.

Я то и дело брал вправо и, как кролик, высунув голову из кустов, всматривался в черный вал туч на вос-

токе, за которым скрывалось солнце. Ветер поднял на реке волны и гнал их к берегу, деревья со стоном крепнулись к земле. Птицы умолкли. По ту сторону реки собиралась гроза, она надвигалась с вышины и должна была вот-вот разразиться.

Через некоторое время я услышал какое-то испуганное сопение, словно человек фыркал носом. Значит, поблизости находится стадо кайтиту (маленьких лесных свиней)³². Они шумно возились по ту сторону плотной стены из терновника метрах в пятидесяти от меня, и я был почти уверен, что они меня не заметили, так как ветер дул в мою сторону. Случай был подходящий, но я им не воспользовался. Из ружья 20-го калибра, заряженного дробью для охоты на птиц, бессмысленно стрелять по свиньям. Я пошел дальше и вскоре уже подкрадывался к стае птиц жакубим, сидевшей на высоченных деревьях — пожалуй, самых громадных из всех, какие я видел в Шингу. Самые низкие их ветви были ярдах в тридцати от земли.

Я выстрелил. Одна из птиц, лениво вспорхнув, улетела. Через несколько минут я выстрелил снова. Улетела еще одна птица. Безрезультатным был и третий выстрел. После четвертого выстрела — они отмечали мой путь по оврагу — я решил, что либо заряды слишком слабы, чтобы с такого расстояния пробить крыло птицы, либо слишком короткий приклад не позволяет мне как следует прицелиться. Я оглянулся, ища, на чем бы испробовать ружье, и чудом, в силу какого-то предчувствия или предупреждения, ниспосланного всевышним, заметил какую-то гибкую золотистую тень, сделавшую два прыжка: она двигалась так быстро, что казалась каким-то мельканием в уголке глаза. Я невольно вскрикнул. Последовал третий прыжок — и я увидел пуму. Еще доля секунды — и она прыгнет мне на плечо. Я снова крикнул, на этот раз уже сознательно, отдавая себе отчет, что именно это мне следует делать.

Почуввав опасность, я сразу стал разворачиваться вместе с ружьем, но зверь двигался столь молниеносно, что к тому времени, когда я повернулся на 180°, он уже застыл на месте в десяти ярдах от меня.

Пума уже явно поняла, что я — не новая разновидность свињи. Кайтиту и кабаны кричат совсем по-другому. Зверь колебался, не зная, что делать дальше.

Я тоже не знал. Хищник стоял шагах в двенадцати от меня, он был крупнее самой большой собаки, которую я когда-либо видел, но все же поменьше тигра или взрослого леопарда. Мне запомнился еще светло-коричневый цвет пумы и ее застывшая поза, словно она окаменела. Я знал, что как раз такую пуму бразильцы называют рыжевато-коричневой и что она меньше черной и пятнистой. Однако, если верить молве, это самая «боевая» из всех пум, она любопытна, способна на самые неожиданные выходки и очень драчлива.

Некоторое время мы неподвижно стояли друг против друга. Я ничего не мог придумать. Пумы редко убегают от человека — в лесу они чувствуют себя хозяевами. Эта же пума, никогда не видевшая человека, судя по всему, была совсем не склонна отступить. «Уползти!» — прежде всего пришло мне в голову. Но отступать было некуда — позади была река. Если бы я двинулся вправо или влево, пума могла бы подкрасться, прячась за гребнем оврага. С другой стороны, если бы мне вздумалось выстрелить ей в сердце и мелкая дробь, которой было заряжено ружье, не сделала бы свое дело, мне пришлось бы иметь дело с раненой пумой. В джунглях нет более страшного противника, чем разъяренная пума, а мои руки и так тряслись нервной дрожью. Убить пуму легко, рассказывали мне потом индейцы. Я узнал, что если пума не напала с первого прыжка, человек может считать себя в полной безопасности. Оказавшись с человеком лицом к лицу, зверь начинает медленно приближаться к нему и, как бы играя, роет лапой землю. Молниеносен лишь ее первый выпад, но она больше не повторяет его. Так как другие естественные противники пумы начинают борьбу с прыжка или нападения, пума не подозревает, какая смертельная сила таится в боевой дубинке, зажатой в вытянутой руке человека. Если бы я не убил пуму выстрелом, я мог бы сделать это прикладом. «Бей пуму по носу. Бум! Нос мягкий. Ружье твердое. Пума спит», — учил меня позже Беккуче. Однако в тот момент, не зная всего этого, я решил выстрелить ей в морду. Если боль ослепит пуму — быть может, она убежит.

Я приложил ружье к плечу. Это, казалось, не смутило пуму. Я прищурил глаз. На пуму мой пристальный

взгляд не произвел никакого впечатления. Я спустил курок — пума исчезла.

Прошло секунд сорок, прежде чем я при помощи мачете вытащил отсыревший патрон. Затем я стал пробираться вдоль берега, с опаской оглядываясь вокруг, и через несколько минут услышал хриплые вопли, походившие на стоны агонизирующего человека. Звуки доносились из леса справа от меня — похоже, зверь уходит к юго-западу.

Я поспешил обратно в лагерь и вернулся со своим ружьем 12-го калибра, заряженным патронами для охоты на крупного зверя,— я хотел избавить животное от бессмысленных мучений. Меня сопровождал Беккуче. Он шел, пристально всматриваясь в следы. Судя по всему, пума выслеживала свинью, и, забыв об осторожности, я едва не наткнулся на нее.

Мы ходили около часу, как вдруг хляби небесные разверзлись. Над джунглями разразился ураган, и шатер леса у нас над головой, казавшийся прочным, как купол собора святого Павла, заколебался, словно началось землетрясение. Гнилые деревья, неподвижно стоявшие больше пяти месяцев, с треском падали на землю; щепки, листья, ветви и целые стволы летели во все стороны, раскачивались в воздухе лианы. Мы словно попали в бомбежку, и вокруг нас рушились небоскребы.

День обратился в ночь. Затем последовало несколько ослепительных вспышек молнии, канонада взрывов, и снова стало светло, как днем. Сначала сквозь просвет в листве мы увидели, как в одном месте небо словно прорвалось, затем, будто в цепной реакции, прорвались одно за другим все облака. У наших ног падали огромные куски деревьев, лианы со свистом рассекали воздух; нас охватил ужас. Как готовые на смерть солдаты, мы ринулись сквозь заслон напрямик в лагерь.

Оставшиеся там люди отчаянно пытались спасти лодки. Могучие волны швыряли их о берег. В двух ярдах от моего гамака на землю рухнул ствол дерева. Пошел дождь. Он хлестал сплошными потоками, словно великий первобытный лес Шингу признавал лишь то, что было под стать его свирепой силе. Крышу из банановых листьев прорвало, пол хижины обратился в реку, а стены ее — в пороги ревушего водопада. Костер зали-

ло, кастрюля с мясом и рисом до краев наполнилась водой. Люди дрожали и жались друг к другу, стараясь не замечать того, что происходит вокруг.

— Дьявольский дождь! — крикнул один из кабокло. — В наказание за то, что мы забыли обычаи наших предков...

Присев возле Беккуче под остатками нашего жалкого крова из банановых листьев, я ждал, когда пронесется ураган. Мне, как на блюдечке, преподнесли пуму, а я?

— Адриано только играет с пумой, — говорил Беккуче. — Адриано играет, как ребенок, — хохотал он, снова и снова повторяя шутку. Привычка индейцев без конца повторять одно и то же подчас весьма действует на нервы.

— Беккуче, а почему пума была зла на меня? — спросил я, желая переменить разговор, хотя эту историю я уже слышал.

— А ты не понимаешь?

— Нет, Беккуче, не понимаю.

— Тогда я тебе расскажу, и ты поймешь.

Как и многие легенды тхукахаме, эта легенда началась традиционно: «Много-много времени тому назад, когда индейцы жили на небесах...» Затем один из индейцев обнаружил нору, вырытую броненосцем³³, и сквозь нее увидел зеленые равнины и заросли джунглей.

«Тхукахаме сделали из лиан веревку, как я тебе показывал, и многие спустились в джунгли вместе с женами, детьми и родителями. Потом злые индейцы оборвали веревку, и тхукахаме не могли уже вернуться обратно. Они остались здесь. В то время, давным-давно, у них не было огня». Беккуче сделал паузу, чтобы подчеркнуть, что жизнь их была крайне примитивной и мало чем отличалась от жизни животных.

Потом, когда сыновья этих людей уже давно умерли, один из тхукахаме ушел в лес со своей красивой женщиной и провел там один, два, три, четыре, пять лун. Затем пришел его свояк и спросил: «Хочешь макао для головного убора?»

— Да, — сказал индеец, — хочу, чтобы макао сделал меня красивым.

— Тогда иди со мной,— и свояк поставил дерево (Беккуче имел в виду деревце с обрубленными ветками, по которому можно взбираться, как по лестнице); индеец влез на скалу и поймал макао.

— Брось мне макао,— сказал свояк.

— Нет,— ответил индеец и бросил вниз камень, который ударил свояка по руке. Свояк сильно закричал, очень разозлился и убрал дерево, и индеец не смог спуститься вниз.

— Так, Адриано, индеец сидел на высокой скале и стал очень тонким. Прошло много дней, пришла пума, которая охотилась с луком и стрелами и убила тапира. Она увидела тень индейца и попробовала схватить ее. Подпрыгнула раз и попробовала схватить. Подпрыгнула другой, потом положила тапира на землю и посмотрела вверх.

— Сойди вниз,— сказала пума.— Я накормлю тебя мясом тапира.

Но индеец боялся.

— Я боюсь тебя,— сказал он.

— Не бойся,— отвечала пума.— Я люблю тебя. Брось мне твоего макао.

Индеец бросил ей макао, и она съела его. Тогда индеец еще больше испугался.

— Иди сюда,— сказала пума.— Я люблю тебя.

Индеец сошел и направился к дому пумы. Пума дала ему оленя, свинью, тапира и муравьеда, чтобы они их ели. У них был огонь, и женщина-пума варила пищу.

Через месяц женщина-пума сказала: «Я не люблю тебя, индеец. Ты ешь оленя, свинью, тапира и муравьеда, а не работаешь. Уходи».

И вот индеец пошел к пуме после охоты, и они вместе плавали в реке. Индеец рассказал пуме, как женщина-пума разозлилась на него. Пума сказала: «Я больше не люблю женщину-пуму. Можешь убить ее. Пойди в лес и сделай лук».

Тогда индеец сделал лук и одну прямую стрелу. Утром, когда пума ушла на охоту, женщина-пума проснулась злая. «Ты ешь оленя и свинью, тапира и муравьеда, а не работаешь»,— сказала она. Тогда индеец взял лук и выстрелил ей прямо в грудь. Потом он взял корзину, положил туда оленя и свинью и вернулся в свою деревню.

Индеец проспал ночь в доме своей матери, а потом сказал ей: «Ты женщина тхукахаме, а у тебя нет огня. У женщины-пумы есть огонь. Он очень красивый. Он согревает меня и варит мясо». Он поговорил со многими мужчинами тхукахаме, и все они пошли к дому пумы и украли огонь.

— Вот почему,— закончил Беккуче,— пума зла на людей.

Глава XVI

ПОСЛЕДНЕЕ ЭЛЬДОРАДО

Большую часть сентября и октябрь мы провели в джунглях, прокладывая тропу к центру Бразилии. Ярд за ярдом продвигались мы все дальше к западу, и каждое утро я уходил охотиться в новые места, надеясь найти озеро или холм — так надоело мне однообразие тропического леса. Джунгли неизменно встречали нас сыростью и грязью. Растения, сдаваясь под натиском мачете, казалось, с удвоенной быстротой росли над нами, под нами и вокруг нас. Деревья обволакивали нас, как сам воздух. Непрерывно, словно шум городского транспорта, капала с листьев вода. Солнце мы видели редко, нас одолевали москиты, и, в отличие от конкистадоров или первооткрывателей, никакая великая цель не вдохновляла нас на еще большие усилия. Альпинист с вершины горы созерцает прекрасную панораму, нас же в центре Бразилии ждали одни лишь деревья. Писарро, Орельяна и Кортес³⁴ шли вперед в надежде, что их мечты станут явью, нашей же целью было развеять последнюю великую легенду. Мы просто выполняли свою задачу.

Однажды ночью мы качались в гамаках, и я стал размышлять о значении нашего путешествия, о том, что на нашей планете всегда были не нанесенные на карту земли, с которыми человек связывал свои несбыточные мечты. Несколько квадратных дюймов белых пятен на карте человеческого воображение населило затерянными городами, живыми динозаврами и горами золота. А может, они действительно там есть? Мы были

призваны развеять эту легенду. Мы наносили в лесу поражения крупнейшему из оставшихся на земле белых пятен и величайшей химере из всех когда-либо существовавших. Смерть джунглям. Смерть легенде. Смерть. Слово это, казалось, звучало на всем протяжении нашего пути — смерть последнему Эльдorado. Я провел по телу рукой: в тот день я снял с себя 168 клешей; за многие месяцы пребывания в джунглях это движение стало инстинктивным и не прерывало ход мыслей.

В ту ночь мне думалось, что начиная с Колумба и Генриха Мореплавателя люди стремились разбить фантастические представления средневековых мечтателей о нашей земле. Прекрасная легенда об Атлантиде была уничтожена Диасом, миф о Северо-западном проходе развеяли последователи Гудзона. Капитан Джеймс Кук установил действительные размеры Terra Incognita Australis, а Стэнли и Ливингстон положили конец разговорам о копиях царя Соломона и Джоне Престере³⁵. Год за годом представления о мире все больше приходили в соответствие с реальностью, и даже такие магические названия, как Самарканд или запретный город Лхаса³⁶, лишились романтического ореола. На земле не осталось ничего неизведанного, кроме одной большой области, дававшей пищу воображению: леса Амазонии, страна Эльдorado³⁷.

Почему, дивился я, с этими гнетущими джунглями связано столько легенд и химер? Уж не потому ли, что это самая труднодоступная область на земле? Быть может. Или потому, что только тут европейцы нашли неведомые цивилизации, накопившие несметные богатства? Возможно. Кортес захватил в плен Монтесуму³⁸ в городе похожих на пирамиды дворцов, обгаренных кровью человеческих жертв. Писарро видел вымощенный камнем зал, полный золота — выкуп за правителя инков.

Не удивительно, что Амазония стала колыбелью легенд и на протяжении четырех столетий люди искали здесь страну Эльдorado — близкую родственницу городов инков.

«Маноа, столица Гвианы, которую испанцы называют Эльдorado, по своему величию, богатству и прекрасному местоположению намного превосходит любой город мира», — повторял я в тиши строки Рэли³⁹. Импе-

рия муз. Столица омагуа. Город амазонок. Я медленно произносил эти слова, как и подобает произносить названия легенд, сведших в могилу десять тысяч человек. Амброзио де Альфингер, Бартоломе Сайлер, Георг фон Шпайер, Себастьян де Белалкасар, Николас Федерманн, Филип фон Гутен, Педро де Урсуа, братья Кесада, Беррио, Николас Мартинес, Винсенте де ла Фуэнте⁴⁰. Эти люди предстают перед нами в сомнительном ореоле пиратской славы. Полковник Перси Гаррисон Фосетт. Его имя тоже поражало воображение — он был последним из великих мечтателей, ушедших в джунгли на поиски сказочных городов. Фосетт пришел в страну Шингу, и каменная башня, первая цель его путешествия, находилась на карте почти в том самом месте, где расположился теперь наш лагерь. Это было в 1925 году. В то время еще не были открыты дороги Новой Гвинеи, водоразделы на границе Венесуэлы и Гвианы, долины Юнани и Тибета, но это были лишь небольшие участки земной поверхности. В остальном свет был уже исследован. И нигде на всем земном шаре, кроме Шингу, не могла укрываться затерянная цивилизация. Исчезновение Фосетта лишь придало загадке трагический колорит.

Но уже недалек тот день, когда мачете вырубят последние метры семнадцатикилометровой просеки, и этот день будет апогеем пятнадцатилетней эпопеи братьев Вильяс. Он сотрет на карте последнее белое пятно и нанесет окончательный удар великой химере прошлого. Лес будет побежден, и отныне в мире не останется места ни для Фосеттов, ни для Эльдорадо. Неисследованные места и затерянные племена по-прежнему останутся во владениях Орlando, но своим путешествием мы докажем, что любое из этих мест можно исследовать силами одной экспедиции и что изоляция индейцев — это результат сознательной политики, а не следствие недоступности этих краев. Прорубая дорогу к пункту, выбранному математиками в Рио-де-Жанейро, мы тем самым докажем, что джунгли не в состоянии утаить что-либо от бразильского народа. Крепость Амазонии должна сдаться, и великим девственным лесам, бросавшим вызов человеку дольше, чем Гималаи, Антарктика и Сахара, подобно всем этим областям, предстоит покориться цивилизации. Меня эта мысль не

вдохновляла. Я тихонько качнул свой гамак и спустя несколько минут уснул, убаюканный жужжанием москитов за противомоскитной сеткой.

В полночь пошел дождь. Мы все перебрались в хижину и улеглись на полу.

* *
*

На следующий день сразу же после завтрака по просеке в лагерь прибыл Клаудио Вильяс Боас. Он появился совершенно неожиданно, пройдя пешком от берега реки. Выглядел он усталым и измученным. Путь от деревни журуна, на который основной отряд, передвигавшийся на моторных лодках, потратил два дня, он с двумя индейцами проделал на каное за два с половиной дня. Они плыли днем и ночью.

Вместо приветствия бледный, осунувшийся Клаудио схватил и стал ощипывать индейку, которую я только что принес.

— Плохи дела, Адриано. Журуна перезаразились гриппом.

С каждой его фразой с индейки слетали перья.

— У четверых воспаление легких. Один харкает кровью. Я очень этим обеспокоен. Понадобится весь пенициллин и витамин С, который я смогу взять у вас.

Через полчаса индейка была сварена и разодрана на куски. Затем Клаудио и его провожатые отправились в обратный путь, забрав лекарства и подвесной мотор. Жорже поехал с ними в качестве механика.

Через несколько дней Пиони, Жозе и я последовали за ними в алюминиевой лодке. Самолет Центрального бразильского фонда, который мы так долго ждали, пролетел наконец вдоль Шингу, нашел нас по лодкам, причаленным у основного лагеря, и сбросил записку. Через десять дней нам назначалась встреча в Диауаруме.

Нас послали вверх по реке; до встречи с самолетом мы должны были помогать Клаудио лечить журуна.

Путешествие было долгое и опасное. Сильный ветер так и норовил вышвырнуть нас из лодки на съедение пирайям, и в деревню мы приехали вымотанные и насквозь промокшие. И все же я был пронизан ощущением величия природы — беспредельного водного пространства, горячих песков, безграничного небосвода и

земли, гордой своим необъятным одиночеством. Всеми этому мрачная, убогая лагуна Клаудио, в которой разместились лазарет, являла жуткий контраст. В запущенной хижине висели грязные гамаки. Старая печурка, сооруженная из жестяной коробки, бросала на стены слабые блики пламени. В грязных гамаках лежали в грязных одеждах больные кайяби, всем своим видом показывая, что они больны; от их звериной жизнестойкости, которая придавала им столько благородства, не осталось и следа. На полу в беспорядке валялись луки, дрова, кастрюли, остатки пищи.

К нам подошел Клаудио, весь грязный и до того отошавший, что одежда на нем висела мешком. Он с радостью схватил птицу жакувим, которую мы подстрелили по дороге. «Хорошо, сгодится на завтрак».

Я сосчитал людей. Один, два, три... пятнадцать — а птица была не больше курицы.

Немного погодя, когда все мы уже лежали в гамаках, Клаудио рассказал нам, что у журуна и кайяби дела плохи: большинство людей больны гриппом, некому охотиться, некому съездить в каноэ на плантацию за продовольствием. Он собрал всех кайяби с Манисауа-Миссу в одну хижину; журуна занимали неподалеку три других. Сам он ежедневно совершал обходы, делая уколы и давая индейцам витамин С, но все остальное время неотлучно находился при больных. У всех, кто болел воспалением легких, кризис уже прошел. Но, несмотря на все предупреждения и повышенную температуру, индеец мог в любое время дня и ночи отправиться к реке, чтобы охладить в воде горящее тело, и тогда все начиналось сначала.

Следующие четыре дня я почти непрерывно охотился. По ночам не переставая шел дождь; на рассвете, среди отвратительной мокроты, мы отправились в путь. Взмах веслом, снова взмах и снова. Путь предстоял долгий, и я не делал энергичных движений веслом, а лишь слегка выносил его немного дальше колен, торчавших над невысокими краями каноэ. Я сидел, поджав ноги, на узком дне, позади меня сидел Сирири, воин журуна. Когда я впервые пришел к ним в деревню, мы пошли с ним на охоту, и я знал его не хуже Калуаны.

Однажды утром, когда мы подъехали к берегу, Сирири взял топор, чтобы вырубать мед из ульев диких

пчел, а я отправился искать дичь. Дождь шумно барабанил по листве деревьев, и это было все равно что охотиться среди дымовой завесы. Я не мог услышать ни крика, ни движения своей жертвы, а она не могла услышать меня. По этой причине я упустил тапира — ценнейшую добычу, которую можно было бы принести в деревню.

Как-то раз я до полночи прождал его, висая в гамаке между ветвями в сорока футах от земли. Совершенно случайно — так встречаются два корабля в тумане — я увидел его огромную тень, двигавшуюся среди других теней в двадцати ярдах от меня. Лишь когда она исчезла за серой завесой дождя, я выстрелил в отчаянной надежде перебить зверю сухожилия задних лап, но промахнулся. Позже Сирири наткнулся на стаю индеек. Птицы закричали, заметались, и в поднявшемся переполохе Сирири подстрелил двух, а я шестерых индеек. Распределив их между жителями деревни, мы на время решили проблему питания.

Журуна поправлялись, и хлопоты доставляли нам теперь в основном кайяби. Они недолюбливали журуна и были недовольны тем, что их не отпускают назад в их деревню. Не имея ни малейшего представления о том, как распространяется зараза, они никак не могли взять в толк, зачем их принуждают оставаться здесь. Лишь благодаря многолетней дружбе с ними Клаудио мог заставить их делать то, что они считали бессмысленным и неприятным.

Вначале необходимо было заставить больных с высокой температурой лежать в гамаках и беречься от простуды, а не ходить в ливень на охоту и рыбную ловлю. Но после того как индейцы привыкли к мысли о том, что они больны, ничто не могло заставить их обслуживать себя. Лежа по двое в сдвоенных гамаках, они преспокойно искали клещей в голове друг у друга. С обоих концов из-под одеяла торчали их головы, создавая впечатление, будто в этой индейской хижине стоят причудливые паровые ванны на двоих. Несколько человек уже выздоравливало, но пищу по-прежнему приходилось готовить нам. Механик Жорже ежедневно три-четыре часа толоч кукурузу, превращая ее в мелкую пыль, которую варили в воде. Получалась безвкусная, но съедобная каша. Кайяби не вызывались

помочь нам, а приказывать им сделать что-либо было бы нецелесообразно.

Клаудио сказал мне, что эпидемии производят большие опустошения в Шингу, так как приходится бороться не только с болезнью, но и с больными. Если за больным индейцем не присматривать, он не будет лежать спокойно, принимать пищу и, стоит только отвернуться, непременно выплюнет лекарство. Лишь уколы, которые болезненны, связаны с хлопотным процессом стерилизации и сложны сами по себе, внушают индейцам уважение как магическое средство, интересное и в то же время всесильное. Тем не менее все мы чувствовали, как их недовольство волною разливалось по грязному полу хижины, перехлестывало через ящики, кружило вокруг гамаков и плескалось вокруг нас. Больные кайяби тосковали по дому и, не желая понимать, что мы стараемся для их же пользы, оказывали ребяческое неповиновение своим нянькам.

Это начало раздражать даже Клаудио.

— Вылезай из гамака,— сказал он как-то утром одному из воинов,— если ты был болен несколько дней назад, то еще не значит, что теперь ты не можешь встать и сделать два шага, чтобы взять еду. Сын мой кайяби, неужели ты думаешь, что я все время буду кормить тебя, как мать? — и, повернувшись к нам, воскликнул: — Народ мой! О мой народ! Наказание мне с вами!

Где-нибудь в другом месте слова эти прозвучали бы напыщенно, но только не в этой хижине. Здесь недовольство индейцев сочилось, как ядовитый газ, через бездну непонимания, которая пролегала между двумя цивилизациями. Клаудио поступал подобно Флоренсу Найтингейлу, и я бы понял индейцев, если бы он напустил на себя святость и непоколебимую убежденность в божественной правоте своих поступков. Мы всегда благодарны милосердным людям, но в глубине души, под лоском христианства и цивилизации, ненавидим их святость. Однако этот толстяк в грязной, висящей мешком одежде на фоне всего этого убожества производил такое безотрадное впечатление! Он не питал никаких иллюзий и знал, что если и спасет сейчас индейцу жизнь, то через несколько лет индеец все равно погибнет от последствий его же деятельности. Он не просил

ни признания, ни даже помощи... Я не мог бы его ненавидеть. Но, быть может, индейцы смотрели на все иначе. Раньше гордый индеец считал себя властелином леса; теперь он был обязан жизнью чужестранцу. Горько было сознавать это.

Мы со своей стороны хранили молчание, окунувшись в атмосферу безысходности. Мы знали, что нашими стараниями кайяби скорее всего выживут, но это было все равно что выхаживать человека, который совершил попытку к самоубийству и намерен повторить ее, как только поправится. Недовольство и непонимание со стороны индейцев имели гораздо более глубокие причины, чем болезнь. Тут перед нами во всей полноте вырисовывалась проблема вымирания индейской расы. Мы старались помочь им, как могли, и знали, что усилия наши почти наверняка напрасны. Словно врачи в больнице для зачумленных, мы строго выполняли свои обязанности. Это была скучная жизнь. Работа и каменные лица. Сердитые молодые люди и горячие тирады — это возможно только там, где есть надежда.

Через несколько дней эпидемия почти прекратилась, и Клаудио решил на следующее утро обозначить где-нибудь на песчаном берегу в районе основного лагеря посадочную дорожку. Остальные должны были подождать еще день, а потом идти в Диауарум и сообщить летчику о перемене в наших планах.

Вечером, перед тем как расстаться, я принес из джунглей несколько птиц.

— Одну из них, — сказал я, — я убил специально для вас, Клаудио. Возьмите ее на дорогу.

Я глубоко уважал и любил Клаудио за его благородную деятельность по спасению индейцев. Это был один из тех пустяков, которыми я мог помочь ему.

— Нет, Адриано, нет. Оставьте ее себе. Она нужна вам самим.

— Бог с вами, Клаудио! Вы же не можете уйти на несколько дней в джунгли без пищи. Что вы будете есть в пути?

Глупо было говорить это.

— Пища? А зачем мне пища? Пища есть и в лесу. Со мной пойдут два индейца. Они будут ловить рыбу, а у меня есть револьвер. Бах! — и готово. Как-то раз

я шел по лесу двадцать восемь суток, имея при себе лишь ружье. В пути нам часто не хватало еды. Только у Жозе (это был другой Жозе, не тот, что участвовал в нашей экспедиции) не кружилась от голода голова. Все остальные не выдержали. Людям со мной очень трудно. Во время дождя обычно тошнит. Каждый тащит на плечах по шестьдесят фунтов поклажи по тропе к тому месту, где идет рубка. Никаких обедов, и все время дожди. Боже! Какие это были дожди! Дождь идет всю ночь, а укрыться негде. Соорудить хижину из бамбуковых листьев нет времени. А потом работа натошак в грязи. Люди умирали. Одного мучили ужасные боли в желудке, и, прежде чем мы успели достать в лагере лекарства, он скончался. Ты живешь ужасной жизнью, и у тебя нет никакого идеала, который поддерживает тебя, как на войне. Во время дождей самолеты не могут приземляться, и продукты сбрасывают на парашютах. Но мне это не нравится. Военная авиация не бакалейный магазин. Часто бывало так, что только трое оставались на рубке, а четверо отправлялись на охоту. Охотились целый день. Люди говорили, что голод мешает им работать. По утрам им нужен кофе, иначе они падают от головокружения. Посмотри на Клементи. Это, наверное, самый крепкий из всех, кто у меня есть, но стоит ему два дня не поесть — и он никуда не годится. Все люди разные, и надо знать сильные и слабые стороны каждого. Мне, например, пища не нужна. Я могу по нескольку дней обходиться без нее.

Маленький, бледный, одутловатый человек продолжал свой рассказ, и я подумал, что его необычайная выдержка — должно быть, в какой-то степени результат гордости за самого себя. Хотя Клаудио и скромный человек, с ним следует обходиться очень тактично, чтобы не задеть ту основу, на которой покоится эта выдержка.

В конце концов все уладилось — мы сварили птицу и приправили ее рисом. На другой день Клаудио с двумя журуна ушел, захватив ее с собой в котелке, а еще через день Пиони, Жозе и я отправились в алюминиевой лодке вверх по течению к Диауаруму. Мы встретили самолет и сказали пилоту о необходимости

сделать посадку на песчаном берегу, самолет взмыл в воздух и взял курс на север.

Мы ждали целые сутки. Самолет все не возвращался. Тогда мы решили, что произошла авария, и отправились на поиски.

Проходили часы, подвесной мотор гудел и фыркал, а мы тревожно всматривались в джунгли, тянувшиеся по обоим берегам реки.

Наконец мы добрались до деревни журуна. Пока мы размышляли, можно ли взять на буксир каное с кайяби, которые уже выздоровели, и провезти их часть пути вверх по Манисауа-Миссу, послышался шум мотора. Самолет летел на восток.

— Пилот,— сказал Жозе,— должно быть, повредил шасси при посадке. Теперь он починил его и летит домой.

Журуна что-то весело прокричали. Солнце вышло из-за туч, и, казалось, теперь все было в порядке. Эпидемия не унесла ни одной жизни; самолет цел.

Но шум моторов самолета напомнил нам печальный факт. Остановившись на несколько минут в Диауаруме, летчик сказал нам, что в Васконселосе снова вспыхнула эпидемия гриппа, и рабочие в отчаянии. Грипп уже унес первые жертвы. Среди них был один аветиец и вождь куйкуру.

* *
*

Четырнадцатого октября не произошло ничего особенного, лишь два усталых рубщика очистили от зарослей семидесятый метр после семнадцатого километра и достигли географического центра Бразилии. Руки у них были в волдырях. Вокруг не было ничего, кроме деревьев.

В этот момент я ехал по реке, возвращаясь из деревни журуна, но позже узнал, что бригада рубщиков собралась в джунглях поговорить об успешном окончании работы. Люди безучастно смотрели на окружающие их деревья и растения — им пришлось столько работать, чтобы добраться сюда. Орландо сказал, что джунгли тут очень густые и их небольшой группе не под силу вырубить тысячеметровую посадочную площадку. Он решил сделать здесь лишь рощицу разме-

ром 100 × 50 метров. Она будет видна с воздуха лет пять, если не больше. Затем экспедиции придется выжечь посадочную площадку километрах в пятидесяти к северу, на обширной равнине, которую обнаружили с самолета. Она станет базой для следующей, более многочисленной бригады рубщиков.

Усталые люди вновь принялись за работу. Два дня потратили на расчистку площадки, и справа от центра ее осталось лишь огромное дерево жатоба. Мы прибили к нему куски жести, а рядом вогнали в землю столб, на котором значилось, что тут находится географический центр Бразилии. Кто-то предложил также закопать в землю бутылку с запиской, перечисляющей имена всех участников экспедиции. Затем партия стала собираться в обратный путь.

Я повстречал их на следующий день, когда шел по просеке из основного лагеря. Быть может, оттого, что я провел несколько дней на широкой реке, где свет солнца резок, лица рубщиков показались мне болезненно-желтыми. Все они были грязные и потные. Циновки и котелки, которые они несли, вряд ли можно было назвать имуществом. Я добрался до центра и обнаружил на земле под навесом из банановых листьев Сержио и Жорже. В тот вечер мы пообедали птицами, подстреленными мною и ими. Потом Сержио разрядил в жатобу свой револьвер.

— Зачем ты это, Сержио?

— Не знаю.

Мы сделали несколько снимков, чтобы запечатлеть это историческое место. Оно выглядело так, словно в покрове леса проделала дырку бомба. На следующее утро мы отправились назад, к основному лагерю. Сержио шел медленно — башмаки его были изодраны в клочья.

В последующие два дня ничего особенного не произошло. Шел дождь, и мы почти не вылезали из гамаков.

— Прогресс. Прогресс. Прогресс,— говорил Клаудио, ни к кому не обращаясь.— Мы — символ прогресса. Наш президент Кубичек построил нашу столицу Бразилиа на краю величайшего в мире леса. Мы, его солдаты, донесли прогресс до сердца леса. Прогресс. Прогресс. Уф!

Незадолго до начала экспедиции к центру Бразилии я побывал в новой столице и видел здания, построенные Нимейером, одним из крупнейших архитекторов современности. Мне показали новый Дворец президента — величественное современное здание с бассейном для плавания и кинотеатром, сочетание стекла и бетона. Здание палат ассамблеи было запроектировано в форме полушарий.

Часовня президента по проекту была такой сложной конической формы, что, прежде чем стали возводить само бетонное сооружение, построили в натуральную величину его деревянный макет, и я его видел. Современный отель и ночной клуб со всеми новейшими удобствами. Когда предприимчивая рекламная фирма подарила президенту слона, он заложил зоологический сад. И хотя я посетил Бразилиа, когда ее только начинали строить, чувствовалось, что город этот уже стал стимулом развития страны. Один американец, имевший ранчо неподалеку от Бразилиа, сказал мне, что принадлежащие ему 60 тысяч акров земли, которые десять лет тому назад стоили два миллиона американских долларов, теперь можно продать в Европе или Америке за 14 миллионов долларов.

— Так вы продаете землю иностранцам? — заметил я.

— Меня не интересует, кому я ее продам. Меня интересует, за сколько я ее продам, — возразил он.

— Вытекает ли прогресс как следствие из богатства? — спросил Клаудио в тот день, когда мы достигли географического центра. — Или мы добьемся чего-то более реального, если хотя бы одно племя, пусть даже ненадолго, перестанет вымирать? Это было бы действительно достижением и для вас, и для меня, и для всех цивилизованных людей.

Чтобы услышать оригинальное мнение по этому поводу, я пошел к Рауни и спросил его, что мы делали в джунглях все это время. Тхукахаме ответил не сразу.

— Может быть, карамба, — сказал он наконец, — когда-то давно жили здесь и что-то потеряли, а теперь пришли отыскать. Но наверняка я не знаю, наверное, это было очень давно, еще до рождения моего отца.

Глава XVII

ОТ ПОРОГОВ ВНИЗ ПО РЕКЕ

Прошло еще несколько дней, и четыре лодки, в которых разместились участники экспедиции, доплыли до водопада Мартинс.

— Послушай,— сказал Рауни,— бешеная вода.

Вскоре Сержио вывел лодку на спокойную воду. Река текла мимо плоских камней, которые словно образовали набережную, и Орландо звал это место Портом тхукахаме.

Пока лодки причаливали, я осматривал окрестности.

К востоку и западу виднелись первые два холма области Шингу, словно сама природа поставила по обе стороны реки часовых, и я вспомнил, что начиная от этих порогов наносная речная долина резко меняет свой характер. На сотни миль к югу в направлении Васконселоса тянется ровное плато, река вьется между песчаными берегами, и нигде не видно скал, но у водопада Мартинс река входит в гористую страну, срывается с плато северного Мату-Гросу и впадает в бассейн Амазонки. Река бурлит на порогах, меняет цвет от безмятежно зеленого до угрожающе серого. Песчаные берега уступают место каменным плитам. Здесь северная граница «Куябы Орландо». Длинная цепь порогов и водопадов служит барьером, ограждающим Шингу, и поэтому до недавнего времени река эта оставалась единственным неисследованным притоком Амазонки.

— Я играл здесь ребенком,— сказал Рауни.— Отец ловил рыбу, мать собирала бананы, а мы с братишками играли у воды.

Оказалось, в нескольких минутах ходьбы от места нашей высадки есть рощица, где стоит деревушка и расположена банановая плантация. Если пойти по тропе на запад от этой деревушки, за два дня можно добраться до оплота тхукахаме.

Рауни и Бебкуче пошли на разведку.

Через час они вернулись. Их грубые первобытные лица были необычайно угрюмы. Они принесли плохую весть. Деревня была пуста. Ее давно оставили, а тропа

к основному поселению заросла. Пришлось держать совет. По мнению братьев Вильяс, тот факт, что «порт» заброшен, означал лишь, что главную деревню, которая расположена глубоко в джунглях, оставили в результате очередной вспышки межплеменных распри. Орландо добавил, что тхукахаме почти непрерывно то замирялись — и это было для них благотворно, — то вновь начинали кровопролитные распри. Люди, с которыми мы хотели вступить в контакт, могли быть рассеяны на территории, равной по площади зоне действия водородной бомбы.

Посоветовавшись, мы решили ехать дальше вниз по реке, чтобы дать возможность Франклину завершить геологическую съемку, а затем искать в джунглях тхукахаме, пока хватит продовольствия. Устроив временный склад и сложив на нем большую часть припасов и снаряжения, мы на следующий день взяли путь на север.

Перед нами была спокойная водная гладь, как вдруг все исчезло. Послышался рев воды. Он все время усиливался. Наши лодки заскользили быстрее.

— Ничего страшного, — сказал Орландо, ни к кому не обращаясь. — Мы с Клаудио спускались через пороги и раньше, а журуна всю жизнь плавают здесь на своих каноях.

Наш караван несся вперед, небо заволокли тучи. У руля нашей лодки сидел Сержио, лоцман — индеец журуна Питсакар — стоял на носу. Указывая то влево, то вправо, он помогал нам лавировать между камнями. Орландо и Клаудио, казалось, нисколько не беспокоились.

— Туда! — кричал Орландо. — Вон к тому камню! Нужно осмотреть водопад. — Лодка устремилась к груде камней у края пропасти, где река, совершая прыжок, исчезала. От стремительного потока нас отделяла полоса спокойной воды, и Орландо с Клаудио стали обсуждать, как ехать дальше, показывая на возможные проходы между скалами и бурлящей водой.

Грозная картина порогов была отлично видна с нашего места. Почти под нами вода с шумом низвергалась с каменного выступа и с грохотом устремлялась вниз, прыгая по каменным ступеням, и лишь в 600 ярдах ниже постепенно успокаивалась. Водопад выглядел цепью гигантских террас, погруженных в море и бичуе-

мых зимним штормом. Ширина реки тут всего полмили, течение загромождают скалы и островки. Во всем Шингу не найдется более захватывающего зрелища. В воздухе стоял гул, река резвилась, как уличный мальчишка. Но сосредоточиться на созерцании красот было нелегко. Я со страхом рисовал в своем воображении, как наши тяжелые каноэ и неуклюжие лодки будут вести себя, когда им придется прыгать среди скал и пены, приспособиваясь к резким переменам в настроении реки.

Через пятнадцать минут мы уже мчались вниз. Сержио решил двигаться по диагонали через стремительно летящий поток. Питсакар на носу скомандовал влево.

— Влево! — передавая команду, закричал Франклин, сидевший посреди лодки. — Питсакар показал влево!

— Влево, — сказал сидевший на корме Клаудио, желая придать вес этому распоряжению, — Питсакар показал влево.

— Вы говорите влево? — вежливо осведомился Сержио.

— Влево, — показал Питсакар.

— Влево, — сказал Франклин.

— Влево! — приказал Клаудио.

Мы взяли влево. Лодка стремительно понеслась под уклон, зеленая гладь внезапно исчезла, ослепительной белизной засверкала пена.

— Выключай мотор! — крикнул Орландо. — Впереди скалы!

— Вправо! — показал Питсакар.

— Вправо! — закричал Франклин.

— Мне кажется, незачем выключать мотор, — сказал Клаудио. — Я помню, в прошлом году, когда...

— Что вы сказали? — прокричал Сержио, стоя у руля.

— Вправо!

— Выключай!

— Не выключай!

Мы мчались вперед. Водопад приближался. Он был огромный и бешено ревел. Резко повернувшись, Орландо выключил мотор.

— Я совсем не уверен, что следовало это делать, — произнес Клаудио. Он, видно, не прочь был порассуждать. — Помнится, в позапрошлом году...

Орландо прыгнул в воду, Питсакар за ним, и скоро все мы уже были по грудь в бурлящей пене, держась за лодки. Нас отчаянно кусали миллионы пиуме, поэтому было совсем неразумно снимать рубашки и брюки, если бы мы захотели уменьшить сопротивление потоку. Обойтись без башмаков тоже было невозможно — ступая по острым камням, мы бы ободрали в кровь ноги.

Люди кричали, противоборствуя течению. Орландо приказал оставить здесь лодку и два каноэ под присмотром трех человек. Они укрылись за выступающими из воды скалами, создававшими нечто вроде вакуума между течениями. Остальные должны были идти вперед с первой лодкой.

Клементи и Жорже стали сзади на скалах, им бросили веревки, а остальные взялись за края лодки. С каждым шагом кто-нибудь оступался. Если бы не держаться за лодку, нас снесло бы течением, но лодка и веревки обеспечивали безопасность и позволили нам продвинуться к самому краю порога, хотя и с великим трудом. Дно лодки заскребло о каменное русло, вода, пенясь, неслась мимо бортов. Мало-помалу, суетясь и крича, мы спустили лодку вниз; веревки дрожали от напряжения. Затем Питсакар провел лодку по спокойной воде к следующему порогу.

Через час с четвертью мы прошли всю лестницу порогов, и таким образом спуск закончился. Один раз я оступился, и меня, как пробку в унитазе, потащило течением. Я кувыркался в воде и захлебывался, но, вспомнив, как поступали в подобных случаях другие, перестал барахтаться и, лавируя, сумел добраться до спокойного участка реки в пятидесяти ярдах вниз по течению. Индейцы ликовали и просили меня проделать все еще раз. Рауни пытался бить копьём рыб в тихих заводях.

Часа через три-четыре мы уже спускали через пороги третью лодку.

Внезапно Клаудио заставил меня обернуться. По пенным гребням порогов невероятно быстро с шипением мчалось небольшое каноэ, в котором стояли двое индейцев журуна. Каноэ это напоминало гавайскую лодку, которая на гребне прибоя мчится к Гонолулу. Стоявшие в лодке индейцы поочередно опускали в воду весла, каж-

дый раз проводя свою скорлупку в каких-нибудь миллиметрах от смертных камней.

За несколько секунд они пролетели роковые 600 ярдов иплыли уже по успокоившейся Шингу. Это было непостижимо.

— С журуна ничего не случается,— сказал Клаудио. Вода текла с него ручьями.— Они знают пороги как свои пять пальцев. Но однажды я отправился по реке с тхукахаме, они никогда не плавали в каноэ, этому научили их мы с Орландо. Они встали в лодке во весь рост, и я спросил их, очень ли злое течение. «Еще злее, чем пума!»— ответили они, зычно крикнули, и мы пронеслись через пороги.

— Может, так оно и лучше,— заключил Клаудио, когда мы ступили на берег.— Ведь в случае чего, Адриано, всегда можно сделать каноэ из коры.

Вечером мы сидели у костров, пытаюсь, несмотря на сильный дождь, высушить одежду. А на рассвете быстро снялись с места и продолжали свой путь. Через два дня, миновав несколько порогов, мы причалили к небольшому островку. Подойти к нему было нелегко. Мешали скалы и стремительное течение. В поперечнике островок был примерно тридцати ярдов и весь, наподобие крепости, выложен массивными каменными плитами в сорок футов высотой.

Единственное дерево осеняло маленькую плоскую площадку, окруженную естественной каменной стеной. Это была отличная цитадель, откуда можно было вести ружейный огонь по реке, прибежище для всех, кого преследовали индейцы. Оно было, конечно, лучше, чем остров Кровопролития в нескольких часах пути ниже по реке. Там под песком Орландо обнаружил человеческие кости и радиоприемник со складной антенной. В конце концов установили, что это были останки итальянской экспедиции, разыскивавшей Фосетта.

— Ох-хо-хо, журуна!— вздохнул Орландо, когда мы подошли к этому островку.— Эй, Питсакар! Расскажи мне еще раз, как погибли эти караиба и сколько их было.

Питсакар, сидевший на носу, поднял обе руки и загнул два пальца:

— Восемь, капитан,— сказал он.— Повар, два солдата, два индейца бакаири и двое караиба.

— А куда делись те журуна, которые плыли с ними в каноэ?

— Убежали,— ответил Питсакар.— Ночью они услышали, как карамба говорили, что убьют журуна, и убежали. Среди них был мой дядя. На другой день карамба улеглись спать в лодках — двое у костра, один — вон там, у деревьев, а остальные у другого костра. Потом пришли тхукахаме с дубинками. Бум! Бум! Бум! Двое закричали и убежали. Бум! Бум! Остальных убили. Когда наутро пришли журуна, все карамба и бакаири были мертвые.

Орландо обернулся ко мне и кратко высказал свои соображения. Во времена итальянской экспедиции журуна совершенно не знали по-португальски. Стало быть, «подслушать» какой-либо разговор они не могли. Трудно представить себе обстоятельства, при которых горсточка людей захотела бы убить своих проводников и защитников, находясь в местах, населенных их соплеменниками.

Откуда могли журуна, которые никогда не общались с тхукахаме, знать все подробности этого кровопролития, если сами они при этом не присутствовали? Почему Рауни и Беккуче, которые всегда гордились убийствами, совершенными их племенем, ставила в тупик каждая деталь этого рассказа?

— Ох-хо-хо, журуна! Ох-хо-хо, друг мой Питсакар,— в голосе Орландо звучали нотки едкого сарказма. Пока мы отплывали от этого места все дальше и дальше, он размышлял, стоит ли по-прежнему называть этот остров островом Кровопролития или следует его переименовать в остров Дизентерии в память о бедах более личного свойства. Его охватил раж первооткрывателя и картографа, и на следующий день он решил, что приток, который мы открыли на правом берегу, следует нанести на карту под названием река Электрического Угря. Несколько ранее один из индейцев подстрелил большого черного угря, и Рауни испек его на раскаленных докрасна камнях, завернув в банановые листья. Какое прекрасное блюдо! Стоило увековечить его на карте.

Глава XVIII

ОТНОШЕНИЯ ПОЛОВ, ПРОТИВОЗАЧАТОЧНЫЕ СРЕДСТВА И ВЫМИРАНИЕ ПЛЕМЕН

На следующее утро по прибытии к реке Электрического Угря основной состав нашего отряда отправился вниз по реке, чтобы помочь Франклину закончить геологическую съемку.

Нас осталось в лагере пятеро. Нам предстояло промолить и законопатить лодку, сильно поврежденную при переправе через пороги.

Последующие дни нам жилось необычайно привольно: нас не мочил дождь, над нами не тяготел груз обязанностей, мы с удовольствием прочесывали лес, добывали себе пищу. Река наша, скрываясь за завесой деревьев и островом, была так извилиста, что, казалось, имела форму свернутой часовой пружины. Лагерь мы разбили на высокой косе между рекой и сумрачной лагуной. По ночам в десяти ярдах слева плескались аллигаторы, а справа над самой водой раздавались голоса неугомонных анаконд.

Пока было светло, мы с Рауни охотились в каноэ. При первомстораживающем признаке мы причаливали к берегу и устремлялись в чащу леса. Дичи было много, наш метод себя оправдывал, и поэтому мы удовлетворили еще одно желание, которое не оставляло нас уже несколько месяцев.

— Сегодня займемся пчелами,— объявил Рауни на второй день. Он захватил топор и шел, глядя вверх на деревья, я смиренно следовал за ним с кастрюлей в руках.— Я ищу пчелиную деревню,— пояснил он и через некоторое время, остановившись у дерева, сказал: — Здесь живет мед.

Насколько я понял, в Шингу есть два вида пчел и оба селятся в дуплах деревьев. Крупные пчелы имеют жало. Когда они нападали на Рауни, он смеялся каким-то особым, жутким смехом и, глядя на небо, отмахивался от них махаче. Тхукахаме обычно затыкают их дупла пучком горячей травы. Вторая разновидность — маленькие пчелы без жала, они страшно досаждали всем нам

в главном лагере. Мед их темный и горький. Срубив дерево, мы стучали по стволу мачете, и в том месте, где оно издавало гулкий звук, находили дупло, а в нем — мед. Рауни вырубал дырку, влезал в дупло по самые плечи и извлекал длинные цепочки сот, а я подставлял свою фетровую шляпу, похожую на ковбойскую; дырочки в ней мы замазывали воском. Мы выжимали мед в шляпу; лицо Рауни расплывалось в широкой медвежьей улыбке. «У-у-у» или «м-м-м-м-м», — тянул он от удовольствия. Наконец, когда в дупле больше не оставалось сот, он запускал туда обе руки, собирал остатки меда и отправлял себе в рот. Желтая жидкость текла по его подбородку и голому животу. Наши топоры и ружья становились липкими от меда.

Во время одного такого «похода» — Рауни шел по лесу, а я плыл в каноэ по ручью — я услышал его зов, причалил у ближайшей излучины и, прихватив топор и ружье, вышел на берег. Мы начали по очереди рубить дерево. Вдруг Рауни резко обернулся ко мне, гневно насупившись.

— Почему ты оставил мое ружье в каноэ? — спросил он.

Хотя я знал, что от тхукахаме можно ждать чего угодно, этот вопрос застал меня врасплох.

— А почему мне не следовало оставлять ружье в каноэ?

— Придут индейцы кубен-кран-кегн и украдут ружье, — резко и нетерпеливо ответил Рауни. — Они убьют меня и тебя. И мы будем мертвые.

Над нами смыкались темные своды джунглей, рядом раскачивалось наше «медовое» дерево, а я смотрел на Рауни и соображал. Действительно, считалось, что через эту часть леса пролегает один из маршрутов племени кубен-кран-кегн. Это племя враждовало с тхукахаме. Но велика ли вероятность того, что отряд их воинов пройдет через это место именно в данный момент? Совершенно ничтожна. И все же тхукахаме, стоявший передо мной, весь трясся от злости и был отнюдь небезопасен. Мы с Рауни были большими друзьями, но я был свидетелем того, как он чуть не убил летчика, и знал, что он подвержен внезапным приступам ярости. Поэтому я решил уступить его капризу.

— Я схожу за ружьем,— сказал я и, возвратившись, решил пошутить в духе Орlando:— Рауни, в лодке было трое воинов кубен-кран-кегн. Высокие, сильные мужчины, не то что немощные тхукахаме. Они сказали мне, чтобы я отдал Рауни его ружье. Рауни не может попасть в тапира, даже если тапир сидит на носу его лодки. Передай Рауни, что мы не хотим убивать его: ведь он будет на вкус, как мясо старого стервятника, большого корью.

Рауни расхохотался, и мрачное настроение его рассеялось так же необъяснимо быстро, как и появилось. Он стал глотать мед огромными кусками; я брал кусочки поменьше, памятуя о товарищах, оставшихся в лагере. Мы пошли по лесу и вскоре в просвете между кустами увидели свою лодку, притянутую лианами к берегу маленького ручья. Рауни сел на корму, я, подогнув под себя ногу, уселся на дно. Лодка медленно продвигалась среди скал и коряг. У нас были мед, ружья, несколько подстреленных птиц жакубим, лук и стрелы для охоты на туканаре. Солнце сияло, искрились песчаные берега, и Рауни запел песню тхукахаме о диком меде. В этой радостной песне говорилось: «Я только что поел меду, и у меня осталось еще». Песня разносилась по всему лесу.

— Вон аллигатор,— вдруг прошептал Рауни и выстрелил из лука. Стрела угодила чудовищу чуть-чуть ниже глаза. Это была моя стрела, и я видел, как она, наполовину погрузившись в воду, задвигалась, словно увлекаемая невидимой силой.

— Ты потерял мою стрелу,— посетовал я.— Для чего ты это сделал?

— Аллигатор нехороший,— глубокомысленно сказал Рауни и, чтобы немного утешить меня, предложил: -- Пошли поплаваем, здесь хороший песок.

Он первым вошел в воду, и я увидел, как он отогнал колючего ската, притаившегося среди листьев на дне.

— Выпей воды,— сказал он, приготовившись нырнуть.— Вода тут холодная.

Потом мы отдыхали, погрузившись в воду, чтобы убежать от пиуме, и Рауни захотелось поболтать.

— Скажи,— обратился он ко мне.— Мы ведь с тобой друзья, Адриано. Вы занимаетесь женщинами в своей Куябе?

— Да,— ответил я.

Рауни, видимо, ожидал услышать именно такой ответ.

— Часто? — Его лицо выразило острое любопытство.

— Да. Очень часто. А ты?

— Очень часто. Всегда.

— Со своей женой?

— Нет, и с женой и с другими,— непринужденно отвечал Рауни, явно давая мне понять, что в своем племени он был отъявленным донжуаном.— Я говорю ей: «Пошли со мной», а потом говорю, чтобы она не рассказывала мужу. Ведь муж убьет, если узнает. У вас в Куябе тоже так? — спросил он. Ему хотелось, чтобы я рассказал о себе.

Мне вспомнилась наша система. Полиция, бракоразводные процессы, частные сыщики, подставные партнерши, бюро записи актов гражданского состояния. Я поспешил обойти этот вопрос, заговорив о женитьбе вообще.

— А когда ты женишься, тебе отец выбирает жену? — спросил я.

— Подожди, дай подумать...— Рауни глубокомысленно поглядел на воду, а затем ответил:— Я говорю девушке: «Ты мне нравишься». Тогда, если я нравлюсь ее матери...

— А как насчет отца?

— И отцу тоже... Тогда мы с девушкой идем в лес, и если я ей нравлюсь, мы женимся. Я убиваю много свиней, оленей, обезьян и индюков, и мы едим их, и ее мать и отец тоже. Потом, когда у жены рождается сын, она остается в хижине, и я уже не убиваю индюков и обезьян. Только других животных (ссылка на нечто вроде табу).

— А какого роста должна быть девушка, когда она выходит замуж?

— Когда я в первый раз разговаривал с ее матерью, она была маленькая,— он показал рукой рост восьмидевятилетнего ребенка.— Потом, когда мы поженились, она была вот такая,— он показал рост ребенка лет двенадцати-тринадцати.— Хорошо,— добавил он,— когда девушка в таком возрасте.

Затем Рауни доверительно сообщил мне, что он собирается взять себе другую жену, как только вернется домой. Я спросил, умерла ли его первая жена.

— Нет,— ответил он с грустью.— Другой тхукахаме говорил с моей женой, и потом она ушла с ним, и он занимался с ней. Поэтому я сказал моим братьям: «Этот некрасивый человек», но они боялись его. Тогда я раскрасил свое тело краской, и, когда он вернулся и сел есть со своей матерью, я пришел с боевой дубинкой. Его мать сказала: «Зачем ты хочешь побить его? Он мой сын, и он хороший человек». Я ответил: «Он некрасивый»,— и тогда один убежал, двое убежали, трое убежали. (Я понял, что это были братья обидчика, которые должны были его защищать.) И я ударил его.— Рауни стукнул себе по плечу для наглядности.— Он упал, но этой самой — как вы ее называете? — было немного.

— Крови? — подсказал я.

— Да, крови. А потом он ушел к другим тхукахаме.

— А твоя жена, Рауни?

— Она тоже ушла,— мрачно ответил он.— Если она вернется, я убью ее дубинкой.

— И потом у тебя больше не было жены?

— Была, да умерла.

— А сыновей не было.

— Был сын, но тоже умер.

Позже я навел справки у Беккуче и узнал, что Рауни, гордо заявляя: «Я всегда смирный, но когда другой человек обижает меня, тогда я делаюсь сильным и злой и убиваю его дубинкой»,— Рауни умолчал об одном немаловажном обстоятельстве, а именно: что его поддерживали Беккуче, Крумаре, Менгрире и другие братья. Из рассказанного я заключил, что при драке между соплеменниками не разрешается бить по голове, а лишь по плечам и спине. Вот почему обидчик Рауни остался в живых. Я узнал также, что Рауни не мог воспользоваться ножом: это можно только женщине. Если одна женщина отнимает у другой мужа, они дерутся ножами.

При помощи жестов и мимики Беккуче изобразил, как они истекают кровью.

После этого разговора я неоднократно просил Рауни рассказать мне поподробнее о любовных обычаях в Шингу. Взаимоотношения полов у индейцев оказывают сильное влияние на их дела, и, чтобы лучше понять, что

происходит в «Куябе Орландо», необходимо знать эту сторону их жизни. В частности, я хотел разузнать, что собой представляет индейская женщина. Ведь ее положение сильно отличается от положения женщины цивилизованной.

У индейцев нет частного землевладения, все необходимое для жизни они приобретают в лесу, поэтому добычей в межплеменных войнах являются женщины. Захват в плен женщин означает, что ряды племени пополнятся и оно станет еще сильнее. И наоборот, если у племени забирают женщин, оно оказывается под угрозой полного вымирания, как случилось с племенем суйя. Девушки пользуются уважением и являются важным фактором внутриплеменных отношений, особенно у индейцев Васконселоса, где главы хижин борются за влияние и стараются, чтобы вокруг них было как можно больше людей, ибо только в этом случае они могут быть признаны вождями. После женитьбы муж должен провести от полугода до года в доме тестя, и хотя он имеет право вернуться в отчий дом, жена нередко уговаривает его остаться. Женщина играет существенную роль в хозяйстве, так как, хотя мужчины охотятся, ловят рыбу и воют, их положение не позволяет им заниматься полевыми работами, за исключением немногих видов,— таково разделение труда. Мужчины не снисходят до переноски тяжестей или приготовления пищи, разве что во время охоты жарят мясо на костре.

Женщины, как добыча победителей в войнах, как средство подкупа во внутриплеменной политике и как краеугольный камень хозяйства, очень важны в Шингу. Однако это никак не отражается на их общественном положении в племени. Женщины не имеют голоса при обсуждении политического курса племени, не могут руководить обрядами и плясками; им не обязательно раскрашиваться и украшать себя перьями. Если у мужчин интересные, разнообразные занятия, женщина всегда делает самую тяжелую, черную работу. Закончив дневные труды, мужчины могут отдыхать, развлекаться или беседовать, женщин редко видишь не за работой. Мужчины могут ходить куда угодно, но женщины, например, не имеют права сидеть под навесом для мужчин в центре деревенской площади. Однажды, когда девочка из племени камайюра увидела какие-то священные музыкаль-

ные инструменты, ее загнали в лес и там — этого требовал обычай — она была изнасилована всеми мужчинами.

Однажды мне особенно ясно была продемонстрирована неполноценность женщины. Это было так. К берегу подплыло каноэ, из него вышел мужчина и три женщины. Я спросил индейца племени мехинаку, кто приехал.

— Так, один ваура, — сказал он, назвав при этом имя воина. Он не то чтобы игнорировал женщин — для него они просто не существовали.

Однако, если бы отношение к женщине только этим и ограничивалось, стношения полов не играли бы столь значительной роли в племенных делах. Бертран Флорной высказал следующее суждение о женщинах племени хибаро в Перу: «Когда женщину избирают [для брака], она связывается цепями традиций и рабских обязанностей, которые она стремится сохранить. Ее пассивность и страх перед мужчинами могут в редких случаях даже провоцировать мужчин к овладению ею, но это, в сущности, не является ни изнасилованием, ни прелюбодеянием, поскольку она при этом остается пассивным партнером. Половой акт, не связанный ни с чувством греха, ни с магическим таинством, представляется ей всего лишь одной из ее домашних обязанностей. Поэтому она не особенно склонна отдаваться кому-либо, кроме своего хозяина и господина... Мы вынуждены заключить, что для женщин хибаро, так же как и для многих других, счастье есть некое пассивное состояние. Из-за отсутствия чувства, расположения и безразличия к боли женщина пребывает в благодушной апатии».

Для женщин Шингу, по-видимому, все обстоит как раз наоборот.

Как-то раз, вскоре после моего приезда в Васконселос, я сидел на бревне. На другой конец бревна присели молодой индеец и девушка. Положив голову ему на колени, она говорила с ним глубоким страстным голосом и, наклоня к себе его лицо, играла с ним. Она не целовала юношу, однако поведением и голосом напоминала европейскую женщину. Она была пылка, привлекательна и имела полную власть над молодым индейцем. Мне показалось, что редко можно встретить бóльшую теплоту и любовь в отношениях между молодыми, а позже я узнал, что чувства эти сохраняются и в браке. Пусть мужчина будет «хозяином» — девушка будет

смеяться и говорить с ним, как равная, обсуждать его планы и даже сможет уговорить его сделать так, как ей хочется. Рауни — ветеран двух браков — объяснял мне все это следующим образом:

— Женщина — обуза. Она говорит: «Ты, Рауни, не должен гулять по лесу. Оставайся здесь, в деревне, со мной, и готовь пищу». Она говорит, говорит, целый день говорит, как попугай. А я люблю бродить по разным местам, и я говорю женщине, что она — обуза.

— И ты, Рауни, уходил и оставлял жену?

— Нет, я оставался в деревне и работал, — печально ответил он.

Так, несмотря на то что прав у индейской женщины немного, она все же имеет власть над мужчиной в силу своих личных качеств. Некоторых очень известных старух боятся все индейцы Шингу; жены иногда полностью подчиняют себе мужей; и как девушки, так и замужние женщины постоянно причиняют мужчинам беспокойство игрой своих страстей. Для них измена — дело обычное и простое, так как лес всегда обеспечивает им место для полового общения и с мужьями, и с другими мужчинами. Хотя мужья могут публично побить и выбранный их, особенно далеко они зайти не могут, так как жена имеет право вернуться в хижину своего отца. Здесь, в этом своем последнем прибежище, она в безопасности. Женщины знают, что воин должен завоевать сердце девушки, чтобы жениться на ней, и уметь поддерживать в ней чувство, чтобы жена не ушла от него, поэтому фактически женщины представляют в Шингу немалую силу. В отличие от женщин хибаро, они не просто готовят пищу и рожают детей; в бесконечной игре полов они — равноправные партнерши, и роль женщин в Шингу в этой игре так же сложна и значительна, как роль женщин в цивилизованных странах.

Пока мы жили на реке Электрического Угря, Рауни много рассказывал мне об отношениях полов в их племени; это было связано с индейской проблемой вообще и с нашими поисками тхукахаме в частности. Но все, что он мог сказать по этому поводу, до него очень ясно изложил индеец журуна по имени Сирири. Однажды я спросил Сирири, сколько детей он хотел бы иметь.

— Двух мальчиков и двух девочек, — ответил он.

— Почему? — спросил я.

— Потому что это красиво.

— А вдруг будет больше?

— Нет,— твердо сказал он.— Журуна знают лекарство. Глупо иметь много детей. Все время много работать. Когда женщина не хочет иметь ребенка, она идет в лес. Ты знаешь сипо? Это такое растение. Она пьет настой — и все кончено. У нее нет больше ребенка. Ты знаешь жену Бимбины? Сейчас она пьет лекарство, потому что больше не хочет детей.

Я уже слышал от Клаудио, что этот противозачаточный напиток готовится из растения, по виду напоминающего черные бобы. Пьют его пятнадцать дней с перерывами на каждом четвертом дне. В качестве примера он привел женщину племени камайюра, у которой было пятеро сыновей. Она приняла лекарство и в течение десяти лет не рожала детей. А затем приняла противоядие и снова забеременела.

Я спросил Сирири, что случится, если женщина потом опять захочет ребенка.

— Тогда женщина идет в лес и ищет другое лекарство. Лист дерева. Их много на Манисауа-Миссу. Затем она водит им по животу (он имел в виду втирание).

— Сколько раз?

— Целый день. Если лист длинный, это мужской лист, если круглый — женский. Если она хочет сына, она проводит по животу мужским листом, если дочь, то женским.

Я знал, что стоматические противозачаточные средства индейцев изучались в английских и американских лабораториях и были признаны эффективными, но недостаточно надежными и к тому же, возможно, вредными.

— А если у женщины нет мужа,— допытывался я,— а она все же пользуется этим листом, у нее может быть ребенок?

— Нет. Не бывает ребенка. Если нет мужа и родится ребенок,— лицо Сирири приняло серьезное выражение,— отец становится злой. Отец бьет. А в вашей Куябе отцы караиба тогда тоже бьют? — вежливо осведомился он.

— Да.

— Я полагал, что отец караиба за это тоже побьет. Ты знаешь жену сына Бимбины? — продолжал Сирири.— Задолго до того, как она вышла замуж, у нее в животе был сын. Но мать очень любила ее и не сказала отцу.

Потом мать побила сына, и после этого сын умер. Дочь много дней болела, и отец говорил: «Дочь больна». Но мать говорила, что ее только лихорадит, и еще через несколько дней она поправилась. Но через две луны у девушки опять появился ребенок.

— Послушай, Сирири, как же мать убила ребенка? Лекарством из леса?

— Не знаю. Никто не знает. Только матери. Они кладут руку сюда,— он показал на живот,— и все. Ребенок умирает и выходит.

— И девушка сделала так во второй раз?

— Нет. На этот раз отец увидел. Теперь,— закончил Сирири,— она жена сына Бимбины.

Хотя в Шингу нечасто встретишь индейца более сорока лет, среди жителей большинства деревень детей до пятнадцати лет, как мне показалось, меньше, чем людей старше сорокалетнего возраста. Это, вероятно, указывает на низкую рождаемость. На этом факте видно, какую роль в вымирании индейской расы могут играть противозачаточные средства. Правда ли, что родители индейцы умышленно стараются не рождать детей на этот несчастный свет? В Шингу об этом никто ничего не знает.

Однако одно очевидно. Когда я спросил Рауни, почему его племя разделилось в междоусобной войне и мы вынуждены разыскивать его соплеменников, он ответил: «Женщины».

— Когда мужчине нужна женщина,— добавил он тоном мудреца,— мужчина воюет.

Глава XIX

ЗЕМЛЕЕДЫ

— Лодки! — Рауни спрыгнул с бревна. Мы сидели у костра. — Лодки! — закричал он, повернувшись к чаще. — Вон там, далеко, две лодки!

Был вечер на реке Электрического Угря. Крик Рауни прозвучал в душном воздухе ободряюще, словно звук боевого рожка. Клементи стал подбрасывать в костер ветки, я принялся ошипывать индюка и индейку, весь наш крошечный лагерь засуетился, предвкушая скорое

выступление в путь. Даже деревья вокруг, казалось, задрожали от возбуждения. Ожидание кончилось, теперь должны были начаться поиски тхукахаме.

Через пятнадцать минут в прибрежной тени показались две лодки основного отряда. Мы приветствовали их в темноте, и на берег сошли Орlando и остальные наши спутники. Похожие на пугала, они выстроились вокруг костра.

Они добрались до Серра-дос-Кооденарес, и геологическая разведка завершилась. Не обнаружив ничего интересного, они поспешили назад, чтобы как можно лучше использовать оставшееся время. Прибывшие набросились на еду, и, когда расправились с ней, Орlando объявил, что завтра на рассвете мы выступаем. Запас риса и бобов у нас был меньше чем на неделю, а мы даже не знали, где на всей обширной территории Шингу следует искать тхукахаме.

Еще тогда, когда мы только узнали, что деревня тхукахаме у водопада Мартинс покинута, я подивился, каким образом братья Вильяс рассчитывают найти остатки этого племени. Искать кочующих индейцев в джунглях без путей и дорог, на территории, равной по площади Британским островам, казалось мне безнадежным занятием, но в тот вечер на темном берегу реки, слушая разговор Рауни с Беккуче, я понял, что у нас есть несколько надежных путеводных нитей. Если в племени произошел раскол, его истоки следовало искать в традиционной внутриплеменной борьбе. И если кланы разделились, то ментуктире — клан Рауни и Беккуче — почти наверняка вернулись на восток, на привычные охотничьи места.

Когда Беккуче был еще юношей, они в течение десяти лет постоянно совершали набеги на пограничную область Зеленый лес, где обитали серингейро, и путь в те края вел вдоль реки Либердади. Стало быть, мы могли рассчитывать найти ментуктире где-либо поблизости от этой реки.

На следующий день мы добрались до этого притока, впадающего в Шингу с востока. Либердади оказалась широкой, но мелкой рекой. Мы медленно направились вверх по течению, с трудом перетаскивая лодки через песчаные отмели и избегая колющих скатов, таившихся на дне.

К вечеру мы добрались до того места, где Орlando когда-то повстречался с ментуктире, и Рауни отправился на поиски соплеменников.

Пока остальные участники экспедиции занимались устройством лагеря, я наблюдал, как Рауни снимал с себя караибские одеяния — рубашку и шорты — и чистил голубые и белые бусы, свисавшие у него с ушей. Он сделал себе из тростника «фиговый листок», привязал ко лбу перья и, взяв с собой одно ружье, скрылся за деревьями. Сняв одежду, он стал выше ростом и осанистее. Прошло пять дней, прежде чем я снова увидел его.

Все это время другой тхукахаме, Беккуче, был постоянно на виду. Я неизменно встречал его в лесу. Его причудливая, унылая фигура маячила в кустах, словно призрак. Две свиньи, которые ему подарил Орlando, перенесли длительное путешествие по реке, преодолели пороги, их не разорвали собаки в деревне журуна, и они не погибли, даже несмотря на свое любопытство и непомерный интерес ко всяким опасным вещам, которые можно встретить в таинственном лесном мире. Но у нас уже не оставалось для них риса и бобов, и их отпустили на волю, где они питались орехами и ягодами. Связывавшие их путы перерезали, чтобы дать им возможность бегать от пум, и Беккуче ежедневно прослеживал их путь. Найдя свиней, он запоминал место и на другое утро возвращался туда, чтобы все время быть в курсе их передвижения.

— Не видел моих свиней? — печально спрашивал он, когда мы встречались в тиши леса.

— Нет, Беккуче, к сожалению, не видел.

— Не видел, — угрюмо ворчал он. — Никто не видел моих свиней. — И точно амазонская разновидность летучего голландца, он с грустным видом проходил мимо, продолжая свое бесконечное странствие.

Жизнь шла однообразно. Время текло.

Но вот на четвертый день к лагерю подплыло каноэ. Прибыл Менгрире, один из самых искусных воинов тхукахаме, мальчиком захваченный у крин-акароре. Он привез нам привет от Рауни. С ним был еще один индеец, помоложе. Величавые, словно послы, они стояли с луками в руках. Говорили они с нами через посредство Беккуче, который не очень успешно справлялся с обязанностями переводчика.

— Племя сейчас не там, где было раньше,— переводил Беккуче.— Оно в другом месте.

— Где же оно? — спросил Орландо.

— Вон там,— Беккуче широким жестом показал вверх по реке.

— Далеко?

— Нет, не далеко.

— Тхукахаме придут завтра?

— Да. Завтра.

— Завтра — значит после этого сна, но до следующего?

— Нет. Они придут завтра.

Беккуче снова стал спрашивать Менгрيره.

— Завтра, завтра,— недвусмысленно пояснил он.

Прошел весь следующий день. Тхукахаме так и не появились, и мы поняли, что они не способны к количественной оценке времени. «Завтра» для тхукахаме означало некий неопределенный момент в будущем. Орландо сказал, что запас продовольствия на исходе и ждать больше невозможно. На рассвете Сержио, Дилтон, Беккуче, Менгрيره, братья Вильяс и я сели в алюминиевую моторную лодку и отправились дальше.

Мы плыли несколько часов, перетаскивая лодку через песчаные отмели. Солнце немилосердно палило, за кормой тянулась нескончаемая стена джунглей. На носу, сияя, сидел Менгрيره. При помощи жестов, дважды согнув руку, он показал, что нужное нам место находится за двумя поворотами реки. Клаудио помрачнел. На языке индейцев, как он сказал, это могло означать либо две излучины реки, то есть всего четыре-пять миль пути, либо две перемены в направлении течения, то есть добрую сотню миль, если не больше. Нас разделял двойной барьер — недостаток общих слов и пропасть, пролежавшая между мышлением цивилизованного человека и индейца,— невозможно было установить, что именно имелось в виду. Для индейца не существует ни времени, ни расстояния в нашем смысле слова, и, путешествуя с ним, нельзя забывать, что путешествие может растянуться на срок от двух дней до двух месяцев, причем он не сочтет нужным дать какие-либо объяснения по этому поводу. Когда в лесу достаточно пищи, чтобы прокормиться неопределенно долгий срок, и когда индеец уверен, что безошибочное чувство ориентировки приведет его в конце концов к

цели, он не испытывает необходимости точно подсчитывать, сколько времени он пробудет в пути.

Мы продолжали плыть вверх по Либердади, передвигаясь всевозможными способами: включали мотор, гребли, толкали и волокли лодку.

Показав на несколько холмов в отдалении, Менгрيره сказал, что цель нашего путешествия за ними. К полудню холмы остались далеко позади, и мы подумали, что он-таки оказался прав и место это действительно находится за холмами. Я наблюдал за лицом индейца. Он смотрел в воду и вслушивался в новые для него звуки мотора, и мне казалось, что думал он примерно следующее: «Я, Менгрيره, великий воин тхукахаме и проводник карайба, счастлив: я смотрю на воду, слушаю новые, волнующие звуки мотора и думаю, что я, Менгрيره, великий воин тхукахаме...» и так далее, причем мысли его вращались кругами с такой быстротой, что для нас, цивилизованных, они так и останутся навсегда непостижимыми. Но вот совершенно неожиданно, точно желая пристыдить меня за мои сомнения, воин резко остановил лодку у совсем не примечательного лесного берега. Он сделал нам знак подождать, потом сказал Беккуче на языке тхукахаме, что до деревни недалеко, и, не дав нам опомниться, исчез.

Через полчаса Орlando забеспокоился. В этот день в основном лагере экспедиции кончались запасы продовольствия, а чтобы вернуться к складу риса и бобов выше водопада Мартинс, потребовалось бы четыре с лишним дня. Возможно, тхукахаме готовили нам особый прием, и эта подготовка могла длиться и день, и два. Мы не могли больше ждать.

Орlando босиком тронулся в путь, и, так как мы полагали, что деревня всего в нескольких минутах ходьбы, только Сержио прихватил с собой ружье. Остальные следовали за ними — бородатые, заросшие, в невообразимых одеждах. Штаны мои от колен до щиколоток были изодраны в клочья, их поддерживал потрепанный кожаный ремень, связанный в нескольких местах. На рубашке было с полдюжины дыр и, пожалуй, столько же заплат, вырезанных из пижамы, которая совершенно разорвалась во время охоты. Ботинки мои развалились, и я ходил в башмаках на три номера больше моего размера. Я выторговал их у Беккуче, который приобрел их

как утиль у какого-то военного летчика. Так как одна подошва начала отставать, когда мы еще перебирались через пороги, и хлопала при каждом шаге, хоть и была притянута кверху лианой, я передвигался странной шаркающей походкой.

Мы бодро двинулись вперед. Если бы кто-нибудь увидел нашу процессию, он мог бы сказать: «Они весело волочили ноги».

Вскоре прибрежный лес сменился равниной, покрытой желтой травой.

Через каждые одну-две мили ее пересекала зеленая цепочка деревьев, они тянулись вдоль русл потоков, образовывавшихся в сезон дождей. Эти потоки, как мы обнаружили, пересекались отчетливо видными в траве тропинками, и там, где, должно быть, раньше стояла вода, мы обнаруживали хижины тхукахаме и покинутые стоянки. Трудность состояла в том, что тропы кочевников и временные жилища были разбросаны здесь повсюду, и мы должны были определять возраст хижины, а затем в следующей богатой водою местности искать более позднее поселение. Так можно было установить общее направление передвижения кочевников, однако этот процесс не обещал скорых результатов.

Вдруг Беккуче остановил нас.

— Здесь прошел Менгрيره,— сказал он, показывая на голый клочок спекшейся земли.

В недоумении смотрели мы на голую, нетоптаную землю.

— Нет, нет,— возразил Орландо,— ты не прав, сын мой. Это след другого индейца, который шел к реке ловить рыбу дня два тому назад.

— Менгрيره,— твердо сказал Беккуче.— Сегодня.

Он пошел дальше, разглядывая землю. Мы последовали за ним.

Спустились сумерки, а мы все еще тащились по равнине, и я невольно вспомнил, как однажды Клаудио шел 28 суток подряд, подготовившись к путешествию даже хуже, чем мы сейчас. А не происходит ли сейчас с нами нечто подобное? Я надеялся, что это не так, и принялся размышлять о тхукахаме. В конце концов только братьям Вильяс и жившим под их опекой цивилизадо удалось вступить с этим племенем в мирные отношения. Но даже и здесь не обошлось без инцидентов: однажды не-

сколько воинов пытались убить Клаудио. Теперь же из-за внутриплеменных распрей тхукахаме пребывали в воинственном настроении, а мы должны были встретиться с ними. Я уверял себя, что все обойдется благополучно.

Мы тащились все дальше и дальше.

— Беккуче! — В голосе Орlando слышалось беспокойство. — Беккуче, ты стал цивилизадо. Может быть, ты слишком долго жил в доме Орlando и теперь идешь по следам тапира?

— Менгрيره, — настаивал Беккуче, снова указывая на следы впереди. — Он ходит быстро, — прибавил Беккуче, успокаивая нас.

Мы продолжали идти вперед.

Наконец, когда уже совсем стемнело, вдали послышался какой-то слабый крик. Осмотревшись по сторонам, я заметил множество огней, которые покачивались, словно лодки рыболовов, на этой огромной, черной, как море, равнине. Вскоре мы увидели красные свирепые лица, озаренные отблесками пламени, услышали во мраке безбрежной ночи дикие, наводящие ужас крики: тхукахаме бежали к нам. Они были высокие, безобразные, дикие, их груди блестели, головы были украшены роскошными уборами из разноцветных перьев. Когда толпа с криком окружила нас, воины по очереди стали подходить к Беккуче; одной рукой опираясь на лук и положив на другую голову, каждый, рыдая, содрогался в неистовых конвульсиях — это было приветствие. Индейцы по очереди подходили к каждому из нас и, придвинувшись вплотную, разглядывали нас, а мы их. После этого Орlando и Клаудио вручили по пучку стрел, и мы снова двинулись в путь. Теперь нас сопровождал отряд самых грозных индейцев Шингу. Двое мальчиков бежали впереди с пучками горящего тростника и, прыгая вправо и влево с тропинки, рвали траву и сухие листья и совали их в пламя факелов, которыми размахивали над головами. Я оглянулся назад и увидел, как далеко позади на саванне догорали брошенные факелы.

— Когда ночью идут тхукахаме, — пояснил Беккуче, — они всегда идут так.

Часа через полтора тропа свернула в джунгли — мы были почти у цели. В темноте я различил несколько слабо мерцающих костров, но когда мы подошли ближе,

в них стали бросать сухой тростник и листья. Красное ревущее пламя выхватило из тьмы картину, которую по хаотичности можно было сравнить лишь с пляской дровишей у доменной печи. Повсюду с криком носились индейцы. Десятка два собак, прыгая, хватали нас за ноги. Женщины и дети ощупывали нашу одежду. Раздавался какой-то вой, вызванный чувствами, недоступными пониманию цивилизованного человека. Первобытные люди, треща нагубными дисками, подбегали ко мне вплотную, вглядывались в лицо и неслись дальше. Неожиданно из тишины ночи мы попали в царство шума и яркого света. При нашем появлении тхукахаме — одно из самых первобытных племен на земле — пришли в неистовое волнение.

В конце концов волна возбуждения перенесла нас в хижину из банановых листьев, и мы уселись на свеже-срезанных листьях. Старая индианка принесла сосуд из тыквы с диким медом, после чего три девушки — вероятно, самые красивые в племени — затянули приветственную песню.

Это позволило нам оглядеться, и я прикинул, что росчисть индейцев занимала площадь немногим большую, чем обычный дом средних размеров. На росчисти стояло с полдюжины хижин, в которых жило человек пятьдесят — мужчины, женщины и дети — и, пожалуй, столько же собак. Внезапно песня оборвалась, и мужчины вышли вперед, чтобы приветствовать братьев Вильяс. При мерцающем свете костра выделялись вытянутые черные силуэты. Чтобы подчеркнуть свою роль, мужчины отодвинули женщин подальше, женщины, в свою очередь, оттеснили детей, дети принялись прогонять собак, последние, завершая эту своеобразную цепную реакцию, словно бешеные, стали набрасываться друг на друга, огласив ночь воем и лаем. Животные, хижины, люди — все потонуло в хаосе звуков.

Спустя полчаса, когда в лагере воцарилась тишина, к нам подошел Рауни и предложил отведать по солидному куску мяса убитого днем тапира. Рауни представил нам свою новую жену, с виду очень молоденькую девушку, и гордо заявил, что она сама готовила мясо на раскаленных докрасна камнях. Нам достались лучшие куски. Мясо было зажарено вместе со шкурой, между мясом и шкурой было два дюйма нежного сала. Шкура была

толстая, и приходилось зубами отдирать от нее мясо. Вскоре все лицо мое было вымазано жиром. Я спросил Бибкуче, где можно умыться.

— Здесь,— ответил он,— тхукахаме не моются.

Взяв горящий факел, он повел меня к ручью. Ручей высох, вода стояла лишь в вырытой в русле ямке. Жидкость была густая, перемешанная с песком, и когда муть осела на дно, я напился. Бибкуче же, наоборот, долго размешивал воду, чтобы в ней было как можно больше земли, и лишь тогда напился. При этом я вспомнил, что тхукахаме — одно из немногочисленных племен земного шара, которые регулярно употребляют в пищу землю.

Впервые нечто подобное я увидел во время охоты: Рауни вдруг присел на берегу ручья и запихнул в рот два больших комка песка. Я с интересом наблюдал за ним. Он нагнул над ручьем и, в отличие от цивилизованного человека, который черпает воду пригоршней, стал бить по ней рукой, ловя ее ртом, как лакают собаки. После этого он съел еще две пригоршни песка.

— Ну как, вкусно? — спросил я.

— Земля хорошая,— ответил он и предложил мне попробовать, зачерпнув пригоршню песка. Неожиданно для себя я открыл, что песок легко глотается и по своей консистенции и вкусу очень напоминает пищу, которую обычно подают к завтраку и которую нет необходимости здесь называть. Позже я узнал, что тхукахаме обычно разбавляют землю водой и что существуют разновидности «съедобной земли», которым отдается предпочтение. По мнению братьев Вильяс, это зависит от содержания минеральных солей. Возможно, именно из-за присутствия минеральных солей земля занимает такое важное место в питании тхукахаме.

Когда я вернулся в селение, в одной из хижин при тусклом свете костра Клаудио перевязывал раны и делал уколы индейцам. Один из его первых пациентов страдал тяжелым воспалением прямой кишки.

— Много земли есть вредно,— сказал Клаудио, доходчиво демонстрируя, как песчинки трутся о стенки кишок и раздражают их.

— Бибкуче, скажи ему, что нехорошо есть много земли.

Индеец пробормотал что-то на своем языке и снова повернулся к Клаудио.

— Он говорит да,— ответил Беккуче.

Больной, конечно, имел в виду «нет», но даже если было бы возможно заставить индейцев отказаться от этого обычая, братья Вильяс не стали бы делать этого, не выяснив, какую роль в питании племени играет земля и чем можно ее заменить. Они пришли сюда, чтобы изменить образ жизни тхукахаме, но малейшая неосторожность могла привести к тому, что не осталось бы ни одного тхукахаме, чей образ жизни необходимо было изменить.

Я осматривался вокруг, наблюдая эту необыкновенную картину, и отмечал перемены в быту тхукахаме. За последние столетия они научились пользоваться луком; за последние сто лет, захватив плантации журуна, они улучшили систему земледелия; с 1900-го года они научились пользоваться топорами, ружьями и рыболовной лесой — все это они добывали у серингейро; братья Вильяс умело пользовались этим желанием тхукахаме учиться у других. Чтобы встретить нас, Менгрире приехал на каноэ, которые их научили делать журуна — подопечные братьев Вильяс Боас; при одной из оставленных деревень возделывалось небольшое рисовое поле. У Беккуче было две свиньи; завтра мы достанем из нашей лодки и раздадим им горшки, ножи, крючки и пули. И самое важное: это племя, которое прежде ни с кем не имело дружественных отношений, опять принимало Вильясов как гостей. Поскольку тхукахаме охотно усваивали все новое, решено было сделать еще один немаловажный шаг.

— Рауни,— сказал как-то Орландо.— Тебе нравится спать в гамаке, который я тебе дал?

— Да. В гамаке спать хорошо.

— Хочешь, я научу других тхукахаме делать гамаки? Все они смогут хорошо спать во время дождя — и твоя мать, и твой отец, и твои братья, и твоя жена, и все тхукахаме.

Рауни ответил утвердительно.

— А ты, Рауни, сможешь мне в этом?

— Помогу.

— А сможешь мне научить их делать такие хижины, как у камайюра, чтобы тхукахаме не заболели от дождя гриппом и не умирали?

— Помогу.

— И сможешь мне научить их правильно разбивать плантации при помощи топоров и мотыг, сеять бобы, рис и земляные орехи, как кайяби, и ананасы, как журуна?

— Помогу.

Трудность состояла в том, чтобы заставить этих кочевников осесть в определенном месте. Только тогда их можно было бы научить всему этому, а чтобы смягчить резкость перемен, новшества следовало вводить постепенно. Кроме того, следовало пресечь постоянные набеги на серингейро и положить конец междоусобицам.

К сожалению, со времени первого визита Клаудио к тхукахаме междоусобная борьба не прекратилась. Однажды Беккуче, Рауни и другие индейцы из клана ментуктире прибежали к нему в лагерь, озабоченно переговариваясь и жестикулируя.

В то время Клаудио знал на их языке всего несколько слов, и вот один из индейцев подошел к его вещевому мешку, вынул револьвер и вложил его Клаудио в руку.

— Другие тхукахаме хотят убить тебя дубинками,— сказали воины, подкрепляя слова жестами.— Когда они придут, убей их.

Однако Клаудио отложил револьвер и, пользуясь известным ему словом «отец», объяснил индейцам, что отец не может убивать своих детей. Жестами он показал им, что если они пожелают, то могут бить его дубинками по голове. Индейцы были ошеломлены, вытаращили глаза, что-то забормотали, треща нагубными дисками, и помчались к себе в деревню.

Позже я решил проверить, так ли все было, и обратился к Беккуче.

— Беккуче, почему тхукахаме хотели убить Клаудио?

— Ментуктире не хотели,— ответил он,— хотели только мекрагнотире.

— А почему?

— Они не знали Клаудио.

— А ты дрался за него?

— Нет. Только мой двоюродный брат. Крумаре взял дубинку. Потом Менгрире, потом я. Потом другие тхукахаме испугались, а потом полюбили Клаудио.

В тот вечер, расспрашивая о Крумаре — отсутствовавшем вожде ментуктире,— я узнал кое-что новое о сло-

жившейся в племени обстановке. Рауни рассказал нам, что Крумаре и еще четверо тхукахаме совершили длинное путешествие от реки Либердади до поста на реке Смерти, где Орlando в прошлый раз установил с ними контакт.

— Им нужен самолет, чтобы лететь в большую Куябу.— Рауни имел в виду Рио-де-Жанейро, куда Орlando как-то раз ненадолго брал с собой Крумаре, чтобы показать ему могущество цивилизадо.— Крумаре хочет ехать в большую Куябу, чтобы достать ружья и пули. Сейчас племя кубен-кран-кегн воюет с тхукахаме. У кубен-кран-кегн много ружей, а у Крумаре только два. Но карамба в самолете злой и не берет Крумаре.

— Послушай, Рауни,— сказал я.— Ведь тхукахаме сильные, их много. Почему Крумаре так испугался?

— Другие тхукахаме уходят,— сообщил он.— И сейчас их здесь с Крумаре немного. Много-много больных. Многие умерли.

Рауни ушел. Костры догорали. Вокруг было тихо, только возились собаки. Лежа на своем банановом листе, я пытался уснуть, но мне не давал покоя вопрос, почему люди, которые живут и питаются хуже любой лондонской собаки, содержат такую огромную собачью свору. Ведь от этого они еще сильнее голодают, и жизнь их превращается в сплошной ад. У индейцев нет чувства дисциплины, и хотя они бьют собак палками и камнями, когда те слишком уж досаждают, они не бьют их в наказание за провинность. Поэтому собаки воспринимают колотушки как стихийное зло, неотъемлемую часть жизни в деревне; собаки превратились для индейцев в обузу, они не приносят никакой пользы и только воруют пищу. Кормят их редко, и когда наступает ночь, тощие щенки ползают между спящими тхукахаме, лижут их невымытые губы и ищут мясо. Время от времени кто-нибудь просыпается и бьет проходящую над ним собаку. Животное с пронзительным лаем бросается в джунгли. Другие собаки вскакивают и, подозревая, что товарка удирает, стащив кусок мяса, устремляются за ней. Вся свора мчится как угорелая, прыгая через спящих людей. Во время одной такой погони собака, поскользнувшись на банановом листе, на котором я спал, угодила мне лапой прямо в глаз. Разозлившись, я ударил ее. Пес с воем

бросился в темноту, а вся стая, повернувшись, ринулась прямо на меня.

Когда вой собак стих, я заметил, что бессонница мучила не только меня. Лежа по другую сторону костра, Беккуче тоже не спал.

Рауни ушел, и мы с Беккуче завели разговор. Вокруг нас ворчали собаки и храпели люди.

Оказалось, что, вернувшись с поста на реке Смерти, Крумаре придумал нечто новое. Если ему не разрешают поехать в Рио, так, может быть, по крайней мере отвезут на самолете в Васконселос, чтобы завестись там ружьями и заручиться поддержкой братьев? Планируя племенную войну с помощью средств авиации, этот удивительный индеец снова на целый месяц отправился в нелегкое путешествие к реке Смерти.

— Беккуче, а почему тебе не помогают другие тхукахаме?

— Потому что их здесь нет,— логично ответил он.— Другие тхукахаме давно, давно-о-о ушли туда.— Он указал рукой на запад.— Они уже долго живут там и убивают серингейро. Нас они боятся.

— И много их?

— Много.

— Тогда чего же им бояться и убегать от вас?

— Потому что раньше у нас тоже было много тхукахаме. Десять домов. Теперь из-за болезней у нас только пять. А у других тхукахаме умерло только десять человек, и поэтому у них больше людей, чем у нас.

— А почему они убежали, Беккуче?

— Потому что один тхукахаме отнял у другого женщину. Потом мекрагнотире поссорились с ментуктире. Один человек убил другого. Раньше, когда я был маленький, тхукахаме все время воевали. Они убили дубинкой моего отца. Я плакал и злился, но тот мужчина был большой, а я был мальчик, поэтому я только плакал и плакал, но не убил его.

— А разве хорошо, что один тхукахаме убивает другого?

— Убивать нехорошо,— серьезно ответил Беккуче,— но когда один мужчина забирает жену у другого, тогда убивают. Я знаю, что карамба тоже так делают. Поэтому мекрагнотире очень испугались и ушли, а ментуктире пришли и стали жить на этой стороне реки. Но

когда прошли дожди, Крумаре, Рауни и я пошли искать других тхукахаме. Через два сна за деревней есть большая вода. (Я догадался, что речь шла о северном притоке Шингу.) Потом еще через шесть снов опять будет большая вода. Там много бразильских орехов. (Это означало, что характер леса менялся.) Дальше, еще после двух снов, живут тхукахаме. Мы сказали им, что мы больше не злые. Мы грустные, потому что в наших хижинах нет друзей, только братья. Мы тоже боимся, что придут кубен-кран-кегн и убьют нас. Мы просили мекрагнотире вернуться в деревню и сказали, что у нас теперь есть друг Орландо и что нехорошо убивать серингейро.

Неужели Беккуче действительно начал кое-что понимать? Неужели эти месяцы, проведенные с Орландо, принесли первые всходы успеха? Или его слова о мире и серингейро были сказаны лишь для меня?

— Потом мы жили вместе,— продолжал он,— и пели песни о маниоке, о кукурузе, о воде и о пантере, было очень красиво, и мы пошли убивать всех кубен-кран-кегн.

Беккуче сделал паузу и подумал.

— А после дождей, Адриано, ты пойдешь с Крумаре, Рауни и со мной к другим тхукахаме? Это долгое путешествие. Может быть, Орландо тоже пойдет с нами. Может быть, пойдём ты, я, Дилтон и Клаудио. Может быть, все мы пойдём туда, далеко-далеко.

— Да,— сказал я,— может быть.

Это была мысль. С такой мыслью хорошо засыпать, думал я, лежа на банановом листе у костра, среди собак.

Ночью я проснулся от холода и увидел, что собакам тоже холодно. Какой-то шелудивый пес, весь облепленный клещами, лежал, тесно прижавшись ко мне. Безмятежный сон бедного пса, как гром среди ясного неба, нарушил удар моего кулака. Он взвыл и, словно повинувшись какому-то неумолимому закону, помчался в обычное убежище. Тут же, как заводные, вскочили другие собаки, и началось повальное бегство. Засыпая снова, я подумал, что если бы людей называли по их отличительным свойствам, я бы не назвал тхукахаме «людьми, у которых нет лука».

Глава XX

КОНЕЦ

Лишь в полдень следующего дня мы вернулись к реке Либердади, роздали тхукахаме подарки и двинулись обратно. Как и прежде, приходилось то включать мотор, то работать веслами, то волоком тащить лодку по песчаным отмелям. И так до глубокой ночи.

Когда мы приехали в лагерь, все были уже готовы к отъезду, и через несколько часов мы тронулись в обратный путь, к временному складу у водопада Мартинс.

Продовольствие кончилось, и мы двигались очень быстро. На рассвете сталкивали в воду лодки, включали моторы, перебирались через пороги и разбивали лагерь перед самым наступлением темноты. Каждый три-четыре часа нас застигал дождь, на каждой стоянке я рыскал по лесу за дичью. Больше об этих днях я ничего не помню.

Многие путешественники отмечали, что пребывание в тропических джунглях притупляет мыслительные способности. В самом деле, к этому времени я стал заносить в свой дневник все меньше и меньше записей, и наконец они совсем оборвались. Другие участники экспедиции тоже чувствовали себя неважно. Геолог наш заболел дизентерией, и я нередко замечал, как Клаудио отсутствующим взором смотрит на воду, совершенно не обращая внимания на пиуме и комаров. А между тем они тучами осаждали нас. Возвращаясь с охоты, я предпочитал оставлять на себе клещей, чтобы не отдавать себя на съедение проклятой мошкаре. Клаудио, казалось, ничего не чувствовал, словно оглушенный наркотом. Он мог полчаса просидеть не двигаясь, и оголенную часть его ног сплошь облепляли насекомые, по 300—400 штук за раз.

Эта, если можно так выразиться, «болезнь джунглей» постепенно поражала нас всех, и я чувствовал, что и она имеет отношение к индейской проблеме.

Когда начался последний этап путешествия, я пробыл в Шингу уже более семи месяцев и чувствовал, что акклиматизировался в этих краях, привык к жаре. Ино-

гда я охотился по двенадцать часов кряду, без отдыха, пригибаясь и лавируя в чаще подлеска; у меня уже появилась реакция на окружающее — у индейцев она вызвала бы лишь презрительную улыбку, но все же удивила бы моего первого учителя Калуану. Джунгли стимулируют работу органов чувств цивилизованного человека, но приглушают деятельность мозга. Я еще был способен на машинальное умозаключение вроде: «Вот желтый лесной плод; тапиры любят эти плоды, если влезть на дерево и подождать, можно подстрелить тапира», но со временем все, что лежало вне этих практических нужд, перестало меня интересовать. За последний месяц в моем дневнике не прибавилось ни одной записи.

Я редко говорил о чем-нибудь, кроме охоты, еды, мытья или сна. Я вставал на рассвете, выходил в лес, охотился, наедался до отвала, потом ложился в гамак и погружался в забытие. Реки были для того, чтобы плавать по ним в каноэ, мыться и пить из них воду; и, конечно, мне совсем не приходило в голову, что ими можно любоваться. Солнце согревало человека после дождя; дождь был проклятьем. Раньше несколько комаров могли вывести меня из себя. Теперь тучи их не могли нарушить моей апатии и оцепенения. За все это время я ни разу не пожалел дикое животное, прежде чем выстрелить в него; с другой стороны, я никогда не убивал животное просто так, а всегда лишь для того, чтобы насытиться. Мышление цивилизованного человека принимало черты сознания животного, занятого добыванием пищи.

Теперь, полгода спустя, вспоминая о своей жизни в джунглях, я нахожу интересным одну деталь: цель моего пребывания там постепенно изменилась. Цивилизованного англичанина привели в джунгли Шингу весьма неясные и далеко не самые похвальные побуждения, но, удовлетворяя свое желание участвовать в экспедиции и интересуясь индейской проблемой, он стремился не только выжить. Была у него и другая цель. Но вот экспедиция начала работать, и эта цель быстро улетучилась.

Вначале я волновался из-за каждой задержки, опасаясь, не доведет ли меня до умопомрачения бессмысленное лежание в гамаке. В конце путешествия я был

рад каждой задержке — ведь она означала, что я могу вернуться к куску материи, качавшемуся между деревьями. В гамаке не было ни особенно удобно, ни особенно приятно, но такое существование не требовало затраты каких-либо усилий.

Самым замечательным в этом отсутствии цели было то, что оно приносило специфически индейскую удовлетворенность самим собой. Англичанину не нужно было больше стремиться к какой-либо цели, и я, разумеется, не хотел покидать Шингу. Если бы даже погибли все участники экспедиции, я знал, что смогу просуществовать, пока хватит патронов и рыболовной леси. Быть может, пришлось бы пройти пешком несколько сот миль до первого форпоста цивилизации. Возможно, пришлось бы жить вместе с журуна или тхукахаме. Это не имело значения, я ни о чем не беспокоился.

Значение этой «болезни джунглей» состоит в том, что она сближает цивилизованного с индейцами. Цель путешествия постепенно отходила на второй план, упоминалась все реже, индейцы становились все дружественнее, и я, казалось, все лучше понимал их. Прежде, чтобы понять, что они говорят, приходилось напрягать мозг.

«Так реагирует индеец, и я должен свыкнуться с этим — ведь он не такой, как я». Но к концу путешествия я уже понимал их без труда. Было ясно, что говорят и делают индейцы и что нужно делать мне самому.

Между нами пролегла пропасть, но, чем скорее освобождался я от честолюбивых целей и стремлений, тем больше проникался сочувствием к людям, чьей единственной целью было выжить, людям, которые испытывали необычайно сильное потрясение, столкнувшись с целенаправленным воздействием цивилизации и прогресса.

Всего семь месяцев — за это время можно было лишь научиться строить догадки, стараясь разобраться в процессе мышления индейцев, но в то время мне казалось, что наиболее близко я подошел к его пониманию тогда, когда жил с ними в джунглях. Ведь индейца отделяют от цивилизованного человека не просто — как это часто утверждают — три тысячелетия, отделяющие первобытную эпоху от современной. Человека, живущего в джунглях, и человека, обитающего в цивилизованном мире,

разделяет бездна. Два различных образа жизни порождают два мировоззрения, которые трудно примирить.

Впервые приехав в Шингу, я узнал, что бразильские индейцы быстро вымирают, и меня приводила в недоумение кажущаяся бездеятельность братьев Вильяс Боас. Они не строили ни школ, ни церквей. Казалось, у них нет никакой программы. Но постепенно я понял, что решение индейской проблемы связано с глубоким противоречием.

Для спасения индейских племен необходимы решительные, энергичные меры, и, однако, из-за резкого различия между нами и индейцами в образе жизни и в мировоззрении даже самые осторожные и невинные меры могут оказаться пагубными.

Поэтому, следуя примеру братьев Вильяс, я пытался измерить глубину бездны, отделяющей современное сознание от первобытного.

Задача эта была фактически невыполнима, но семь месяцев спустя я уже делал, как мне казалось, правильные догадки.

— У индейца нет ничего положительного,— часто говаривал Клаудио,— у него нет ни честолюбия, ни желания заpastись впрок, ни потребности совершенствоваться. Он растворяется в окружающем, а не борется с ним, как мы.

Я пытался проверить истинность этих слов Клаудио, присматриваясь ко всем сторонам жизни индейцев— не вытекает ли такая философия существования из необходимости «покориться» джунглям? Постепенно я понял, что индейцы не запасают впрок слишком много дичи и рыбы по той простой причине, что джунгли всегда могут прокормить человека— стоит лишь выбраться из гамака и отправиться в бездонную кладовую леса.

Первобытный человек не может разбогатеть потому, что всем, чем обладает один, легко может обладать и другой— достаточно ему смастерить себе лук, построить хижину, вытесать из камня топор или подстрелить попугая и сделать разноцветный головной убор из перьев. Поэтому в племенных языках понятия, связанные с накоплением, встречаются редко. Например, числительных в языке шавантов всего шесть, и само слово «шесть»

означает одновременно и «много», потому что для шаванта разница между шестью убитыми свиньями и двумя сотнями невелика. И то и другое для него слишком много.

Я пришел к выводу, что у индейцев нет честолюбивых стремлений именно потому, что они не умеют ни накапливать, ни завоевывать. Индеец понимает, что джунгли обеспечивают пищей его детей и губят тех, кто идет против них.

Другим аспектом подобного мироощущения является отношение индейцев ко времени. В Шингу самые давние даты измеряются лунными месяцами по числу пальцев на обеих руках либо такой туманной фразой, как: «Отец говорил мне, что это было давным-давно»; это «давным-давно» может означать сколько угодно лет — от двадцати до двух тысяч. Очевидно, для индейца понятие времени лишено смысла. Шингуано не отмечают никаких событий, кроме рождения и смерти. Они верят, что внук и дед — это одно и то же лицо и что души умерших, не воплотившиеся в живых, живут под водой. Поэтому время не играет большой роли в их самовозрождающемся мире.

Большое расстояние у индейцев тоже обозначается числом «снов», по числу пальцев на обеих руках, а все, что превосходит это число, находится «очень далеко».

В бескрайних джунглях, где у путника нет определенного места назначения, ни к чему и измерения. «Десять снов» вовсе не является попыткой дать объективную оценку длины пути, это всего лишь субъективное желание показать, насколько устанет путник. Ведь у одного человека «десять снов» могут быть вчетверо длиннее, чем у другого.

Суть в том, что для индейца джунгли столь велики в сравнении с его собственными силами, что он и не старается их измерить. Время в джунглях тянется бесконечно, и индеец никогда не пытается сосчитать его.

Мощь джунглей неодолима, и индеец не вступает в борьбу с природой. Он не в состоянии вырваться из своей лесной темницы и поэтому свыкся с джунглями, покрившись судьбе. В результате он существует ради самого существования. Вероятно, такое мироощущение

порождено самой необходимостью, но благодаря ему в джунглях знали счастье.

И вот в джунглях появились мы, цивилизованные люди. Как и всякий благонамеренный освободитель, мы убрали клетку, а ведь индейцы в течение трех тысячелетий жили в этой клетке и теперь оказались в положении узника, выпущенного из тюрьмы, в которой он провел всю жизнь. Яркий свет ослепил их.

До нашего появления индеец мог брать в джунглях все, что он там видел, и теперь он никак не может понять, отчего ему нельзя брать вещи цивилизованных людей, и он их берет. Раньше вождю и старейшинам племени повиновались безоговорочно, ибо жизнь вне деревни была немыслима. Теперь, когда индеец может покинуть деревню, вождя стали игнорировать, но в то же время индеец не может понять, почему он должен соблюдать законы чужаков. Он стал преступником.

В лесной деревне жизнь общины держалась на эгоизме. Заботясь о престарелом отце, человек обеспечивал свою собственную старость. Теперь же, когда индеец знает, что о нем позаботятся миссионеры, эгоизм приводит к совершенно противоположному результату — индеец перестает выполнять свои обязанности и утрачивает чувство ответственности. Развиваясь, этот процесс приводит к распаду общественного строя индейцев и упадку их нравственности.

Как нередко случается в истории с «освобожденными», индеец теперь имеет полную возможность попасть в новую кабалу. Он был нецивилизованным, и мы утверждаем, что его необходимо приобщить к цивилизации. А потом удивляемся, что он не борется с препятствиями, возникающими в силу этой перемены. Когда индеец встречался в лесу с врагом, он убивал его. Но мы, носители цивилизации, сокрушающей индейца, заявляем, что убивать нехорошо. Мир индейца рушится, он лишен возможности осмыслить возникающие перед ним трудности и, само собой разумеется, не имеет средств преодолеть их. Индеец приходит в отчаяние. Ему остается только лечь и умереть.

Таковы были праздные рассуждения человека, чуждого джунглям, но дни складывались в месяцы, и я начал понимать эти, казалось бы, непостижимые вещи.

Прежде всего я понял, что идеалы нашей цивилизации так же губительны для лесных племен, как пули и эпидемии. Путешествуя по Бразилии, я замечал, что, кроме братьев Вильяс, немногие из людей, стремящихся спасти индейцев, начали с того, что случайно встретили индейца, потом прониклись к нему сочувствием и уж затем развернули кампанию по оказанию ему помощи.

Обычно это идеалисты из Англии, Италии или Соединенных Штатов. Они заявляют, что индейцев нужно спасти, отправляются без всякой предварительной подготовки в джунгли и зачастую продолжают свою деятельность, несмотря на растущее отвращение к звероподобному и неблагодарному народу, которому они пытаются помочь. Побуждения, толкающие их к разрешению индейской проблемы, не имеют ничего общего с самими индейцами — они коренятся в недрах нашей собственной цивилизации. Практика благотворительности превратилась в неотъемлемый элемент жизни христиан.

Само по себе это не вредно, но дело в том, что люди, которые должны спасать индейцев, несут в себе ту самую силу, против которой они борются. Даже те, кто идут в джунгли с лучшими намерениями (в какой-то степени это относится и к братьям Вильяс), отчасти способствуют вымиранию индейских племен. Такие люди приходят, чтобы защитить индейцев от неумолимой экономической экспансии, от стяжателей, одержимых жаждой наживы, но они же приносят с собой и другие, не менее разрушительные аксессуары цивилизации. Обычно это всерастлевающий агрессивный идеализм. Жителям джунглей наносит вред не столько жестокость нашей экономической системы, честолюбие недобрых людей или основные понятия наших идеалистических теорий, сколько присущая всему этому беспокойная, безжалостная сила, которая таится где-то в недрах природы цивилизованного человека. «Мы правы». «Мы должны проповедовать». «Наше дело — дело божье». Все это, может быть, и так, но правильнее было бы переименовать самую проблему. В сущности, это не индейская проблема. Это наша проблема. Индейцы здесь лишь жертвы.

Когда у меня, новичка, вызрели эти мысли, я начал понимать политику братьев Вильяс Боас, которая раньше казалась мне необъяснимой. Хотя они и говорили мне, что настоящее разрешение проблемы, по всей вероятности, невозможно, к концу нашего путешествия я почувствовал, что для индейских племен братья Вильяс — лучшие спасители из всех, каких я встречал в Южной Америке. Ибо лишь они пришли в джунгли без первоначального намерения облагодетельствовать индейцев или намерений чисто морального свойства. Им платили за распространение цивилизации и за помощь Центральному бразильскому фонду в освоении лесов Центральной Бразилии. Лишь прожив несколько лет среди туземцев, братья Вильяс начали борьбу. Теперь они опираются на дружбу с самими индейцами, а не на чуждые идеалы, рожденные за тысячи миль от джунглей. Они вводят те усовершенствования, которые нужны самим индейцам, а не несут те блага, которые кажутся важными миссионерским комитетам, состоящим из набожных европейцев или американцев. Но, что самое важное, братья Вильяс не стремятся к успеху. Они не обязаны представлять отчеты: построено столько-то современных домов, крещено столько-то языческих душ, проведено столько-то мероприятий и так далее. Отсутствие заранее поставленной узкой задачи и эффективного метода, приводящее в ярость всех цивилизаций, приезжающих в Васконселос, и обуславливает их близость с индейцами.

— Что вы думаете об Орландо и Клаудио? — спросил меня как-то один из членов нашей группы.

— Хотя Орландо и начальник экспедиции, он забывает о топорах, когда главная наша цель — прорубить дорогу в лесу. Соль — единственный предмет, необходимый нам в Шингу, потому что рыбы и дичи всегда хватает.

И тем не менее, когда наш караван покидает Васконселос, лодкам приходится возвращаться, потому что, оказывается, забыли соль. Разве англичане отправляются в экспедиции с опозданием на девять месяцев? Разве у них бывает так, что сегодня они не знают, куда направятся завтра?

На это можно ответить, что, хотя такой метод братьев Вильяс и раздражает цивилизованных людей, он

привлекает к ним сердца индейцев, которые никогда не ставят себе определенных целей и ненавидят организованность. И братья Вильяс и индейцы знают, что джунгли никогда не подведут. Какая бы ни произошла беда, пусть даже погибнет все снаряжение, первобытный человек найдет в лесу все, что ему нужно. Лишь цивилизованный человек стремится выколлотить из джунглей какую-то прибыль и с присущим ему нетерпением впадает в отчаяние и гибнет. Но для человека, живущего ради того, чтобы жить, джунгли — родной дом, а «болезнь джунглей» — единственная философия, соответствующая окружающей его среде. Сфера этой философии ограничена. В условиях контакта с цивилизацией она приводит индейцев к отчаянию и смерти.

Итак, в последний месяц экспедиции мои личные сомнения в отношении Шингу сменились фатализмом и апатией. Может быть, я в какой-то степени усвоил образ мышления индейцев. Я чувствовал, что стал значительно лучше понимать братьев Вильяс и разбираться в людях, которых они опекали.

На первый взгляд наша экспедиция была неудачной. Мы отправились в путь, задержавшись на девять месяцев, и немало времени потратили на борьбу с эпидемией гриппа в деревне журуна. Мы проложили дорогу к географическому центру Бразилии, но в этом не было ничего особенно героического, и никого из нас не вдохновил символизм этого деяния. Мы не встретили и не замирили ни одного дикого племени; геолог наш не обнаружил никаких ценных полезных ископаемых; с тхукахаме мы установили контакт лишь после нескольких недель блужданий. Но все это не входило в цель нашего путешествия.

Братья Вильяс воспользовались экспедицией, чтобы совершить объезд своих земель и залечить хотя бы самые поверхностные раны на теле индейской проблемы. У них не было никакого надежного средства для ее разрешения, и вся наша поездка проходила под знаком величайшей трагедии. Но мы все же хоть на какую-то йоту замедлили процесс вымирания индейцев, больше узнали о них, укрепили с ними дружбу и тем самым заложили прочную основу для последующего путешествия. Даже во имя такого маленького, скромного, едва заметного

шага вперед стоило предпринимать эту нелегкую, утомительную экспедицию.

Однажды, несколько месяцев тому назад, мы с Клаудио сидели в деревне журуна. Мимо нас прошел индеец, больной гриппом. Он казался печальным символом вымирающего племени, и я вдруг почувствовал, что в жизни самого Клаудио было не меньше безнадежности, чем в существовании индейцев. Я спросил его, как он мог посвятить себя борьбе за дело, обреченное на неудачу.

Ответ Клаудио был прост:

— Лет через пятьдесят на этот народ распространится цивилизация (в то утро Клаудио был очень бледен), и они будут обречены на полное вымирание. Если нам удастся сейчас принести в их жизнь мир и подготовить их к этому удару, может быть, мы тем самым сумеем хоть немного замедлить их вымирание. Но даже если это невозможно, Адриано, даже если они доживают последние годы, разве следует из-за этого складывать оружие? Несколько месяцев мы работали во имя этой цели.

Итак, пока экспедиция поднималась обратно вверх по реке Шингу, нас не печалило то, что путешествие наше ничем не завершилось и мы не добились успеха. Другие экспедиции взбирались на Эверест, покоряли Южный полюс. Мы ничего подобного не сделали. Меня не покидало чувство обреченности, мысль была бессильна найти утешение. Лишь один раз на меня накатила ярость.

Это случилось, когда, перебираясь через пороги, я потерял последний башмак. Потом, добравшись до склада у водопада Мартинс, мы распаковали мешки с рисом и бобами, досыта наелись, выпались, и на следующее утро отряд под руководством братьев Вильяс вышел в трехдневный поход, чтобы выжечь посадочную площадку возле старой деревни тхукахаме. Другим предстояло вернуться к прежним делам и обязанностям, и среди них был и я.

Мы продолжали путь дальше вверх по реке, чтобы сесть на самолет, который доставит нас в цивилизованные края. Франклин, Дилтон, Раймундо, Жорже и я сели в лодку. Прощание с Вильясами было коротким и немногословным.

Лодка отчалила от берега. Глядя на приземистые фигуры этих уже немолодых людей, я понял, что для них экспедиция никогда не кончится. Расчистив посадочную площадку, они вернутся в Васконселос, но вскоре снова придут сюда. Предстоит приучить к оседлости тхукахаме, утихомирить крин-акароре, посетить кайяби, найти суйя и разыскать другие племена. Ведь Клаудио сказал: «Даже если они доживают последние годы, разве следует из-за этого складывать оружие?»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Закрота последняя страница, окончен рассказ о судьбе индейцев, живущих в сердце леса, а перед глазами все стоят заключительные слова книги: «Даже если они доживают последние годы, разве можно из-за этого складывать оружие?» Да, конечно, нельзя складывать оружие в борьбе за жизнь, за счастье людей, даже если их ничтожная горстка. И нам близок и понятен этот призыв героев бразильской сельвы братьев Вильяс Боас. Но почему же вымирают индейцы в Бразилии?

Бразилия — одна из крупнейших стран современного мира. Здесь на площади, равной половине южноамериканского континента, живет 70 миллионов человек, и с каждым годом население стремительно увеличивается. Бразилия — страна контрастов: огромные, во многом еще не освоенные человеком тропические леса на севере и бескрайние кофейные плантации на юге, океан, омывающий восточное побережье и засушливые кустарниковые степи во внутренних районах, шалаши из пальмовых листьев и небоскребы, примитивные мотыги и тракторы — все есть в Бразилии. Так почему же не находится в этой огромной стране места для ее коренного населения — индейцев? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам придется вернуться в глубь веков. Несколько тысячелетий назад — может быть, восемь, а может быть, и все десять — Бразилия была безлюдна. Только звери бродили по ее лесам и саваннам, только рыбы, крокодилы да водяные змеи плавали по ее рекам. Но настало время, и люди, пришедшие из Азии и постепенно осваивавшие Америку, достигли Бразилии. Они заселили ее леса, стали охотиться и ловить рыбу, а вскоре одомашнили полезный клубнеплод маниок и начали обрабатывать землю. Жили эти люди первобытнообщинным стро-

ем. По большей части они сообща, целыми селениями расчищали землю от леса, чтобы посадить маниок, устраивали облавы на тапиров и пекари, травили рыбу в водоемах. Все у них было общее: и земля, и жилища, и запруды для ловли рыбы, и пища. Уровень их культуры был довольно низок. Но все же эти люди, как свидетельствуют данные археологических раскопок, успешно развивались, росла их численность, и кто знает, каких высот культуры они достигли бы, не будь их нормальная жизнь нарушена португальской колонизацией. Когда португальцы открыли Бразилию, там жило около миллиона индейцев. Сначала завоеватели пытались обратить коренных жителей в рабов, а когда это не удалось, стали их беспощадно преследовать, охотиться на них, как на диких зверей. Многие племена, ранее жившие вблизи побережья, бежали, спасаясь от гибели, в самые глухие уголки амазонской сельвы. Одним из наименее доступных для иноземных пришельцев мест был район верховьев притока Амазонки — реки Шингу. На юге этот район граничит с пустынным и труднопроходимым плоскогорьем Мату-Гросу, на востоке его окаймляет горная цепь Ронкадор, а на западе — горная цепь Формоса; многочисленные пороги и водопады, которыми изобилует Шингу, не дают возможности добраться сюда с севера водным путем. Вот в этом-то глухом уголке и скрылись от колонизаторов остатки различных индейских племен. Были среди них и араваки, и карибы, и тупи. Различны у них были первоначально не только языки, но и культура. Но в результате жизни в течение нескольких столетий в соседних деревнях, в результате межплеменной торговли, межплеменного общения и межплеменных браков племена верховьев Шингу стали очень похожи одно на другое. Общим для них было и то, что в течение нескольких веков все эти племена были как бы выключены из истории Бразилии.

В то время как другие племена гибли в борьбе с колонизаторами, затем в более мирные и благоприятные периоды смешивались с португальцами, участвуя вместе с ними в формировании бразильской нации, а в конце XIX и начале XX века снова испытали период жестоких преследований и эксплуатации в годы так называемого каучукового бума в Амазонии, племена Шингу жили простой, мирной и даже чуточку идиллической жизнью.

Ее чудесно описал немецкий путешественник Карл Штейнен, в конце XIX века достигший верховьев Шингу. В то время здесь жило около трех тысяч индейцев*.

Штейнен видел у них и мир, и радость жизни, и безмятежное счастье, и дружеское тепло — все то, чего уже не встретил Кауэлл, побывавший здесь 60 с лишним лет спустя. Внешне за эти шесть десятилетий в жизни индейцев Шингу как будто мало что изменилось, потому что до сих пор в Шингу почти невозможно попасть, кроме как на самолете, а на это требуется специальное разрешение. Служба защиты индейцев, основанная в Бразилии в 1910 году, закрыла район Шингу для искателей золота, сборщиков каучука и прочих непрошенных пришельцев. И до сего дня индейцы живут в таких же хижинах, как их предки, так же обрабатывают землю, на охоте еще продолжают применять лук и стрелы, а рыбу травят растительным ядом. Европейских орудий у них мало. В материальной жизни как будто почти все осталось по-старому, но у индейцев Шингу исчезло главное — вера в свои силы, вера в устойчивость своей жизни. Периодически вместе с «белыми» визитерами приходят эпидемии неизвестных ранее индейцам болезней и проносятся сквозь деревни, как вихрь, унося сотни жизней. И теперь из трех тысяч индейцев Шингу сохранилось только семьсот-восемьсот человек, а от некоторых племен в живых осталось всего по два-три человека. В результате разрушилась старая племенная организация, а взамен ее ничего не пришло. А главное — за пределами родных мест существуют могучие силы, которые определяют судьбу индейцев. В результате возникает дух неуверенности и безнадежности перед мощью этих чуждых сил. А у тех, кто стремятся спасти коренное население, у работников Службы защиты индейцев, это чувство отчаяния и безнадежности еще острее, потому что они знают, насколько непримиримы интересы финансовой олигархии и интересы индейцев. По конституции Бразилии запрещается отчуждать индейские земли, а фактически уже к 1955 году три четверти земель Шингу было продано и юридически принадлежало различным

* Карл Штейнен. Среди диких народов Бразилии. М.—Л., 1930.

капиталистическим колониционными компаниям *. В начале 1950-х годов защитники индейцев внесли в конгресс законопроект о создании в районе Шингу Национального парка, своего рода огромной индейской резервации. Ко времени приезда в Бразилию Кауэлла этот проект находился в конгрессе уже пять лет, но так и не был принят из-за сопротивления тех, кто скупали земли на Шингу.

Не может Служба защиты индейцев обеспечить и достаточную медицинскую помощь своим подопечным. На это ей выделяется недостаточное количество средств. Например, только с июня по декабрь в верховьях Шингу от эпидемии кори умерло 114 человек, из которых 71 во время болезни не получали медицинской помощи **. Один энтузиазм и самопожертвование братьев Вильяс Боас, как бы они ни были велики, не могут спасти индейцев Шингу. Индейцы Шингу, как и индейцы других областей Бразилии, вымирают. Достаточно сказать, что, по подсчетам видного бразильского этнографа и политического деятеля Дарси Рибейро, в начале XX в. в Бразилии было около 230 индейских племен, а спустя полвека их число уменьшилось почти вдвое — до 143. Причем, большинство этих племен не растворилось в составе бразильской нации, а именно вымерло, и сейчас в Бразилии на 70 млн. населения приходится всего лишь около 100 тыс. индейцев ***.

Но почему вымирают индейцы? Кауэлл думает, что для отсталых индейских племен губительны «блага» современной цивилизации. По его мнению, новая техника несовместима с первобытным мышлением индейцев. Но в этом с ним никак нельзя согласиться. Мышление у индейцев совсем не первобытное. Все мы, белые, негры, индейцы, принадлежим к одному виду *Homo sapiens* (человек современного вида). У всех у нас одинаково устроен мозг и по одним законам совершаются мыслительные процессы. Уже по одному этому нет и не может быть непроходимой пропасти между мышлением у раз-

* Serviço de proteção aos índios. Rio de Janeiro, 1955, p. 182.

** Там же, стр. 140.

*** D. Ribeiro. Línguas e culturas indígenas do Brasil. Rio de Janeiro, 1957; E. Galvão. Áreas Culturais Indígenas do Brasil. «Boletim do Museu Paraense e Goeldi, Anthropologia», 1960, № 8 p. 14.

ных народов земли. Настойчиво на протяжении всей книги, называя индейцев «первобытными» и подчеркивая пропасть, будто бы существующую между их мышлением и мышлением белого человека, Кауэлл отдает невольную дань расизму. Кстати, эту дань он отдает и тогда, когда обильно применяет по отношению к индейцам такие эпитеты и выражения, как «звериная жизнестойкость», «союз двух животных», «кровожадные лица», «дикие крики» и т. д. Вслед за многими зарубежными авторами Кауэлл явно преувеличивает воинственность индейцев, которая порождена столетиями преследований со стороны колонизаторов, а не является исконной. К сожалению, в отличие от многих исследователей индейцев, Кауэлл видит в коренных жителях Бразилии не людей, равных себе, а каких-то принципиально отличных от себя существ. Поэтому он и не смог правильно понять причин вымирания индейцев Бразилии. Индейцев губит не появление у них новой техники, как это думает Кауэлл, а столкновение с капиталистической системой. И пропасть в мышлении между индейцем и человеком европейской культуры, которую так подчеркивает Кауэлл,— это во многом пропасть между первобытно-коллективистическими понятиями индейцев и индивидуализмом человека капиталистического общества, что неизбежно ведет индейское население к гибели или к превращению в наиболее угнетенную и бесправную часть сельского пролетариата. Потому-то и проникнута такой безнадежностью книга Кауэлла об индейцах Шингу, отразивших, как в зеркале, судьбы всего индейского населения Бразилии.

С Кауэллом нельзя согласиться не только когда он пишет о причинах вымирания индейцев, но и по некоторым другим вопросам. Так, он восхваляет «альтруизм» и «чрезмерную» доброту миссионеров, работавших среди индейцев. На самом же деле, как показывает вся история Бразилии, миссионеры были и остаются такими же эксплуататорами индейцев, как и светские предприниматели. Они сселяли индейцев в поселки при миссиях и заставляли бесплатно или за ничтожное вознаграждение работать на себя. Об эксплуатации индейцев Амазонии современными пропагандистами христианства писали Хансон, Гэппи и многие другие путешественники.

Есть в книге и некоторые другие ошибки, которые оговорены в примечаниях. Ошибки Кауэлла скорее всего являются следствием того, что Кауэлл — представитель буржуазной науки. В отдельных случаях, может быть, сказывается его недостаточная этнографическая подготовка и малый срок пребывания на Шингу. И все же он сумел рассказать о природе и людях одного из своеобразнейших районов Бразилии так, что закрываешь книгу с ощущением, будто сам только что побывал там. И в этом ее главное достоинство.

ПРИМЕЧАНИЯ

От автора

- ¹ Это утверждение неточно. Индейцы Шингу говорили и говорят не на разновидностях португальского, а на своих языках, принадлежащих к языковым семьям тупи, карибской и аравакской. Язык трумаи считается изолированным. Кауэлл прав лишь в том смысле, что в словарный состав этих языков вошло некоторое количество португальских слов.

Глава I

- ² «Форса аэреа ду Бразил» (*португ.*) — «Воздушные силы Бразилии».
- ³ Имеется в виду бывший президент Бразилии Жуселино Кубичек (1953—1958).

Глава II

- ⁴ Тапир (*Tapirus terrestris*) — животное из отряда непарнокопытных. Распространено в Южной Америке от Венесуэлы до Аргентины.
- ⁵ Индюк — крупная птица семейства *Cracidae*; в диком состоянии в Южной Америке не водится. Имеется в виду не собственно индюк, а широко распространенная в Амазонии птица *Mitu Mitu*, принадлежащая к тому же семейству, что и индюк, и очень ценящаяся индейцами за вкусное мясо.
- ⁶ Тукан — птица из отряда дятловых (*Rhamphastidae*). Характерные черты туканов — большой клюв и яркое оперение. Туканы живут в Южной и Центральной Америке.
- ⁷ Обезьяны-ревуны (*Alouatta seniculus*) — разновидность обезьян. Употребляется индейцами в пищу.
- ⁸ Генрих VIII (1491—1547) — король Англии (1509—1547) из династии Тюдоров. Автор намекает на любовные приключения Генриха VIII, который был женат шесть раз.

Глава IV

- ⁹ Уруку — красная краска, применяемая индейцами тропической части Южной Америки. Уруку готовится из кожуры семян растения *Bixa orellana*.
- ¹⁰ Туканаре (*Cichla sp.*) — один из основных объектов рыбной ловли у индейцев Шингу.

- 11 Пиранья (*Serrasalmus, Pigocentrus*) — некрупная, длиной 20—40 см рыба, водится в реках бассейнов Амазонки, Ориноко и Ла-Платы. Кауэлл правильно отмечает, что опасность этих рыб для человека обычно преувеличивается.
- 12 Колющий скат (*Potamotrygon, Paratrygon*) — большая рыба длиной около метра, водится в Амазонке и Ориноко. Около половины длины рыбы составляет хвост с ядовитым шипом. Индейцы нередко делают из шипов скатов наконечники стрел.
- 13 Электрический угорь (*Electrophorus electricus*) — крупная, до 2,3 м длиной рыба, водится в реках бассейнов Амазонки и Ориноко. Способна испускать электрические разряды, создавая напряжение до 500 вольт.
- 14 Тимбо — обобщающее название для нескольких видов растений, соком которых травят рыбу. Наиболее часто применяются индейцами Бразилии следующие виды тимбо: *Dahlstedtia pinnata, Magonia pubescens, Indigofera lespedezoides*.
- 15 Мавутсиним — мифический персонаж в верованиях индейцев Шингу, создатель людей, полезных растений и т. д.

Глава VI

- 16 Жакубим (*Psophia leucoptera*) — широко распространенная в амазонских джунглях птица. Легко приручается.
- 17 Имеется в виду не обычная речная выдра (*Lutra*), а так называемая гигантская выдра (*Pteroneura brasiliensis*), крупное, до двух метров длиной, животное, распространенное в реках бассейнов Ориноко, Амазонки и Ла-Платы.
- 18 Пирара, или пирарара (*Phractocephalus sp.*), — крупная, нередко превышающая два метра длиной рыба, водящаяся в реках Амазонской системы.
- 19 Пинтадо (*Plastystoma*) — крупная рыба семейства *Pimelodidae*, водящаяся в реках Восточной Бразилии.
- 20 Шек-шек — примитивный ударный музыкальный инструмент, разновидность барабана.

Глава VII

- 21 К смерти индейцев влекут не какие-то таинственные силы, тающиеся в их природе, а сложившиеся социально-экономические условия жизни.

Глава VIII

- 22 Подобная теория «алогического» характера мышления у отсталых народов длительное время пропагандировалась французским социологом и этнографом Леви-Брюлем. В виду ее полной несостоятельности она была в конечном счете отвергнута не только советскими, но и большинством зарубежных ученых.

Глава IX

- 23 Здесь автор допускает неточность. Уже первый исследователь индейцев Шингу К. Штейнен обнаружил, что они употребляют алкогольный напиток касаву, колдуны же в качестве наркотика жуют табак.

Глава X

²⁴ Фиеста (*исп.*) — праздник, празднество.

Глава XI

²⁵ Санта-Клаус — в англоязычных странах соответствует деду-морозу в России.

Глава XII

²⁶ Автор допускает неточность. Кабокло — это именно индоевропейский метис, человек с преобладанием индейской крови, но никоим образом не «человек со смешанной кровью — негритянской и белой».

²⁷ Коати, или носуха (*Nasua*), — хищное животное из семейства енотовых (*Procyonidae*). Обитает в тропических лесах Южной Америки.

Глава XIII

²⁸ В противоположность утверждению автора причины вражды индейцев к охотникам за каучуком — серингейро хорошо известны. В начале XX в. в годы каучукового бума в Амазонии серингейро чинили дикие зверства по отношению к индейцам: убивали мужчин, женщин, детей, а оставшихся в живых обращали в рабство. Для расследования этих преступлений в Амазонию не раз выезжали специальные комиссии, в том числе от Англии. Так что никак нельзя согласиться с Кауэллом, что никто не знает причин вражды индейцев к серингейро. Она вполне оправдана всей историей их взаимоотношений.

²⁹ Контто — денежная единица Бразилии.

Глава XIV

³⁰ Мигеле (от испанского имени Мигель) — здесь имя нарицательное для любого белого человека.

Глава XV

³¹ О Национальном парке — своего рода резервации для индейцев Шингу — см. в послесловии.

³² Кайтиту, или, правильнее, каетету (*Tayassu tajacu*), — разновидность американской дикой свиньи пекари.

³³ Броненосец — животное из семейства *Dasypodidae*, водится в тропических и субтропических областях Америки. Его характерная черта — наличие панциря. Мясо броненосца употребляется индейцами в пищу.

Глава XVI

³⁴ Франсиско Писарро — испанский конкистадор, в поисках золота проникший в Перу и завоевавший его в 1524—1533 гг. Эрнандо Кортес — испанский конкистадор, завоевавший в 1519—1521 гг. Мексику. Франсиско Орельяна в 1541—1542 гг. первым

из европейцев пересек Южную Америку с запада на восток, проплыв по реке Амазонке от ее верховьев до устья.

- ⁸⁵ Генрих Мореплаватель — португальский принц, организовавший в первой половине XV в. большое число экспедиций для обследования западного берега Африки.

Диас (или Диаш), Бартоломеу — португальский мореплаватель, первым из европейцев обогнувший Африку в 1487—1488 гг. Генри Гудзон — англо-голландский арктический мореплаватель начала XVII в. Джеймс Кук — английский путешественник, совершивший во второй половине XVIII в. два кругосветных путешествия и сделавший много открытий, главным образом в южном полушарии. *Terra Incognita Australis* — имеется в виду Австралия. Давид Ливингстон и Генри Стэнли — путешественники, исследовавшие внутренние области Африки в 1850—1870-х годах. Джон Престер, или пресвитер Иоанн, — правитель легендарного христианского государства, будто бы существовавшего где-то в Азии или Африке.

- ⁸⁶ Лхаса — столица Тибетского автономного района (Китай). В течение ряда веков европейцам было запрещено посещать этот город.

- ⁸⁷ Эльдorado — легендарная страна, изобилующая золотом, которую европейцы долго и тщетно искали в Южной Америке.

- ⁸⁸ Монтесума — глава ацтекского государства (Мексика) в период его завоевания испанцами.

- ⁸⁹ Рэли Уолтер — английский царедворец и путешественник, проникший в 1595 г. по Ориноко на несколько сот километров в глубь Южной Америки.

- ⁴⁰ Здесь перечисляются имена некоторых европейских завоевателей и авантюристов XVI в., искавших Эльдorado.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Предисловие	8

Часть первая. Куяба Орландо

Глава I. Самолет прилетел	15
Глава II. Охота	35
Глава III. Куяба Орландо	46
Глава IV. Ловля рыбы при помощи яда	54
Глава V. Малый куаруп	61
Глава VI. Калуана	71
Глава VII. Приезд Клаудио	83
Глава VIII. Желание смерти	92
Глава IX. Тамуан	100
Глава X. В конце августа	109

Часть вторая. Экспедиция к географическому центру Бразилии

Глава XI. Экспедиция выступает в путь	113
Глава XII. В месте черных пум	122
Глава XIII. Индейцы убивают охотников за ка- учуком	136
Глава XIV. Мы прорубаем просеку	146
Глава XV. Почему пумы убивают людей	158
Глава XVI. Последнее Эльдorado	167
Глава XVII. От порогов вниз по реке	179
Глава XVIII. Отношение полов, противозачаточные средства и вымирание племен	185
Глава XIX. Землееды	194
Глава XX. Конец	208
Послесловие	219
Примечания	225

Адриан Кауэлл

В СЕРДЦЕ ЛЕСА

Редактор *В. А. Смирнов*

Младший редактор *В. А. Мартынова*

Художник *Г. А. Кудрявцев*

Художественный редактор

С. М. Полесицкая

Технический редактор *Э. Н. Виленская*

Корректор *О. П. Горшкова*

Сдано в производство 14/XII 1963 г. Подпи-
сано в печать 6/IV 1964 г. Формат 84×108³/₃₂.
Печатных листов 7,25. Условных листов 12,89.
Издательских листов 13,23. Тираж 105 000.
Цена 68 к. Заказ № 1144.
Тематический план Географгиза 1963 г. № 61.

Москва В-71, Ленинский проспект, 15.

Издательство

социально-экономической литературы

„Мысль“

Первая Образцовая типография

имени А. А. Жданова

Главполиграфпрома

Государственного комитета

Совета Министров СССР

по печати

Москва, Ж-54, Валовая, 28.

В 1963 ГОДУ

В СЕРИИ „РАСКАЗЫ О ПРИРОДЕ“

ВЫШЛИ В СВЕТ:

Акимушкин И. И. *Приматы моря*, ц. 32 коп.

Даррелл Дж. *Под пологом пьяного леса*,
ц. 49 коп.

Ефремов Ю. К. *Тропами горного Черноморья*, ц. 99 коп.

Клинджел Д. *Остров в океане*, ц. 1 р. 15 к.

Робертс Ч. *В долинах Рингваана*, ц. 40 коп.

Фидлер А. *Рыбы поют в Укаяли*, ц. 77 коп.

Хлудова О. Ф. *За голубым порогом*,
ц. 74 коп.

В 1964 ГОДУ

В СЕРИИ „РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ“

ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Акимушкин И. И. *Откуда? Куда?* ц. 60 коп.

Даррелл Дж. *Земля шорохов*, ц. 50 коп.

Денеш И. *Впереди Нилиманджаро*, ц. 90 коп.

Заплатин М. А. *Чара*, ц. 50 коп.

Смирнов В. И. *В мире вечного мрана*,
ц. 30 коп.

Туркин В. Н. *Джунглями Непала*, ц. 40 коп.

Кауэлл Адриан

В сердце леса. Пер. с англ. М., „Мысль“, 1964.
232 стр., 8 л. илл. (Географ. серия „Рассказы о природе“)

91(И7)

68 КОИЛ.

